

пермистика

6

мелка!

Вадим

мног.
унод.

озинский
унод

но
20.02.01

Министерство образования Российской Федерации
Удмуртский государственный университет
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

ПЕРМИСТИКА 6:
Проблемы синхронии и диахронии
пермских языков и их диалектов

Сборник статей

Ижевск
2000

УДК 809.44/45

ББК 81.66я43

П275

Редакционная коллегия:

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор (составитель и ответственный редактор). **П. Н. Воронцов**, канд. филол. наук, декан факультета удмуртской филологии, **М. А. Самарова**, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры общего и финно-угорского языкознания

П275 Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2000. 267 с.

ISBN 5-7029-0192-4

Очередной выпуск сборника под традиционным названием составлен в первую очередь на материале VI Международного симпозиума "Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками", состоявшегося 20–21 ноября 1996 года в г. Ижевске; кроме того, в него включен ряд тематически соответствующих докладов из других научных совещаний и инициативных научных исследований, посвященных неизученным вопросам удмуртского, коми-пермяцкого, коми(-зырянского) и марийского языкознания.

Книга рассчитана на специалистов в области пермского и финно-угорского языкознания, преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей-словесников, любителей-краеведов, а также на всех тех, кто интересуется языками и народами Поволжско-Приуральского региона.

ISBN 5-7029-0192-4

УДК 809.44/45

ББК 81.66я43

© В. К. Кельмаков, С. М. Решетников, О. П. Аксенова и др. 2000.

© В. К. Кельмаков (составление, компьютерный набор, верстка), 2000.

© А. В. Кельмаков (компьютерный макет-оригинал), 2000.

© Издательский дом "Удмуртский университет", 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: О деятельности Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики

Решетников С. М. , Председатель Комитета, доктор химических наук, профессор (<i>Ижевск</i>)	11
--	----

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Аксенова О. П. (<i>Кудымкар</i>) К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка	15
---	----

Булычева Е. А. (<i>Ижевск</i>) К вопросу о желательном наклонении в удмуртском языке	19
---	----

Воронцов П. И. (<i>Ижевск</i>) Формантные характеристики гласных бавлинского говора удмуртского языка	25
--	----

Габов С. (<i>Сыктывкар</i>) О “Полном рукописном русско-зырянском словаре коми языка” Н. П. Попова	32
---	----

Герасимова С. В. (<i>Ижевск</i>) Суффиксальный способ образования новых слов в удмуртском языке	37
--	----

Зеленина Н. А. (<i>Сыктывкар</i>) Неологизмы в коми языке, образованные путем словосложения (1918–1940 гг.) ...	40
--	----

Каракулов Б. И. (<i>Глазов</i>) О проблемах, связанных с категорией посессивности в удмуртском языке	45
---	----

Карпова Л. Л. (<i>Ижевск</i>) Лексико-семантическая характеристика микротопонимов среднечепецкого региона	49
--	----

Кельмаков В. К. (<i>Ижевск</i>) К вопросу о типах склонения имен существительных в пермских языках	73
---	----

Кириллова Л. Е. (<i>Ижевск</i>) Об упорядочении названий населенных пунктов Удмуртии	87
---	----

Кожевни Г. Ю. (Сыктывкар) Указательное и посесивное значения лично-притяжательных суффиксов современного коми языка	93
Кондратьева Н. В. (Ижевск) Особенности выражения прямого объекта в удмуртском языке в зависимости от характера глагола и объекта	100
Куклин А. Н. (Йошкар-Ола) Субстратная топонимия Волго-Камья	102
Лобанова А. С. (Пермь) Об ассимиляции гласных звуков в диалектах коми-пермяцкого языка	110
Лудыкова В. М. (Сыктывкар) Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке	114
Максимов С. А. (Ижевск) Коми-пермяцко-удмуртские лексические параллели	121
Мусанов А. (Сыктывкар) Структурные типы микро-топонимов бассейна реки Летка	129
Некрасова Г. А. (Сыктывкар) Функционирование пермских аффрикат в современных коми диалектах	135
Осипов Б. И., Никонорова О. Г. (Омск) О программе ознакомительного спецкурса по финно-угорским языкам для студентов-русистов	139
Пономарева Л. Г. (Ижевск) Употребление фонем <i>ö</i> и <i>э</i> в первом слове в говоре д. Тайга верх-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка	142
Ракин А. Н. (Сыктывкар) Спланхнонимическая лексика в пермских языках: Синхронно-лексикографический анализ	145
Рютер М. Джек (Хельсинки) Хельсинкиса университетын кыв туялысь Ижкарнын перымса кывъяс симпозиум вылын лыддьöмтор	154
Самарова М. А. (Ижевск) Аппеллятивы русского происхождения в микротопонимии Верхней Чепцы	159
Сергеев О. А. (Йошкар-Ола) К вопросу о периодизации истории марийской диалектологии	162
Тараканов И. В. (Ижевск) Есть ли в пермских языках флексия (окончание)?	166
Тираспольский Г. И. (Сыктывкар) Коми-зырянские и удмуртские стативы как часть речи	175
Ураськина Н. И. (Ижевск) Анализ языка и стиля районных газет (Дебесского и Игринского районов)	179

Хянинкяйнен С. (Ижевск – Турку) Россиясь финн-угор калыкъёс пöлын финн кыллы но культуралы дышетон	183
Цыпанов Е. А. (Сыктывкар) О статусе каузативных глаголов в коми языке	188
Шутов А. Ф. (Ижевск) Некоторые переходные случаи выражения гипотаксиса в удмуртском языке	194

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ, РЕЦЕНЗИИ

Д. В. Бубрих. К вопросу о пермском вокализме	203
П о с л е с л о в и е: Программные тезисы Д. В. Бубриха по истории пермских языков	
В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)	205
Финно-угроведение как учебная дисциплина в Удмуртском государственном университете	
В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)	209
Вклад преподавателей кафедры удмуртского языка и литературы в развитие удмуртского языкознания	
И. В. Тараканов, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)	218
Т. И. Тепляшина лы – 75 арес	
Л. Е. Кириллова, канд. филол. наук, зав отделом языкознания Удм. ИИЯЛ УрО РАН (Ижевск)	228
П. И. Воронцов. Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 1999. 160 + [Приложение] 69 с. [Рецензия]	
Т. А. Краснова, канд. филол. наук, доцент УдГУ (Ижевск)	232
Е. А. Изушев. Стилистика морфологических категорий коми языка: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Сыктывкар, 1990. 310 с. [Рецензия]	
И. В. Тараканов, доктор филол. наук, профессор (Ижевск)	237

В. К. Кельмаков. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / РАН. Институт языкознания. М., 1993. 57 с. [Рецензия]

А. Н. Куклин, доктор филол. наук, профессор МГПИ (Иошкар-Ола)

243

Учебно-методический комплект по удмуртской диалектологии, составленный **В. К. Кельмаковым** (1974–1998) [Рецензия]

Г. А. Турова, канд. пед. наук, научный сотрудник НИИ национального образования Удмуртской Республики (Ижевск)

245

Славистические заметки о старинном удмуртско-русском словаре ("Краткой вотской словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ. 1785 года")

Б. И. Осипов, доктор филол. наук, профессор (Омск)

251

Т. Г. Миннихметова. Календарные обряды закамских удмуртов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996. 20 с. [Отзыв]

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)

254

Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: С. 121–191; Прил.: С. 192–201 [Рецензия]

Е. Б. Белова, м. н. с. отдела языкознания Удм. ИИЯЛ УрО РАН (Ижевск)

257

М. А. Самарова. Микротопонимия Верхней Чепцы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 1999. 297 с. [Рецензия]

М. Г. Атаманов, доктор филол. наук (Ижевск)

261

ПРЕДИСЛОВИЕ

20–21 ноября 1996 года в г. Ижевске состоялся очередной VI (Международный) симпозиум по проблемам удмуртского и коми языкознания – “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками”. Всего на данном симпозиуме было прочитано 42 доклада преимущественно учеными из ведущих центров изучения пермских языков (Ижевск – 26, Сыктывкар – 8, Кудымкар – 1, Пермь – 1); кроме того, в его работе приняли активное участие ученые и из других научных центров России (Омск, Елабуга) и за ее пределами (Хельсинки, Турку, Сегед).

VI Международный симпозиум “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками” был посвящен 65-летию Удмуртского государственного педагогического института (1931–1972) / Удмуртского государственного университета (1972). Этот старейший вуз Удмуртской Республики, выступивший еще в середине 80-х годов (в лице его кафедры удмуртского и финно-угорского языкознания) инициатором организации регулярных симпозиумов по вопросам пермистики, создал соответствующие условия для проведения и данного симпозиума.

Симпозиум открыли председатель Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики проф. С. М. Решетников и проректор УдГУ по науке проф. В. Е. Шудегов. Следует отметить, что именно этот вышеназванный Комитет и явился одним из основных спонсоров данного симпозиума и финансировал издание предлагаемого вниманию читателей сборника “Пермистика 6”.

Работа симпозиума проходила в двух пленарных и пяти секционных заседаниях; причем, I–III секционные заседания состоялись синхронно 20 ноября после обеденного перерыва, а IV–V заседания – в первой половине следующего дня.

Первое пленарное заседание в связи с 65-летием УГПИ/УдГУ было посвящено преимущественно проблемам организации науки в Удмуртской Республике в наше время, преподавания отдельных финно-угорских языков и других финно-угроведческих дисциплин в некоторых вузах России, а также некоторым общим вопросам пермистики (5 докладов). Часть из этих докладов (С. М. Решет-

ников "О деятельности Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики", С. Хянкияйнен "Россиысь финн-угор калыктьёс пöлын финн кыллы но культуралы дышетон", В. К. Кельмаков "Финно-угроведение как учебная дисциплина в Удмуртском государственном университете", И. В. Тараканов "Вклад преподавателей кафедры удмуртского языка и литературы в развитие удмуртского языкознания", Б. И. Осипов, О. Г. Никонорова "О программе ознакомительного спецкурса по финно-угорским языкам для студентов-русистов") включена в виде отдельных статей в соответствующие разделы данного сборника.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады, посвященные более общим теоретическим вопросам пермского языкознания (И. В. Тараканов "Имеется ли окончание в пермских языках?", И. Козмач "К вопросу о глагольной системе в удмуртском языке", Л. Ш. Арсланов "Топонимические параллели на территории Республики Татарстан" и А. Н. Ракин "Спланхнонимическая лексика в пермских языках: Синхронно-лексикографический анализ"); из них лишь два – доклады А. Н. Ракина и И. В. Тараканова – оказались представленными в редколлегию сборника "Пермистика 6" для публикации.

Основная масса докладов была заслушана в секциях I ("Вопросы грамматики и диалектологии"), II ("Вопросы ономастики, семасиологии, лексикологии и лексикографии"), III ("Вопросы языковой интерференции и контрастивной лингвистики"), IV ("Вопросы грамматики и фонетики") и V ("Вопросы стилистики, языка художественной литературы и периодической печати, методики преподавания языков"). Часть этих докладов, оформленных в качестве статей, и стала основой данного сборника.

Поскольку не все участники VI симпозиума "Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками" представили свои выступления для публикации в материалах симпозиума, появилась возможность выборочно включить в данный сборник тексты докладов, прочитанных на других научных совещаниях (или направленных на эти форумы): 1) на симпозиуме, посвященном 70-летию со дня рождения проф. И. В. Тараканова (доклады Б. И. Каракулова, Г. А. Некрасовой, О. А. Сергеева и Г. И. Тираспольского) и 2) III Международной научно-практической конференции "Исторический опыт российских регионов: округ и Урал на рубеже тысячелетий", посвященной 75-летию обра-

зования Коми-Пермяцкого автономного округа (17 февраля 2000 г.) (доклады членов удмуртской делегации П. И. Воронцова, С. В. Герасимовой, В. К. Кельмакова, Н. В. Кондратьевой и Л. Г. Пономаревой). Кроме того, в сборнике представлен также ряд инициативных статей, обзоров и рецензий удмуртских лингвистов на новинки в области пермистики.

В содержательном плане материалы, включенные в сборник "Пермистика 6", весьма разнообразны.

Проблемам **фонетики** посвящены 4 статьи; в них речь идет о некоторых акустических признаках гласных бавлинского говора удмуртского языка (П. И. Воронцов), о рефлексии прапермских аффрикат в современных коми-зырянских диалектах (Г. А. Некрасова), об особенностях развития вокализма первого и непервых слогов слова в коми-пермяцких диалектах (А. С. Лобанова, Л. Г. Пономарева).

Морфология представлена в сборнике 8 статьями, в которых рассмотрены вопросы: о наличии/отсутствии окончаний (флексий) в удмуртском языке (И. В. Тараканов) и желательного наклона удмуртских глаголов (Е. А. Булычева), об особенностях каузативных глаголов и каузативном/некаузативном употреблении глаголов на *-m(ы)* в коми языке (Е. А. Цыпанов), о различиях в парадигме простого и притяжательного склонений имен существительных в пермских языках (В. К. Кельмаков), о маркированном/немаркированном употреблении аккумулятива в удмуртском языке (Н. В. Кондратьева), об обосновании категории стативов как части речи в коми и удмуртском языках (Г. И. Тираспольский) и некоторых семантических и стилистических особенностях функционирования категории притяжательности в удмуртском и коми языках (Б. И. Каракулов, Г. Ю. Кожевин).

Проблемам **синтаксиса** посвятили свои статьи В. М. Лудыкова (о типах вопросительных предложений в коми языке) и А. Ф. Шутов (о различных формах удмуртских предложений, представляющих собой промежуточные явления между простыми и сложными).

Проблемы **лексикологии** пермских языков затронуты в статьях А. Н. Ракина (отражение одной группы отраслевой лексики в нормативных словарях удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков) и Дж. Рютера (устранение трудностей в компьютерной обработке коми лексики).

Весьма актуальной в современном языкознании пермских (и не только!) народов является проблема развития и усовершенствования выразительных возможностей языков, обусловленные расширением их общественной функций в новых условиях. В этой связи исключительно своевременными являются статьи, посвященные вопросам "обновления" лексики удмуртского и коми языков, которые представлены статьями С. В. Герасимовой и Н. А. Зелениной.

Также на материале лексики рассмотрена проблема ареального контактирования удмуртского и коми-пермяцкого языков (С. А. Максимов).

Некоторые особенности языка и стиля современной удмуртской периодики языка анализированы Н. И. Ураськиной на материале двух районных газет Удмуртской Республики.

Ономастика представлена в сборнике исключительно статьями, посвященными различным вопросам узкорегionalной (Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, А. Мусанов, М. А. Самарова) или ареальной (А. Н. Ку克林) топонимики.

Изучению старых письменных памятников коми-пермяцкого и коми-зырянского языков посвящены статьи О. П. Аксеновой и С. Габова.

Вопросы истории некоторых отраслей языкознания и проблемы, связанные с преподаванием определенных дисциплин финно-угроведения или отдельных финно-угорских языков в различных аудиториях, нашли отражение в статьях О. А. Сергеева, В. К. Кельмакова, И. В. Тараканова, С. Хяникяйнен, Б. И. Осипова и О. Г. Никоноровой.

В связи со 110-летием со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха, основателя советского финно-угроведения, в сборнике переиздается его небольшая статья "К вопросу о пермском вокализме", исключительно важная для исторической фонетики удмуртского и коми языков.

Сборник завершается традиционным разделом "Из истории науки, обзоры, персоналии и рецензии", дающим читателям информацию о некоторых проблемах и новинках современной пермистики.

В. К. Кельмаков, ответственный редактор

В МЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

О деятельности Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики

В республике действует 4 научных учреждения, входящие в состав Удмуртского научного центра УрО РАН. Ведущиеся в них исследования связаны с проблемами машиностроения и научного приборостроения, экологией региона, структурными преобразованиями промышленности республики, ее историей и культурой. Всего в научных учреждениях центра трудится более 200 научных работников; действуют также отраслевые научные учреждения, различные научно-технические общества, объединяющие в своем составе несколько десятков тысяч человек.

Подготовку специалистов для промышленности, сельского хозяйства, строительства, экономики, социальной сферы ведут 5 высших и 30 средних профессиональных учебных заведений, где обучается около 50 тысяч студентов и учащихся. Обучение ведут свыше трех с половиной тысяч преподавателей, в т. ч. 141 доктор наук и 955 кандидатов наук.

Наличие значительного научного и кадрового потенциала позволило в 1994–1995 годах преобразовать Ижевский медицинский и сельскохозяйственный институты в академии, а Ижевский механический институт – в технический университет.

Учебные заведения республики находятся в ведении различных министерств и ведомств Российской Федерации и Удмуртской Республики. Кроме того, за последние годы открываются на территории республики представительства и отделения различных вузов, расположенных на территории Российской Федерации, создаются негосударственные учреждения, имеющие лицензии на право ведения образовательной деятельности.

В целях осуществления единой государственной политики в области науки, высшего и среднего профессионального образова-

ния, координации деятельности научно-исследовательских учреждений, высших и средних профессиональных учебных заведений всех форм собственности на территории республики решением Правительства Удмуртской Республики в апреле текущего года был создан Комитет по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики в количестве семи человек за счет сокращения численности работников в аппаратах министерств и ведомств.

· Положением о Комитете определены его задачи:

- формирование и реализация стратегии развития науки, высшего и среднего профессионального образования на основе долгосрочных приоритетов социально-экономического развития республики;

- координация деятельности научно-исследовательских учреждений, учебных заведений всех типов и форм собственности;

- участие в разработке и реализации целевых федеральных программ социально-экономического развития Удмуртской Республики;

- изучение потребности в кадрах с высшим и средним профессиональным образованием, формирование целевого Государственного заказа для нужд республики на подготовку специалистов за счет средств бюджетов Российской Федерации и Удмуртской Республики;

- организация экспертизы научных программ;

- участие в лицензировании образовательных учреждений всех форм собственности, реализующих образовательно-профессиональные программы.

Комитет начал свою деятельность с создания банка данных всех субъектов на рынке образовательных услуг в области высшего и среднего профессионального образования в республике. Затем начали выработку рекомендаций учебным заведениям по структуре подготовки кадров с учетом потребностей народно-хозяйственного комплекса и социальной сферы. Разработан проект Концепции по развитию науки в республике, которая в настоящее время обсуждается во всех заинтересованных структурах.

В дальнейшем планируется разработка Концепции развития высшего и среднего профессионального образования в Удмуртии, прорабатываются вопросы непрерывного профессионального образования, интеграции учебных заведений различного уровня.

Интегрирующие структуры будут создаваться путем присоединения к вузам учебных заведений начального и среднего профессионального образования (школы, ПТУ, техникумы и т. д.).

Комитетом принимаются меры по участию учебных заведений Удмуртии в Международных проектах и программах. Так, по инициативе Московского представительства Фонда Сороса и нашего Комитета подготовлено Постановление Правительства Удмуртской Республики о паритетном финансировании Международной Соросовской программы образования в области точных наук на территории Удмуртской Республики в 1997–1999 годах.

Направлены Служебные записки с анализом сложившегося положения в области высшего и среднего профессионального образования в адрес Правительства Удмуртской Республики, Государственного Совета Удмуртской Республики, Министерства народного образования Удмуртской Республики, проведены встречи с учеными, руководителями учебных заведений по различным проблемным и перспективным направлениям деятельности.

Следующие задачи, над которыми постоянно работает Комитет, — это помощь учебным заведениям в обретении на местах источников финансирования, поддержка научных исследований в интересах региона, в частности, в области межнациональных отношений, языка и литературы, археологии, этнографии, научных программ, связанных с изучением климата и экологии Удмуртии.

Кроме того, изыскиваются возможности оказания поддержки учебным заведениям в области реализации социальных программ: жилищное строительство через предоставление льготных кредитов, расширение льгот для студентов, материальная поддержка детей-сирот, организация летнего отдыха, лечения нуждающихся, поддержка книгоиздания, направляются ходатайства о расширении круга стипендиатов от Правительства Удмуртской Республики и Госсовета — как студентов, так и выдающихся ученых, работающих над важными научными программами.

В настоящее время создается база данных по негосударственным учебным заведениям. Достигнута договоренность о совместной деятельности в этой области с другими министерствами и ведомствами.

Анализируя начало деятельности Комитета, можно сделать вывод, что в конечном итоге цель Комитета, ради которой выра-

батываются постановления, готовятся рекомендации, — ни в коем случае не сокращать количество лиц с высшим и средним профессиональным образованием, а оперативно реагировать на запросы рынка, давать выпускникам учебных заведений многопрофильные специальности, чтобы было легче адаптироваться в современных условиях, чтобы выпускники не оставались невостребованными.

А впоследствии планируется выйти с предложением в Правительство и Госсовет Удмуртской Республики о принятии Закона УР “О науке и научной политике”, “О высшем и послевузовском образовании”. Одновременно с этим совместно с вузами и министерством народного образования начата подготовка по заключению нового договора о разграничении сфер полномочий ведения в области образования между Министерством общего и профессионального образования России и Правительством Удмуртии. Мы полагаем, что в договоре должны быть расширены полномочия в этой сфере органов власти и управления Удмуртской Республики как субъекта федерации.

С. М. Решетников, Председатель Комитета, доктор химических наук, профессор

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

О. П. Аксёнова (*Кудымкар*)

К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка

В архивах Петербурга, Казани, Кирова обнаруживаются рукописные словари по коми-пермяцкому языку XVIII – начала XIX века. В настоящее время отраженные в них диалекты не функционируют.

1. Лексикон пермского языка. Национальный архив Республики Татарстан (г. Казань). Ф. 10. Оп. 5. Д. 879.

Рукопись не датирована, автор неизвестен. Словарь содержит около 4500 слов. По предположению Р. М. Баталовой, тот диалект, на котором был составлен данный документ, распространен в бассейне р. Сивы Пермской области и граничил на северо-востоке с обвинским диалектом, а на северо-западе – с говорами верхнекамского (зюздинского) наречия коми-пермяцкого языка. Условно называется сивинским [Баталова 1967: 69].

2. В. Пономарев. Пермский словарь (русско-пермский – Р. М. Баталова.). Национальный архив Республики Татарстан (г. Казань). Ф. 10. Оп. 5. Д. 850

Рукопись не датирована, содержит 3671 слово. Словарь сообщён в Пермский губернский статистический комитет “членом-корреспондентом” священником Василием Пономаревым

В “Пермском словаре” отражена лексика другого диалекта, имеющего распространение в бассейне р. Нердвы, юго-западнее припермского диалекта. Этот диалект имеет много общего с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка. Условно называется карагайским [Баталова 1967: 69].

3. Краткий пермский словарь с русским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым, 1785. Рукописный отдел национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Петербург). Ф. Эрм. 206.

Словарь содержит 2499 слов. Дialect имеет значительное сходство с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка, занимающим предположительно территорию к юго-востоку от г. Кушумкара и условно названным припермским [Баталова 1966: 114].

4. Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный Георгием Чечулиным. Рукописный отдел архива АН РАН (г. Петербург). Ф. 94. Оп. 1. Д. 219.

Словарь содержит 4654 слова. Дialect, отображённый в этом словаре, примыкает к нердвинскому диалекту и по территориальному расположению называется обвинским [Баталова 1966: 115].

5. Словарь русско-пермяцкий (г. Усолье). 1848. Рукописный отдел библиотеки АН РАН (г. Петербург). № 34.7.32.

Содержит около 3629 слов. По языковым особенностям и по территориальному признаку занимает промежуточное положение между оньковским и коми-язьвинским диалектами, условно называется усольским [Баталова 1966: 120].

6. Материалы для сравнительного словаря зюздинского, пермского и Глазовского вотского наречий и бесермянского говора. Кировский государственный архив. Ф. 170. Оп. 1. Д. 140.

Рукопись не датирована, содержит более 1100 слов. Образцы пермяцких слов представляют лексику диалекта, близкого к зюздинскому диалекту верхнекамского наречия.

Данные словари явились объектом исследования Т. И. Тепляшиной [1965: 60–61], Р. М. Баталовой [1966: 110–121; 1967: 69–75], которые указывают на большое содержание слов, неизвестных современному коми-пермяцкому языку или встречающихся в его отдельных говорах и диалектах.

Так, количество архаичных слов в карагайском диалекте составляют 410 слов, в припермском – 300 слов, в обвинском – 511 слов, в усольском – 488 слов.

Отметим, что в нашей работе уделяется внимание только на те слова, которые соотносятся с некоторыми словами современного коми-пермяцкого языка и не находят отражения при анализе архаичной лексики в названных статьях, а также в коми-пермяцких словарях [Баталова, Кривощёкова-Гантман 1985; Немтинова 1993].

Архаизм, зафиксированный в словарях XVIII – нач. XIX в.	Соотв. значение в совр. коми-перм. языке	Функционир. в совр. диал. или лит. яз.
Вымерший припермский диалект		
<i>вожа бож</i> 'солдат'	<i>вожа бож</i> 'насмешливое прозвище человека'	куд.-иньв.
<i>гижслалан</i> 'писчее перо'	<i>гижмаван</i> 'острая палка, изготовленная из берёзы и предназначенная для письма с помощью угля'	куд.-иньв.
<i>зоря</i> 'вид травы'	<i>зоругум</i> 'вид дудника; свистель' [Баталова 1985 : 149]	лит. яз.
<i>йипалак</i> 'льдина'	<i>кымёрпалак</i> 'тучка' (лит. <i>кыморок</i> ; <i>кымёр</i> 'облако', <i>палак</i> 'ключок')	кос.-кам., коч.
<i>подтурун</i> 'белена'	<i>пӧдтурун</i> 'лебеда'	куд.-иньв.
<i>рыжлы</i> 'хрящ'	<i>рыжмыны</i> 'стать непрочным; истлеть' [Баталова 1985: 412]	лит. яз.
<i>шоймӧм</i> 'бледность'	<i>шоймӧм</i> 'бледный' [Баталова 1985: 564]	лит. яз.
<i>ышкотчыны</i> 'хвастаться'	<i>ышьявны</i> 'хвастаться' (лит. <i>ошшасьны</i>)	куд.-иньв.
Вымерший обвинский диалект		
<i>шоркытиш</i> 'раковина', 'ручей'	<i>шуркытиш</i> 'раковина' (лит. <i>ракушка</i>)	куд.-иньв.
<i>быгыль</i> 'свёрток'	<i>быгыль</i> 'свёрток' (лит. <i>гырдзим</i>)	куд.-иньв.
<i>вежсюл</i> 'нижняя часть внутренностей'	<i>вежсюл</i> 'нижняя часть внутренностей'	коч.

<i>гультым</i> 'глоток'	<i>гультым</i> 'глоток' (лит. <i>гульк</i>)	куд.-иньв.
<i>кундыны</i> 'хоронить'	<i>кундыны</i> 'спрятать' (лит. <i>дзэбны</i>)	коч.
<i>лэктісьны</i> 'злиться'	<i>лэктісьны; лёкасьны</i> 'разозлиться' (лит. <i>лòгасьны</i>)	куд.-иньв., коч.
<i>сьёлòмтны</i> 'любить'	<i>сьёлòмтны</i> 'любить' (лит. <i>радейтны</i>)	куд.-иньв.
<i>мароса</i> 'гниль на хлебе'	<i>мароса</i> 'роса', 'капельки воды на траве после тумана' (лит. <i>роса</i>)	куд.-иньв.
<i>нюжпу</i> 'деревце'	<i>нюжпу</i> 'гибкое дерево, которое можно согнуть'	куд.-иньв.
<i>оллан</i> 'обряд'	<i>олявны</i> 'петь во время какого-либо обряда' (лит. <i>сьывны</i>)	куд.-иньв.
<i>очасьòм</i> 'раздор'	<i>очасьны</i> 'мотать клубок сдвоенных нитей'	куд.-иньв.

Вымерший усольский диалект

<i>кок личкан</i> 'икры ног'	<i>кок лидзим</i> 'икры ног'	коч
<i>корòсь</i> 'лист'	<i>корòсь</i> 'лист' (лит. <i>лист</i>)	кос.-кам.
<i>мудоз</i> 'кринка'	<i>мудоз</i> 'чёрная кринка'	куд.-иньв.
<i>нòича</i> 'погода'	<i>нòиччан погодда</i> 'плохая погода' (лит. <i>умòль погодда</i>)	куд.-иньв.
<i>òтòр</i> 'воздух'	<i>òтòр</i> 'воздух' (лит. <i>ру</i>)	кос.-кам.
<i>нырпырòт</i> 'ноздря'	<i>нырпырòт</i> 'ноздря' (лит. <i>нырпыс</i>)	кос.-кам.
<i>синверктòмòн</i> 'вмиг'	<i>синверктòмòн</i> 'очень быстро' (лит. <i>чожа</i>)	куд.-иньв.
<i>шон</i> 'теплый'	<i>шон локтіс</i> 'в воздухе повеяло теплом' (лит. <i>шоньт локтіс</i>)	ниж.-иньв.

Вымерший сивинский диалект

<i>кола</i> 'шалаш'	<i>куа</i> 'шалаш' (лит. <i>шалаши</i>)	куд.-иньв.
<i>номыр</i> 'множество червей; вновь зарождающиеся червячки'	<i>номыр</i> 'много детей' (лит. <i>уна челядь</i>)	куд.-иньв.
<i>орда</i> 'бурундук'	<i>орда</i> 'бурундук' (лит. <i>бурундук</i>)	северное наречие

Таким образом, в анализируемых рукописных словарях XVIII – XIX века по коми-пермяцкому языку обнаруживается огромное количество архаичной, диалектной лексики (более 1000 слов); большинство из данных слов могут и должны быть возвращены к функционированию в современном коми-пермяцком языке.

Библиографический список

Баталова Р. М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX века // Вопросы финно-угорского языкознания. Москва, 1966. Вып. 3. С. 110–121.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из рукописных словарей XVIII – начала XIX в.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 69–75.

Баталова Р. М., Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985.

Немтинова Г. И. и др. Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993.

Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // СФУ. 1965. № 1 (I) С. 60–61.

Е. А. Булычева (Ижевск)

К вопросу о желательном наклонении в удмуртском языке

Одной из задач данной статьи является вопрос о выделении в удмуртском языке, помимо изъявительного, повелительного и условного наклонений, еще и желательного.

Вначале мы обратимся к другим финно-угорским языкам: каким образом определены наклонения в языках, родственных удмуртскому. По сравнению с праязыковым состоянием количество наклонений в ряде финно-угорских языков существенно изменилось; в мордовских языках, например, оно доходит до семи, в литературном коми языке уменьшилось до двух [Майтинская 1979: 10].

Проследим, что представляет собой желательное наклонение в мордовских языках. Морфологическим признаком данного наклонения является суффикс *-кс*. “В эрзянском языке он присоединяется к основе глагола в сочетании с признаком II прош. време-

ни -л-, -ксэль-. К этому сложному суффиксу присоединяются личные окончания: *моли-ксэл-инь* 'я хотел было пойти', *моли-ксэл-ить* 'ты хотел бы пойти' и др. В мокшанском языке -кс- оказывается в окружении дважды употребляемого в желательном наклонении признака II прошедшего времени -л-: -лексоль-: *мора-лексоль-нь* 'я хотел было (с-, за-)петь'..." [ОФУЯ 1975: 316–317].

В венгерском языке показателем условно-желательного наклонения является суффикс *-na/-ne, -nál/-né*. Данное наклонение имеет полную парадигму спряжения в настоящем и прошедшем временах. При этом форма прошедшего времени образуется аналитическим путем: сочетанием глагола в прошедшем времени + вспомогательный глагол *volna*. Например: в наст. вр. *várnek* 'я ждал бы (сейчас)', *várna* 'он ждал бы (сейчас)'; в прош. вр.: *vártál volna* 'ты ждал бы'. Условно-желательное наклонение венгерского языка имеет категорию лица, числа и времени [Mai magyar ... 1970: 504–513].

В марийском языке желательное наклонение "образуется путем присоединения к основе повелительного наклонения суфф. -не: *нал* // *нэл* 'возьми' – *налнем* // *нэлнем* 'намерен, хочу взять'... Желательное наклонение выступает в двух временных формах: настояще-будущем и прошедшем утвердительного и отрицательного рядов и имеет те же личные окончания, что и изъявительное наклонение (кроме окончания 3-го лица)... В отрицательной парадигме в настояще-будущем времени желательного наклонения по лицам изменяется отрицательный глагол (в котором суффикс -не предшествует личным окончаниям), затем идет неизменяемая форма (основа глагола повелительного наклонения) смыслового глагола. Утвердительная форма прош. времени желательного наклонения образуется сочетанием неизменяемой формы вспомогательного глагола *ыле* (или *улмаш*) // *ылы* с личными формами смыслового глагола настоящего-будущего времени желательного наклонения. Отрицательная форма прош. времени желательного наклонения образуется сочетанием личных форм спрягаемого отрицательного глагола (в котором суффикс -не предшествует личным окончаниям) с неизменяемой основой смыслового глагола, за которым следует вспомогательный глагол *ыле* // *ылы*" [ОФУЯ 1976: 72–74].

Анализируя историю изучения наклонений, мы заметим, что некоторые исследователи выделяли желательное наклонение и в

удмуртском языке. Так, в первой научной грамматике удмуртского языка [Соч. 1775: 49] к этому наклонению отнесены сочетания глагола в форме условного наклонения (с аффиксом *-сал*) со вспомогательным глаголом *вал* 'было'. Например: *монъ верасаль валь* 'я сказал бы'.

П. П. Глезденев [1921: 27] выделяет в желательное наклонение формы глаголов на *-сал* (в современном удмуртском языке суффикс *-сал* – показатель условного наклонения).

А. И. Емельянов [1927: 160] отмечает, что "отрицание *medam, medad* 'пусть не' и т. д., по-видимому, сложная форма, состоящая из основы глагола *med* со значением желания, хотения".

И. В. Яковлев [1930: 47] называет желательным наклонением формы глагола в будущем времени с частицей *мед* 'пусть'. *Мон мед ветлом* 'Пусть я схожу'.

А. С. Бабинцев [1932: 17] также указывает, что желательное наклонение образуется с помощью форм глагола в будущем времени с частицей *мед* 'пусть'. Например, положительная форма *со мед гож'ялос* 'пусть он напишет' и т. д., отрицательная форма *соос медаз гож'ялэ* 'пусть они не пишут' и т. д.

С. П. Жуikov [1937: 45] отмечает: "Глаголы желательного наклонения имеют две формы: положительную и отрицательную, которые изменяют свои окончания по лицам и числам только при помощи вспомогательного глагола *мед* в будущем времени". Далее дает парадигму спряжения этих форм: положительная форма *тон мед ветлод* 'пусть ты сходишь', отрицательная форма *со медаз ветлы* 'пусть он не сходит'.

А. А. Поздеева [1955: 104] не выделяет особого желательного наклонения. Но при определении значений условного наклонения автор акцентирует внимание на значении желания.

И. В. Тараканов [1984: 31] указывает, что значение желания, пожелания выражается формой 3 лица с частицами *мед* 'пусть', *медаз* или *медад* 'пусть не' в составе придаточной цели сложно-подчиненного предложения в сочетании с союзом *шуыса* 'чтобы', при этом ударение падает на *мед* и на последний слог частицы *медаз, медад*.

В. К. Кельмаков [Kel'makov, Saarinen 1994: 127] указывает на то, что в удмуртском языке кроме изъявительного, повелительного, условного наклонений, есть основание говорить о желательном наклонении в южноудмуртских диалектах: в них пред-

ставлена полная парадигма глагольных форм этого наклонения в утвердительном и отрицательном аспектах, напр.:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Полож. форма	<i>med m̄n-od</i>	<i>med m̄n-od-ā</i>
Отриц. форма	<i>medad m̄n</i>	<i>medad m̄n-e</i>

Что касается срединных говоров, северного и бесермянского наречий, то в них, как правило, сохранилась лишь форма 3-го лица, которая впоследствии была втянута в парадигму повелительного наклонения. Причем в отрицательном аспекте для выражения 3-го лица употребляется вспомогательная часть как 1 лица *медам*, так и 3 лица *медаз* (что несомненно свидетельствует о распаде в этих говорах некогда существовавшей целостной парадигмы).

Марийский исследователь Ф. И. Гордеев [1961: 13] считает, что подобные конструкции в марийском и удмуртском языках развились под влиянием татарского языка. К. Е. Майтинская [1979: 18] утверждает, что “аналитические конструкции ряда финно-угорских языков образовались при помощи частиц, восходящих к русской частице *пусть*, в сочетании с индикативной формой смыслового глагола; ср. ... вепс. *pušt' h'òbod pot'ktaze* ‘пусть лошади лягаются’; подобные конструкции встречаются и в саамских диалектах. Естественно, что данная модель конструкций появилась под влиянием русского языка”.

Утверждения о том, что положительная форма *мед* ‘пусть’ и отрицательная форма *медам* ‘пусть не’ появились под влиянием тюркского или русского языков, остаются весьма сомнительными. Сомнительным также остается и тот факт, что *med* – это частица, т. к. “частицы – это неизменяемые служебные слова, употребляющиеся в речи для выражения различных смысловых оттенков к значениям отдельных слов, словосочетаний или целых предложений” [ГСУЯ 1962: 335]. По данному определению мы видим, что частицы неизменяемы, а коли так, они не могут иметь полную парадигму спряжения. Однако мы видим обратное. Возможно, *med* – это вспомогательный глагол?!

И здесь мы снова возвращаемся к вопросу: нельзя ли выделить в удмуртском языке желательное наклонение и какие критерии необходимы для этого.

В современном языкознании грамматическая категория понимается как “одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое выражение” [Ахманова 1966: 191]. Принято различать морфологическую и синтаксическую грамматические категории, которые в свою очередь могут быть общеграмматическими и частнограмматическими. В морфологии в ранге общеграмматических категорий выступают части речи. Им присущи свои собственные, или частнограмматические категории. Частнограмматическая морфологическая категория – это “система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями” [Русская грамматика 1980: 455], или “одна из основных обобщенных характеристик данного разряда слов, имеющая морфологическое выражение, т. е. проявляющаяся в противопоставлении грамматических форм одного и того же слова” [Ахманова 1966: 191–192]. Согласно этому определению статус морфологической категории могут иметь не все языковые явления, а лишь те, которые:

1) реализуются через два или более противопоставленных однородных грамматических значения;

2) данные грамматические значения имеют собственные морфологические средства выражения, или грамматические формы. Кроме того, для морфологических категорий характерны их номинативность, обязательность и регулярность [Милославский 1982: 25; Ушаков 1984: 6].

Б. А. Серебренников [1960: 25] также указывает, что “каждая грамматическая категория должна иметь форму выражения”. Следует отметить тот факт, что показателем желательного наклонения в венгерском языке является суффикс *-na /-ne*, в мордовском *-кс-*, в марийском *-не*, а в удмуртском языке мы специального морфологического показателя не имеем. Таким образом, для квалификации языкового явления как грамматической категории необходимо, чтобы оно отвечало всем выше перечисленным критериям в совокупности. Отсутствие какого-либо из них не позволяет трактовать данное явление как грамматическая категория. Следовательно, так называемое желательное наклонение удмуртских глаголов представляет собой не что иное, как семантический вариант повелительного наклонения, данная семантика присутствует и в глаголах сослагательного наклонения.

Библиографический список

Mai magyar... 1970 – A mai magyar nyelv rendszere: Leíró nyelvtan. I. kötet: Bevezetés. Hangtan. Szótan. 2. kiadás / Szerk. Tompa József. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. 599 old.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бабинцев А. С. и др. Удмурт кыллы дышетон книга. Ижевск, 1932.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921.

Гордеев Ф. И. Косвенные наклонения и формы объективной оценки глагола в марийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1961.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.

Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1937.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku – Iževsk, 1994.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1982.

ОФУЯ 1975 – Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика: Фонетика но морфология. Ижевск, 1955.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Соч. 1775 – Сочинения принадлежащія к грамматикѣ вотскаго языка. Спб., 1775 // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975.

Тараканов И. В. Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 25–37.

Ушаков Г. А. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 5–17.

Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян (Элементарная грамматика вотского языка). Ижевск, 1930.

П. И. Воронцов (Ижевск)

Формантные характеристики гласных бавлинского говора удмуртского языка

Первые экспериментальные данные о качестве отдельных гласных бавлинского говора, полученные при помощи фонографа, приводит в своей небольшой статье известный венгерский фонетист Й. Балашша [Balassa 1915–1916: 101–104; см. также: Munkácsi 1952: XXX–XXXII], который по просьбе Б. Мункачи исследовал некоторые звуки удмуртских диалектов в произнесении военнопленных, находившихся во время первой мировой войны в лагере Кенермезё. В поле зрения Й. Балашши попали такие бавлинские гласные, как *ä/ę*, *ö*, *u* (“продвинутый вперед *y*”), *e* (= *i*), начитанные в составе словоформ на фонограф уроженцем с. Покровское Урустамак (удм. *урсыгурт*) нынешнего Бавлинского района Татарстана Николаем Лукьяновым.

Более подробному описанию акустико-артикуляционных качеств звуков, бытующих в указанном говоре, посвящена кандидатская диссертация И. В. Тараканова “Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)”, защищенная им в 1958 году в Тартуском университете. Для определения артикуляционных характеристик 8 исследуемых гласных фонем (*i*, *e*, *ö*, *ü*, *ä*, *u*, *o*, *a*) диссертант впервые в удмуртском языкознании применил такие инструментальные методы, как рентгенография, палатография, осциллография и фотографирование положения губ. И. В. Тараканов [1958: 73–113], опираясь на полученные им экспериментальные данные, отмечает, что бавл. *u*, *o*, *e*, *i* произносятся как общеудмуртские *y*,

* Работа выполнена на материалах, которые были обработаны в фонетической лаборатории Туркуского университета (Финляндия) во время стажировок в 1995 и 1996 гг., финансируемых фондом СИМО и УдГУ.

о, э, и. Гласный а отнесен диалектологом к заднерядным звукам, специфические гласные фонемы *ö* и *ü* классифицированы как среднерядные, а бавлинский вариант фонемы *ы* (*ä*) охарактеризован ученым как звук средне-заднего ряда среднего подъема.

Другой исследователь – В. К. Кельмаков [1998: 52–61; Kel'makov, Saarinen 1994: 30–40], монографически описавший удмуртские диалекты, в отличие от И. В. Тараканова, относит бавл. *ы* к гласным верхне-среднего подъема средне-заднего ряда; а огубленные среднерядные гласные *ү* и *ö°* характеризуются В. К. Кельмаковым на основе аудио-визуального наблюдения как звуки передне-среднего образования.

В выше приведенных описаниях налицо различия в оценке артикуляционных характеристик среднерядных гласных бавлинского говора *ү*, *ö°*, *а*, а также *ы*. Для уточнения акустико-артикуляционных свойств гласных рассматриваемого диалекта нами использован метод широкополосной динамической спектрографии, позволяющий определить ряд, подъем и степень огубленности гласных звуков.

Фонетические материалы (85 случаев употребления гласных в составе 48 словоформ; примеры см. ниже) записаны в произнесении диктора-женщины, носительницы говора д. Николашкино Бавлинского района Татарстана, на магнитную ленту и транскрибированы на основе аудио-визуального наблюдения. Данный говор обладает 8-гласным вокализмом [Тараканов 1958: 73; Кельмаков 1998: 61, 234; Kel'makov, Saarinen 1994: 39; и др.]: *а*, *о*, *у*, *ы*, *и*, *э*, *ү*, *ö°*. Кроме того, в наших записях присутствует позиционный вариант гласного *ы* (> *ь*). Нужно отметить, что фонологический статус изучаемых звуков в рамках данной статьи не рассматривается.

Исследуемый материал был пропущен через динамический спектрограф (сонограф) в фонетической лаборатории Туркуского университета (Финляндия) под руководством профессора Калеви Виика. Для определения акустико-артикуляционных характеристик гласных, по мнению фонетистов, достаточно проанализировать частоты F_1 , F_2 , F_3 (измеряется в герцах) и взаиморасположение трех первых формант F_I , F_{II} и F_{III} [Акмаров 1965: 12–19; Бондарко 1977: 16–28; Вахрушев, Денисов 1992: 8–13; Фант 1964: 11–39; Wiik 1965: 42–44, 49; 1980: 15–16; и др.]. При этом принято считать, что первая форманта F_I связана с подъемом гласного;

иными словами, чем больше частота первой форманты F_1 гласного, тем он ниже по степени подъема, и, наоборот, чем меньше частота F_1 , тем гласный выше по подъему. Вторая форманта F_{II} соотносится с артикуляционным рядом, причем, чем больше частота F_2 , тем гласный более переднего образования, и чем частота F_2 меньше, тем звук более заднего образования. Огубленность гласного понижает все три форманты, особенно F_I и F_{III} . Результаты анализа сонограмм отражены в таблице 1, где приведены величины частот трех первых формант F_1 , F_2 и F_3 (в скобках – соответствующие частоты ударных и безударных вариантов гласных), а также количество примеров (столбец под знаком N).

Таблица 1

Гласные	N	Частоты формант (в Гц)		
		F_1	F_2	F_3
<i>a</i>	18	690 (715–675)	1640 (1615–1650)	2690 (2635–2725)
<i>o</i>	8	530 (550–500)	1125 (1120–1135)	2620 (2710–2475)
<i>y</i>	6	380 (385–375)	1055 (1060–1055)	2535 (2615–2460)
<i>õ</i>	15	585 (575–595)	1535 (1550–1520)	2725 (2700–2750)
<i>ь</i>	1	440	2040	2920
<i>и</i>	9	360 (360–355)	2420 (2440–2385)	3000 (3020–2965)
<i>э</i>	12	525 (525–525)	2255 (2235–2300)	2935 (2930–2945)
<i>ү</i>	7	355 (360–350)	1605 (1455–1720)	2555 (2560–2555)
<i>õ°</i>	9	440 (455–420)	1610 (1655–1555)	2590 (2555–2630)

Итак, по данным спектрографического анализа акустико-артикуляционные характеристики гласных бавлинского говора можно описать следующим образом.

Гласный $õ°$ обладает такой формантной структурой, в которой форманты расположены равноудаленно друг от друга примерно на 1000 Гц, начиная с 440 Гц: F_I расположен на уровне 440 Гц, F_{II} усиливает частоты на уровне около 1600 Гц и F_{III} – 2590 Гц. Подобная акустическая характеристика присуща звукам среднего ряда среднего подъема. Нужно отметить, что бавл. $õ°$ имеет более низкую F_I по сравнению с другими гласными среднего подъема $э$ и $о$, т. е. $õ°$ по своей артикуляции несколько более узок, чем $э$ и $о$. Кстати, на это указывали в свое время еще Й. Балашша [Balassa 1915–1916: 101–102] и И. В. Тараканов [1958: 268].

Различия между ударным и безударным вариантами бавл. ö° незначительны и нерелевантны (ср. частоты F_1 , F_2 и F_3 в таблице 1).

Гласный ё̆. Наиболее близок по своей формантной структуре к ö° гласный *ё̆*. Отличие заключается в незначительном понижении F_{II} и сравнительно небольшом повышении F_I и F_{III} (ср.: $F_1 = 585$ Гц, $F_2 = 1535$ Гц, $F_3 = 2725$ Гц). В артикуляционных терминах бавл. *ё̆* можно описать как неогубленный звук среднего пониженного подъема среднего ряда. От *ё̆* других удмуртских говоров бавл. *ё̆* отличается сравнительно высоким F_I ($F_1 = 575\text{--}595$ Гц; см. также: [Воронцов 1999: 10–12, 16–17]). Словесное ударение какого-либо существенного влияния на качество бавл. *ё̆*, судя по формантным данным, не оказывает.

Гласный а характеризуется повышением уровня F_I и отчасти F_{III} при том же уровне F_{II} , что и у гласного ö° (ср.: $F_1 = 690$ Гц, $F_2 = 1640$ Гц, $F_3 = 2690$ Гц). Это означает, что широкий неогубленный гласный *а* по своей артикуляции относится к среднему ряду, как и ö° , а не к заднему (иначе: [Кельмаков 1998: 61¹; Тараканов 1958: 75, 77]). Бавл. *а* в зависимости от ударения качественной редукции не подвергается, на что указывают довольно близкие формантные данные ударного и безударного вариантов *а* (см. таблицу 1).

Гласный о. У данного гласного понижается уровень второй и третьей формант, при незначительном повышении F_I по сравнению с гласным ö° ($F_1 = 530$ Гц, $F_2 = 1125$ Гц, $F_3 = 2620$ Гц). Подобная формантная структура указывает на то, что гласный среднего подъема *о* по артикуляции несколько шире ö° . По ряду *о* является звуком заднего образования. Степень огубленности *о* невысокая, о чем свидетельствует достаточно высокая частота третьей форманты ($F_3 = 2620$ Гц); возможно, это объясняется вялостью губной артикуляции при его произношении. В зависимости от ударения формантные показатели ударного и безударного *о* несколько различаются: ударный *о* относительно шире и менее огублен по сравнению с безударным вариантом – звуком более

¹ В цитируемой работе речь идет о том варианте бавлинского говора, в вокализме которого нижний подъем представлен не только единственным гласным *а* (в этих условиях *а* действительно является гласным среднего ряда, как в шошминском, кукморском – группы IIIа и IIIб), но и гласным передне-среднего ряда *ä*, при наличии которого *а* едва ли может быть гласным среднего ряда (*Примечание редактора*).

узким и огубленным (ср.: $F_1 = 550$ Гц и $F_1 = 500$ Гц, $F_3 = 2710$ Гц и $F_3 = 2475$ Гц соответственно).

Гласный у выделяется среди всех гласных тем, что все три рассматриваемые форманты локализуются в нижней части спектра (ср.: $F_1 = 380$ Гц, $F_2 = 1055$ Гц, $F_3 = 2535$ Гц), что является отражением артикуляции огубленного заднерядного гласного верхнего подъема. Отличием ударного варианта *у*, возможно, является только его несколько меньшая огубленность по сравнению с безударным *у* (ср.: $F_3 = 2615$ Гц и $F = 2460$ Гц соответственно).

Гласный э. Отличается общим повышением уровня всех трех формант (ср.: $F_1 = 525$ Гц, $F_2 = 2255$ Гц, $F_3 = 2935$ Гц), что свидетельствует о переднерядном и узком характере этого неогубленного звука. Ударение не изменяет качества бавл. *э*, о чем свидетельствуют частоты первых трех формант.

Особенностью *гласного и* является еще большее по сравнению с *э* продвижение вверх по частотной шкале всех трех формант. Данный неогубленный звук, согласно частотам F_1 (360 Гц), F_2 (2420 Гц) и F_3 (3000 Гц) – наиболее передний и узкий по своей артикуляции. Ударение, по нашим данным, акустико-артикуляционные свойства указанного гласного изменяет очень несущественно (см. таблицу 1).

Гласный ю по своей формантной структуре несколько напоминает гласный *ё*. При этом F_{II} и F_{III} данных гласных в частотном спектре находятся на одном уровне (F_2 и F_3 гласного *ю* 1600 и 2555 Гц соответственно), но F_I гласного *ю* относительно ниже (ср.: $F_1 = 355$ Гц). Таким образом, артикуляционно *ю* можно описать как огубленный звук верхнего подъема среднего ряда (иначе: [Кельмаков 1998: 56, 61; Kel'makov, Saarinen 1994: 34–35, 39–40]). Ударный и безударный варианты *ю* по формантным характеристикам отличаются незначительно (см. таблицу 1).

Гласный ё. Данный звук, зафиксированный нами только в одном примере, судя по всему, является позиционным вариантом бавл. *ё*, появившийся в речи под влиянием палатализованных гласных *и* и *ю* в слове *гудьри* 'гром'. Звук *ё*, имеющий следующие акустические характеристики: $F_1 = 440$ Гц, $F_2 = 2040$ Гц, $F_3 = 2920$ Гц, артикуляционно является неогубленным гласным среднего приподнятого подъема передне-среднего ряда.

Взаиморасположение формант исследованных гласных в спектре по отношению к друг другу, а также связь формантной

структуры и артикуляции гласного отражает таблица 2, в которой по вертикали отображены первая форманта F1 и ее артикуляционный коррелят подъем гласного, а по горизонтали – F2 и ряд гласного.

Таблица 2

Расположение F1 и F2	Высокая F2	Средне-высокая F2	Средняя F2	Средне-низкая F2	Низкая F2	Ряд Подъем
	Передний	Передне-средний	Средний	Средне-задний	Задний	
Низкая F1	и		ѳ		у	Верхний
Средняя F1	э	ь	о°	ѳ̣	о	Средний
Высокая F1			а			Нижний

Все вышеописанные бавлинские гласные достаточно четко различаются по своим формантным структурам. Полученные нами экспериментальные данные позволяют утверждать, что артикуляционные характеристики гласных описываемого диалекта, имеющиеся в лингвистической литературе, достаточно верно отражают акустико-артикуляционные качества гласных, хотя и базируются в основном на визуально-слуховых методах наблюдения. Тем не менее результаты наших изысканий дают возможность уточнить характеристики отдельных гласных звуков бавлинского говора. Например, гласный *а* отнесен предыдущими исследователями к заднему ряду [Кельмаков 1998: 61²; Тараканов 1958: 75, 77]. Но величина частоты второй форманты *а* ($F_2 = 1640$ Гц) указывает на то, что ряд данного гласного нужно определять как средний. Для более наглядного сравнения еще раз можно привести частоты F_2 заднерядных и переднерядных гласных: 1055–1125 Гц (*у* и *о*) и 2255–2420 Гц (*э* и *и*) соответственно. В число среднерядных мы также включаем гласные *ѳ* ($F_2 = 1605$ Гц) и *о°* ($F_2 = 1610$ Гц), в отличие от В. К. Кельмакова [1998: 55–56, 61], который характеризует ряд данных гласных как передне-средний (иначе: [Кельмаков 1998: 55; Тараканов 1958: 75, 101–107]), мы определяем и качество гласного *ѳ̣* – звук среднего ряда несколько пониженного подъема.

² См. выше, примечание редактора.

В зависимости от словесного ударения формантная структура и качество бавлинских гласных изменяется очень существенно, что свидетельствует об отсутствии качественной редукции гласных в указанном говоре.

На основании полученных нами акустических (формантных) характеристик артикуляцию бавлинских гласных мы описываем следующим образом:

a – неогубленный гласный нижнего подъема среднего ряда (така 'баран', д³абала 'сова');

o – огубленный гласный среднего подъема заднего ряда (окоп 'однажды; один раз', ко^oто 'беременная', пото '(они) выходят');

y – огубленный гласный верхнего подъема заднего ряда (тук 'сиди', у^yноти 'через окно; в окно', тиспу 'дереву');

ы – неогубленный гласный среднего пониженного (? средне-нижнего) подъема среднего ряда (ыбылыны 'стрелять', ныд 'нога');

ь – неогубленный гласный среднего подъема передне-среднего ряда (зудьри 'гром');

и – неогубленный гласный верхнего подъема переднего ряда (ни 'мальчик; сын', китим 'по (моей) руке', 'за (мою) руку');

э – неогубленный гласный среднего подъема переднего ряда (э'кты 'танцуй; пляши', п^oлызэ '(его) большой палец (Вин. п.)');

y – огубленный гласный верхнего подъема среднего ряда (уч 'береги', гу 'яма', куды 'лукошко');

o^o – огубленный гласный среднего подъема среднего ряда (o^oc 'дверь', ко^oт 'живот', ко^o 'жернов').

Таким образом, экспериментальные данные по гласным звукам бавлинского диалекта, полученные при помощи широкополосной динамической спектрографии, позволяют уточнить их акустико-артикуляционные характеристики.

Библиографический список

Акмаров А. М. Спектральный и рентгенографический анализ английских и удмуртских гласных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 1-й МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1965. 23 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 173 с.

Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия / Науч. ред. И. В. Тараканов. Ижевск: Удмуртия, 1992. 144 с.

Воронцов П. И. Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удм. ун-т. Ижевск, 1999. 19 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. 310 с.

Фант Г. Акустическая теория речеобразования / Пер. с англ. Л. А. Варшавского, В. И. Медведева; Под ред. В. С. Григорьева. М.: Наука, 1964. 284 с.

Balassa J. A votják nyelv néhány hangjáról // KSz. 1915–1916. XVI. kötet. 101–104 old.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.

Wiik K. Finnish and English vowels: A comparison with special reference to the learning problems met by native speakers of finnish learning english / Turun yliopiston julkaisu. Sarja B. Osa 94. Turku, 1965. 192 p.

Wiik K. Puheen artikulaation ja akustiikan suhde 1 / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen opintomonisteita 7. Turku, 1980. 60 s.

Габов С. (Сыктывкар)

О “Полном рукописном русско-зырянском словаре коми языка” Н. П. Попова

Письменность на коми языке возникла ещё в XIV веке, и её памятники занимают третье место по древности среди финно-угорских языков после венгерских (XII в.) и карельских (XIII в.). От древнекоми письменности, которая просуществовала три столетия (XIV–XVIII вв.), сохранились остатки в виде списков азбуки, надписей на иконах, приписок в русских рукописных книгах XV–XVI веков. Стефаном Пермским и его преемниками было переведено на коми язык значительное количество церковной литературы, которая, к сожалению, дошла до нас лишь в своей очень небольшой части [Лыткин 1952; Бараксанов 1975: 3].

Из памятников XVIII века сохранились тексты церковной службы, написанные как на древнепермском, так и на коми-зырянском языках. Из памятников, написанных на коми-зырянском

языке, сохранились четыре списка “Божественной литургии” (Румянцевский, Ундольский, Савваитовский ? 1, Савваитовский ? 2) [Кузнецова 1958: 213–214].

В XVII–XVIII вв. начинается фиксация лексики коми языка в сочинениях различного содержания, а также в рукописных собраниях как отечественных, так и зарубежных учёных, путешественников. Наряду с описаниями жизни и быта они оставили в своих сочинениях и некоторый языковой материал [Бараксанов 1975: 3].

Более систематичное изучение и описание грамматического строя и лексики коми языка началось в XIX веке, особенно во второй его половине, в этот же период значительно увеличилось количество издаваемой литературы на коми языке.

В XIX – начале XX вв. проводилась также большая работа по сбору и систематизации лексики коми языка, появляются первые печатные словари.

К XIX веку относится целый ряд рукописных словарей, содержащих богатый и ценный материал. Это в первую очередь относится к материалам для грамматики коми языка и для рукописных словарей, собранные первым русским академиком финно-угроведом А. М. Щёгренем во время его поездки по Вологодской и Пермской губерниям. Материалы А. М. Щёгрена хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (фонд А. М. Щёгрена, ? 94) [Туркин 1977: 87].

В тот же период по инициативе академика А. М. Щёгрена и в дальнейшем при его поддержке в Усть-Сысольске работала группа любителей-лексикографов, которая под руководством Н. П. Попова создала самый полный по объёму и охвату материала рукописный словарь – “Русско-зырянский словарь” (1843 и 1864), который содержит 50–70.000 слов.

Упоминает этот рукописный словарь коми языка И. А. Куратов в своей работе “Грамматика зырянского языка”: “Зырянские словарики были составлены П. Савваитовым и Н. П. Поповым. Первый труд, как начальный в своём роде, хотя не велик, заслуживает большого внимания. Словарь Н. П. Попова ещё не издан; по слухам, он обширен и обещает много” [Куратов 1939: 71]. На 130 странице составителями дана сноска 16 следующего содержания: “Издан Ак. наук СССР в 1931 г. под назв. Г. С. Лыткин, Русско-зырянский словарь (составлен по рукописному словарю

Н. П. Попова)". Такое утверждение во многом могло ослабить интерес исследователей к словарю Попова.

Павел Иванович Савваитов (1815–1895), крупный русский учёный XIX в., в предисловии к своему "Русско-зырянскому и зырянско-русскому словарю" (СПб., 1849, также 1850), даёт краткий очерк коми лексикографии. В нём имеется упоминание о рукописной лексикографической работе на коми языке. Вот что он говорит о значении этого словаря в сравнении с лексикографическими источниками Лепёхина, Палласа, Кастрена: "Гораздо лучше их малоизвестный рукописный Короткий Зырянский Словарь, составленный Яренского уезда Шежамской волости Священником Василием Михайловым, а исправленный и дополненный Устьысольским мещанином И. Р. Мальцевым. Он разделён на тридцать глав и содержит до 650 слов, преимущественно из Вычегодского наречия." Далее Савваитов пишет о большой работе над русско-зырянским словарём Н. П. Попова: "Судя по времени и средствам, употреблённым на составление сего Словаря, можно надеяться, что он будет весьма важным в своём роде пособием при изучении Зырянского языка, особенно Вычегодскому наречию, которым заняться сочинитель имел более возможности, нежели другими наречиями" [Савваитов 1850: 1–2]. Сам П. И. Савваитов не был знаком с материалами словаря Н. П. Попова, неизвестно также, какими источниками пользовался автор при составлении своих словарей [СКЯ: 181]. Впоследствии исследователи выявили, что упоминаемый Савваитовым рукописный словарь Михайлова и Мальцева по существу являлся началом работы над большим словарём Попова [Туркин 1976: 293].

Имеются два варианта этого словаря, которые представляют необъятный словарный материал по коми языку. Лишь первый вариант рукописи Н. П. Попова был использован при составлении своих словарей учёными прошлого века Г. С. Лыткиным и академиком Ф. И. Видеманном [Габов 1995: 215]. Второй, расширенный вариант словаря, который состоит из 13 частей, переплётённых в четыре тома, отличается от первого как по объёму, так и по графике и принципу составления [Туркин 1976: 296].

Продолжительное время рукописи Н. П. Попова считались утерянными [Лыткин 1969: 312]. И лишь в 1973 их удалось найти в Архиве востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. В марте 1973 года с нею ознакомились

Г. Г. Бараксанов и А. И. Туркин. Более подробное описание обоих вариантов осуществил А. И. Туркин уже 20 лет назад, но и в настоящее время словарь коми лексикографами не используется.

В то же время словарь является наиболее полным из существующих ныне лексикографических источников коми языка. В нём представлен самый разнообразный коми лексический материал: своеобразные лексемы, отсутствующие в современном коми языке, в качестве иллюстраций – примеры из перевода библии, осуществлённые Г. С. Лыткиным, коми пословицы и поговорки, фразеологизмы и образные выражения, лингвистическая терминология [Габов 1995: 215].

Большой интерес представляют принципы перевода русских слов в рукописном словаре Попова, в различных словарных статьях они даются по-разному. Этим рукопись Попова выгодно отличается от современных словарей коми языка. Имеются простые однозначные переводы, иногда отражается многозначность слова. Широко представлены при переводах синонимы: *объём* – *сывтыр*, *гогорсудзом*, *ыджданог*, *гөгöрсывтыр*, *гөгрёсног*; *равнина* – *тиöтишкös*, *тиöтишкаöсь*, *мувыв*, *эрдыв*, *тиöтишкösин*, *шылыдин*; *кулак* – *шодзир*, *модзир*, *чабыр*, *шамыр* (здесь и далее примеры передаются в современной орфографии, отличной от существующей в рукописи) и др. [Туркин 1976: 298]. В “Русско-коми словаре” 1966 года, который является самым большим современным словарём, этим лексическим единицам приводится только по два синонимичных коми слова [РКС: 236, 359, 554]. Также очень много описательных переводов: *бирюза* – *дона югыдлоз* из ‘ценный светло-голубой камень’; *вор* – *кык син костысь ныр зуысь* ‘тот, кто может украсть нос промеж двух глаз’; *термометр* – *кöдыд-шоныд тöдмöдантор* ‘инструмент для определения холода-тепла’ и т. д. [Туркин 1976: 298].

Приводится несколько старых названий месяцев на коми языке: *няньсуктан тöлысь* ‘месяц замеса хлеба’ (август), *косму толысь* ‘месяц сухой земли’ (апрель) и т. д. [Туркин 1976: 298; Габов 1995: 215]. Словарь Попова мыслился как нормативный и отразил самые различные пласты лексики коми языка.

Как и все памятники коми письменности, исследуемый словарь отражает особенности современных ему диалектов. С этой точки зрения диалектный состав рукописного словаря Попова представляет большой интерес. Встречаются слова фактически из

всех коми-зырянских диалектов: верхневьчегодского (вв.), верхнесысольского (вс.), вымского (вым.), ижемского (иж.), лузского (луз.), нижневьчегодского (нв.), печорского (печ.), удорского (уд.). Встречаюся слова, не приведённые в "Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов" и монографиях по диалектам коми языка: вв. *шóгла* 'мачта'; вс. *вийóс* 'межа'; вым. *ыйка* 'улица'; уд. *айка* 'тесть', *шóрлун* 'среда' и другие. Таким образом, можно сказать, что словарь является и диалектологическим.

Значение "Полного рукописного русско-зырянского словаря коми языка" Н. П. Попова огромно. В первую очередь это ценный и необходимый материал для составления новых словарей коми языка. Он может быть хорошим источником для дальнейшего изучения диалектов коми языка. Из всего этого наглядно проявляется целесообразность наиболее подробного исследования словаря. А для более широкого использования и внедрения лексического богатства в современный коми язык было бы весьма полезным издание этого рукописного лексикографического источника.

Библиографический список

Бараксанов Г. Г., Мартынов В. И. Развитие коми филологической науки (Серия препринтов "Научные доклады". Вып. 20). Сыктывкар, 1975.

Венгерские учёные и пермская филология: Сб. статей. Устинов, 1987. 192 с.

Габов С. И. О рукописных лексических памятниках коми языка XIX века // LU. 1995. № 3 (XXXI). С. 214–216.

Костромина И. Н. Медводдза коми словарь // Югид туй. 1973. 22-бд дек.

Кузнецова З. И. Обзор памятников коми письменности XVIII века // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 213–240.

Куратов И. А. Лингвистические работы. Т. II. Сыктывкар, 1939. 136 с.

Лыткин В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952. 174 с.

Лыткин В. И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М.: Наука, 1969. С. 302–350.

РКС – Русско-коми словарь / Под ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар, 1966. 776 с.

Савваитов П. И. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1850. 497 с.

СКЯ – Современный коми язык: Лексикология / Под ред. А. И. Туркина. М., 1985. 207 с.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Туркин А. И. Русско-зырянский словарь Н. П. Попова // СФУ. 1976. № 4 (XII). С. 293–299.

Туркин А. И. Материалы по коми языкам в архиве А. М. Щёгрена // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 3. Л., 1977а. С. 86–93.

Туркин А. И. О втором варианте русско-зырянского словаря Н. П. Попова // СФУ. 1977б. № 4 (XIII). С. 293–296.

Туркин А. И. Медводдза коми словарь // Войвыв кодзув. 1978. 47–49-ӧд лб.

С. В. Герасимова (Ижевск)

Суффиксальный способ образования новых слов в удмуртском языке

В 90-е годы в удмуртском языке происходит обогащение словарного состава новыми лексическими единицами за счет создания новых слов, обозначающих различные понятия общественно-экономической и культурной жизни. В научной литературе выделяют три типа неологизмов:

“1) собственно неологизмы (*Neuwort*) – это первозаимствования из других языков, т. е. заимствования, не имеющие в языке “предшественников” в виде слов, образованных от того же корня;

2) новообразования (*Neuprägung*), слова составленные из известных слов и аффиксов в новых комбинациях;

3) семантические неологизмы (*Neubedeutung*), новые значения у известных ранее лексических единиц или, по иной терминологии, новые лексико-семантические варианты” [Розен 1991: 28].

В данной работе нами рассматриваются новые лексические единицы, образованные на базе функционирующих в удмуртском языке слов и аффиксов, т. е. новообразования, которые образованы морфологическим способом.

Морфологический способ словообразования – это создание новых слов путем сочетания морфем на базе имеющихся в языке основ и словообразовательных аффиксов: суффиксов и префиксов. “Этот вид образования новых слов всегда приводит к возникновению в языке новых лексических единиц, являющихся одновременно новыми и с точки зрения фонетико-морфологической... При морфологическом словообразовании из материала, существующего уже в языке, наблюдается не создание каких-то неведомо новых слов, а создание новых комбинаций, новых форм на базе наличного в языке строительного материала и существующих словообразовательных средств.

Определяя морфологический способ словообразования, как создание новых слов посредством сочетания морфем по определенным правилам в словные морфемосочетания, следует иметь в виду, что оно вовсе не предстает перед нами как механическое сложение тех или иных значимых частей в каком-либо определенном порядке. Морфологическое словообразование всегда является аналогическим и выражается, собственно говоря, в заполнении пустой клетки словообразовательного квадрата четвертым до этого возможным, но реально не существовавшим членом” [Шанский 1968: 254–255].

Для современного удмуртского языка характерным является суффиксальный тип морфологического способа словообразования. Ниже рассмотрим наиболее употребительные суффиксы, используемые при создании новой лексики.

Материалом для нашего исследования послужил лексический материал из публицистической литературы 90-х годов.

Суффикс *-ос*. При помощи данного суффикса неологизмы образуются от основы глаголов – на семантическом уровне это слова, обозначающие результат действия, напр.: *чектос* ‘проект’, *шедьтос* ‘находка’, *пӧрос* ‘произведение’, *кылдос* ‘образование (муниципальное, административное)’, *кынтос* ‘мороженое’.

Суффикс *-чи*. При помощи данного суффикса образуются:

1) слова, обозначающие профессию или же лицо по его временной или постоянной деятельности, напр.: *иворчи* ‘корреспондент’, *гитарачи* ‘гитарист’, *грузчи* ‘грузчик’, *шаерчи* ‘краевед’, *эмчи* ‘врач’;

2) слова, обозначающие лицо, которому присущи определенные признаки, напр.: *усточи* 'умелец', *тодосчи* 'ученый';

3) слова, показывающие социальное положение человека, напр.: *йыружчи* 'преступник'.

Большинство существительных с суффиксом *-чи* образуются от непроезводных основ существительных и отглагольных существительных.

Суффикс *-лык*. При помощи данного суффикса образуются:

1) слова, обозначающие собирательность, совокупность предметов, имеющих определенное назначение или отвлеченные свойства, состояния, напр.: *восьлык* 'религия', *адямилык* 'человечность', *кунлык* 'государственность'. Данная группа слов образуется от основ существительных.

2) слова, обозначающие отвлеченное качество, напр.: *дэменлык* 'общество', *йөнлык* 'гордость', *эркынлык* 'простор', *зйбытлык* 'дисциплина'.

Суффикс *-эт*. При помощи данного суффикса образуются:

1) от глагольных основ – слова, обозначающие действие и результат действия, напр.: *кивалтэт* 'правление, правительство', *верет* 'предложение';

2) от основы существительного – слова, относящиеся к общественно-политической жизни общества, напр.: *ёзэт* 'статья', *коньдэт* 'бюджет', *йырьет* 'глава'.

Суффикс *-ни*. При помощи этого суффикса (характерного для северных диалектов) в литературном удмуртском языке образуются новые слова, обозначающие место протекания какого-либо действия, напр.: *эмъяськонни* 'больница', *шутэтсконни* 'дом (место) отдыха', *книгапоттонни* 'издательство', *телевозьматонни* 'телевидение'.

Менее продуктивными являются суффиксы *-он*, *-н*, *-м*. При помощи суффиксов *-н*, *-он* от глагольных основ образуются новые слова, обозначающие социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь народа, например: *адъyton* 'выставка', *чектон* 'проект', *куриськон* 'заявление'.

При помощи суффикса *-м* образуются слова, обозначающие результат какого-либо действия, напр.: *кесэглам* 'выкройка', *отчам* 'съезд'.

Итак, в 90-е годы морфологический способ словообразования явился одним из продуктивных способов образования новых

слов. Наибольшую активизацию получили такие деривационные суффиксы, как *-лык*, *-чи*, *-ос*, *-эт (-ет)*, *-ни*; менее продуктивными были *-он*, *-н*, *-м*.

Библиографический список

Бюллетень республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики. № 1. Ижевск, 1998. 118 с.

Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 192 с.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968. 311 с.

Н. А. Зеленина (Сыктывкар)

Неологизмы в коми языке, образованные путем словосложения (1918–40 гг.)

Выяснение факторов, способствующих появлению неологизмов и вхождение их в активный словарь современного коми литературного языка, является одной из актуальных проблем коми языкознания. Данная тема имеет не только практическое, но и теоретическое значение с точки зрения развития лексики и словообразования и тесно связаны с законом о языке – с объявлением коми языка вторым государственным языком Республики Коми.

Словарный состав коми литературного языка в процессе становления, развития непрерывно изменяется, пополняется, совершенствуется. Возникают новые, раньше не существовавшие слова, выпадают из употребления некоторые устаревшие лексемы. Главную роль в развитии и совершенствовании языка играет появление новых слов и выражений, названий новых предметов и явлений. Свежесть неологизмов утрачивается со временем, от частого употребления они становятся обычными, привычными. Но несмотря на это, появление новых слов в любом языке остается процессом основным, главным. Изменение словаря – закономерное движение в языке.

Письменность на коми языке появилась во второй половине XIV века. В течение своего непрерывного существования язык коми письменности претерпел большие изменения: менялись алфа-

вит, система графики и орфографии, диалектная основа и языковые нормы. Особенно значительные изменения происходили в лексике, которая развивалась в том или ином направлении в зависимости от социальной функции литературного языка. Коренные изменения коми литературного языка всегда были связаны с глобальными историческими преобразованиями. Ретроспективно исследуя изменения в общественной жизни, наблюдаем, что после Октябрьской революции социальные функции коми литературного языка неизменно расширились: родной язык вводится в школу, появляются газеты и журналы, родная речь звучит на сцене, быстрыми темпами развивается художественная литература, переводятся произведения русских и зарубежных писателей на коми язык, создаются термино-орфографические комиссии. Хотя процесс трансформации языка не подчинен никаким законам, прослеживается определенная тенденция, цикличность в данном процессе – развитии лексики коми народа. С 1918 года наблюдается значительный рост рождения новых слов, что было вызвано появлением новых реалий. Этот процесс продолжался до начала 40-х гг. В период культа личности Сталина многие неологизмы были изъяты из употребления, заменены русскими эквивалентами. Такой замене подвергались даже некоторые исконно коми слова.

Спустя десятилетия, в 80-х гг., вновь поднимается национальная проблема, активно решаются вопросы, связанные с правом нации на свободное развитие ее родного языка и культуры. В Коми Республике было создано Министерство по делам национальностей, в 1992 году был принят Закон “О государственных языках РК”. С 1994 года началась реализация “Программы развития и сохранения коми языка”, вторая реализация этой программы была разработана в сентябре этого года. Большая работа по переводу актов государственных органов власти и управления проводится в Министерстве по делам национальностей информационно-переводческим отделом. При подготовке и проведении выборов всех уровней и других общественно-политических мероприятий используется два государственных языка. Второй государственный язык – коми – изучается во многих общеобразовательных школах республики как обязательный предмет или на факультативной основе. Издания республиканских газет и журналов, а также передачи телевидения и радиовещания осуществляются на русском и коми языках. Производится также перевод на-

званий учреждений и организаций, текстов на печатях и штампах, который осуществляет термино-орфографическая комиссия Миннаца. Основной задачей комиссии на данный момент является перевод на коми язык и образование новых политических, экономических и иных терминов для постепенного их введения в государственное обращение и разговорный язык. А в будущем планируется создать большой академический словарь коми литературного языка, куда и войдет целый пласт новых слов и выражений. Решить проблему терминологизации современного коми языка помогут исследования в области образования новых слов за период 1918–1940 гг.

Неологизмы, искусственно созданные из материала родного языка, в абсолютном большинстве случаев представляют собой слова, образованные путем словосложения:

кывбӧр 'послелог', букв. 'слова зад' – введен В. А. Молодцовым, употребляется до сих пор;

нимбӧр 'имени задняя часть' – это слово введено Г. С. Лыткиным;

кывсикас 'часть речи', букв. 'слова сорт (разряд)';

лыдпас 'цифра', букв. 'числа знак' – употребляется с первых лет революции: в учебниках арифметики, в газете "Югид туй" 1923–1924 гг.;

серпас 1) 'картина, рисунок'; 2) 'образ, изображение' (КРС) букв. 'узора (пестрины) знак': *сер* 'узор, пестрина, резьба', *пас* 'знак, пометка, отметка, метка, клеймо'; *пасйыны* 'метить, пометить, отметить', *пасъявны* 'отмечать'. Издавна у этих слов было только конкретное значение, но со временем оно приобрело и абстрактное. После революции в 20-е гг. от слова *пас* было образовано много новых слов: *пасйӧд* 'заметка', *шыпас* 'буква', *лыдпас* 'цифра', *серпаса* 'образный, картинный', *серпасавны* 'создать картину, образ; рисовать', *серпаслун* 'образность, картинность', *серпасалӧм* 'изображение, иллюстрирование', *серпастӧм* 'нехудожественный', *серпаса* (или *серпаслуна*) *литература* 'художественная литература', *мусерпас* 'карта, рисунок очертания земли'. Как *серпас*, так и производные от него слова широко употребительны. Анкеты, используемые для проверки усвоения неологизмов населением, показывают, что эти слова понятны широким кругам читателей коми литературы;

кадколаст 'период';

дорвывног 'оглавление';
уджасломдон 'заработок';
йитöдкыв 'союз';
олансям 'быт';
градвывпуктас 'овощи';

подувпуктас 'основание' (И. И. Тарабукин, К. И. Туркин.
Коми терминология словарь. Сыктывкар, 1934).

В 20-х гг. появился целый ряд других неологизмов, образованных путем сложения двух слов, напр.:

сёрникузя 'предложение' (КРС), букв. 'речи отрезок' (определенной длины): сёрни 'речь', кузя 'прядь, прядка, нить кудели до веретена (при прядении)', 'вообще мера длины нитки около метра' – термин составлен В. А. Молодцовым в первые годы революции, в грамматике заменен словом предложение, но в литературе продолжает употребляться;

сиктсöвет 'сельсовет' – калька: сикт 'деревня', сöвет 'совет';

эскöданпас 'удостоверение, письменная справка': эскöдан – прич. от гл. эскöдны 'заставить кого-нибудь верить', пас 'знак'. Слово вошло в обиход из канцелярского языка в середине 20-х гг. во время введения коми языка в делопроизводство; в конце 30-х гг. оно было изъято из литературного языка, но впоследствии вновь вошло в литературу.

Множество слов образовано из свободных словосочетаний путем слитного написания компонентов этих словосочетаний, таким образом этим сложным словам придается новое значение:

вöркaнь 'рысь': вöр кань 'лесная кошка';

катшасин 'ромашка': катша син 'сорочий глаз';

кузьчышъян 'полотенце': кузь чышъян 'длинный платок';

кывкутны 'нести ответственность': кыв кутны 'держат, сдержат слово'. От этого сложного глагола образован ряд производных неологизмов: кывкутана 'ответственный', кывкутöм 'ответственность', кывкуттöм 'безответственный', кывкуттöмлун 'безответственность';

сьöдбöж 'горноста́й': сьöд бöж 'черный хвост';

турипув 'клюква': тури пув 'журавлиная брусника';

ужпинь 'спорынья': уж пинь 'жеребца зуб'; и др.

Неологизмами являются также целые словосочетания, обозначающие одно понятие (или же два понятия, слившиеся в одно), напр.:

вѳр лѳдзысь 'лесоруб', *вѳр лѳдзѳм* 'лесозаготовка': *вѳр* 'лес', *лѳдзны* 'спускать, вывозить';

мед олас! 'да здравствует' — употребляется с первых лет революции; по-видимому, образован В. А. Савиным, хорошо знающим украинский язык, посредством кальки с украинского *хай живе!*

олѳмѳ пѳртны 'осуществить, выполнить, провести в жизнь', букв. 'в жизнь претворить'. Слово появилось в литературе в 20-х гг.;

ѳтувѳя овмѳс 'коллективное хозяйство', букв. 'совместное хозяйство';

торкны позьтѳм 'нерушимый', букв. 'нарушить невозможно';

ѳтарѳ водзѳсѳм 'безвозмездно';

сѳрни нуѳдѳм 'беседа';

видз-му лѳсьѳдѳм 'землеустройство';

морт-туй донѳялѳм 'характеристика';

бѳрйѳма йѳз 'депутация', букв. 'выбранный народ' (И. И. Тарабукин, К. И. Туркин. Коми терминологический словарь. Сыктывкар, 1934);

индѳга пасйѳд 'замечание';

видз-му уджалысь 'земледелец';

корысьѳ пѳрѳм 'обнищание';

шѳркодя олысь 'средняя';

гижѳд визь 'строка';

синмѳ шыбитчана 'четкость'.

Комиссия по переводу терминов на коми язык, созданная при Министерстве по делам национальностей Республики Коми, осуществляет терминотворчество, специалисты-переводчики используют лексику, существовавшую в коми языке ранее. По принципу словообразовательной модели были созданы и предложены для активного применения слова, образованные путем словосложения:

а) общественно-политические термины: *оланподув* 'конституция', букв. 'основа жизни'; *оланпас* 'закон', букв. 'знак жизни'; *канпас* 'государственный герб', букв. 'знак государства'; *карпас* 'герб города';

б) слова-термины, используемые в языкознании: *шыпас* 'буква', букв. 'знак звука'; *торѳякыв* 'слово', букв. 'отдельное

слово'; *кыввор* 'лексика'; *эмакыв* 'имя существительное'; *асним* 'имя собственное'; *лыдакыв* 'числительное' и т. д.;

в) бытовые слова: *оланіннас* 'адрес', букв. 'знак местожительства'; *чужо́мнас* 'портрет'; *вужвойтыр* 'коренной народ'; *доннас* 'ценник' и т. д.

Б. И. Каракулов (Глазов)

О проблемах, связанных с категорией посессивности в удмуртском языке

Проблеме посессивности в финно-угорских языках, в том числе и в удмуртском, посвящено немало работ, однако некоторым аспектам ее не уделено еще должного внимания. Даже сама посессивность в различных трудах в зависимости от метода и характера анализируемого материала трактуется то как грамматическое (морфологическое), то как семантическое понятие [Колпакова 1988: 1].

В настоящее время в удмуртском языке лучше изучены основные морфологические средства выражения посессивности, однако границы ее как в формальном, так и в содержательном плане еще не определены. А это препятствует обучению грамматике удмуртского языка, стилистической дифференциации и правильному использованию форм, а также рассмотрению истории их развития.

Одним из способов выражения притяжательных отношений в удмуртском языке, как и в тюркских и иранских языках, являются изафетные конструкции. Термин изафет не во всем его смысловом объеме был заимствован из тюркологии. В удмуртской лингвистике им принято обозначать только взаимозависимую связь между словами в именных определительных сочетаниях, а морфологически неоформленная посессивная структура определяется как "примыкаемая притяжательная конструкция". Связь между элементами в таких конструкциях относят к примыканию [ГСУЯ: 9–13; Вахрушев 1970: 86]. В связи с этим встает проблема унификации грамматической терминологии.

Изучив изафетные структуры в удмуртском языке, В. М. Вахрушев выявил 3 группы и, видимо, по степени употребительности расположил в следующем порядке: 1) морфологически

оформлены оба компонента (*дышетйсьлэн пиез, тынад анаед*); 2) морфологически выражен только 1-й компонент (*Колялэн мылкыд, милям мылкыд*); 3) морфологически выражен только 2-й компонент (*ас гуртам*) [Вахрушев 1970: 86]. Но в финно-угроведении наиболее древним (прафинно-угорским или даже праявральским) способом выражения притяжательности принято считать морфологически неоформленные притяжательные конструкции типа *ыжпи* 'ягненок' (досл. 'овца детеныш'). Параллельно с этими структурами использовался другой вид выражения посесивности: лично-притяжательные суффиксы, восходящие к личным и указательным местоимениям, присоединялись к словам-обладаемым, указывая обладателя [ОФУЯ: 267]. В связи с последним надо отметить, что в удмуртском языкознании есть и другая точка зрения: одиночные существительные, имеющие притяжательные формы могли возникнуть опущением своих определений [Перевощиков 1961: 270]. Но истории развития морфологически оформленных изафетных конструкций не уделялось еще особого внимания.

В этих конструкциях морфологическое оформление определения предназначается для обозначения конкретного обладателя [Перевощиков 1961: 268], а морфема в определяемом слове, в отличие от аналогичного суффикса в составе одиночного существительного, видимо, стала использоваться для указания на определенного обладаемого. И этими значениями морфем могло быть связано их каждое употребление. Но в структуре определяемого слова сочетаний с притяжательными местоимениями более регулярное использование этих суффиксов наблюдается только в последнее время, что подтверждается данными письменных памятников. В "Сочинениях..." 1775 года отмечено: "Именительный падежь *милямъ сясыкъа*, говорять вместо *милямъ сясыкъамы*, Родительный *милямъ сясыкъалэнъ*, вместо *милямъ сясыкъамылэнъ*, Дательный *милямъ сясыкъалы*, вместо *сясыкъамылы*, Винительный *мыныстымъ сясыкъамё*, вместо *мыныстымъ сясыкъамэзь*, Творительный *милямъ сясыкъазнь*, вместо *милямъ сясыкъазнымы*" [Перевощиков 1961: 4-5]. В переводных текстах начала XIX в. уже используются обе формы: *Аслазь дышетскисьюсь-лы* [Сочинения: 17], *Мынам дискуть бордэ* [Там же, с. 34], *нылыдь тынадь* [Там же, с. 35], *вирь вяньэзь солэнь* [Там же, с. 34]. В современном удмуртском языке морфологическое оформление слова-обладаемого подобных сочетаний некото-

рые лингвисты склонны рассматривать как проявление своеобразного плеоназма (см., напр.: [Перевошников 1961: 275]).

При сопоставительном изучении удмуртского языка с русским обнаруживается частое использование лично-притяжательных суффиксов в удмуртском. Не зная о многозначности этих морфем, переводчик затрудняется работать над текстом. Более того, его работу усложняет то, что случаи использования рассматриваемых морфем в непритяжательном значении в исследованиях раскрыты в неполном объеме. На особенности употребления лично-притяжательных аффиксов обращают особое внимание и специалисты родственных языков [Цыганкин, Киушкина 1985; Кожевин, Некрасова 1994], в удмуртском языке, опираясь на работы предшественников, их показывает Б. А. Серебренников [1963: 129–138]. Рассматривая омонимичные формы с -эз (-ыз), восходящие к определениям притяжательных структур с опущенным словом-определяемым, в удмуртском языке В. И. Алатырев [1970] обозначил выделительно-указательную категорию. Однако в этой работе имеются и неточности: нельзя отрицать то, что аффиксы 2-го и 3-го лица могут выступать в функции определенного артикля, на что указывали А. И. Емельянов [1927: 130] и Б. А. Серебренников [1963: 131]. Более того, следует отметить, использование суффикса 3-го и даже 1-го лица в этой роли в современном удмуртском языке расширяется. Заметным влиянием диалектов на литературный язык вызвано проникновением подобных структур в письменную речь: *Оло школае пыдзэ лёгано ёво́л ни?* (П. Чернов). В последнее время на базе притяжательных суффиксов развились оморфемы субъективной оценки. При указании на близкий, дорогой для собеседников предмет употребляется аффикс 2-го лица, а в диалектах северного наречия – также аффикс 1-го лица: *Скалме люктаны пото*. Форма 3-го лица используется в уничижительном значении: *Та корказэ адзёме но уг поты ни* (см. об этом также: [Кельмаков 1996: 132]).

В парадигме лично-притяжательных суффиксов пермских языков от древней финно-угорской системы изменился лишь суффикс 1-го лица ед. числа. Как и коми -ой, так и удмуртский суффикс -э (-ы), может использоваться и в вокативном, и в посессивном значениях: *мынам нйэ* [Сочинения 5], *дыдыэ* [Евангелие 35]. Видимо, на основе вокативного значения или значения субъективной оценки этого суффикса в некоторых удмуртских говорах,

в частности в можгинском, морфема 3-го лица используется как словообразовательный суффикс: *айызы* 'свекор'. В наречных образованиях данная морфема в словообразовательном значении используется широко: *Паськытэсь возьёсыз Валолэн, тулысэз турынэн шобырско* (Д. Яшин).

Посессивность в удмуртском языке также выражается habeo-конструкциями. В этом случае дополнение-обладатель оформляется суффиксом генитива, а подлежащее-обладаемое – соответствующими лично-притяжательными суффиксами.

Библиографический список

Колпакова Н. Н. Посессивность в венгерском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Вахрушев В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР Вып. 21: Филология. Ижевск, 1970. С. 78–106.

Кельмаков В. К. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. Jyväskylä, 1996. С. 131–134.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.

Перевощиков П. Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка // Вопросы составления описательных грамматик: Сб. статей. М., 1961.

Сочинения – Сочинения принадлежащія к грамматикѣ вотскаго языка. СПб, 1775.

Евангелие – Господа нашего Иисуса Христа евангелие от св. евангелиста Марка на русском и вотякском языках, Глазовскаго наречія. Казань, 1847.

Цыганкин Д. В., Киушкина Р. И. Особенности употребления лично-притяжательных аффиксов в эрзянском языке // Основные тенденции развития финно-угорских языков. Саранск, 1985

Кожевин Г. Ю., Некрасова Г. А. Функционирование лично-притяжательных суффиксов в современном коми языке // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского севера Российской Федерации (история и современность): Тез. докл. Сыктывкар, 1994.

Серебренников Б. А Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Алатырев В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск, 1970.

Емельянов А. И Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.

Л. Л. Карпова (Ижевск)

Лексико-семантическая характеристика микротопонимов среднечепецкого региона

В географических названиях, как известно, отражаются природно-ландшафтные особенности, характер заселения края, а также история и культура населения. Географические названия имеют огромную ценность в силу своей устойчивости. "Названия сохраняются и тогда, когда явление, его породившее, уже исчезло" [Жучкевич 1980: 51].

Топонимия средней Чепцы до настоящего времени объектом специального исследования еще не выступала. Имеются лишь отдельные статьи, касающиеся данной проблематики. В частности, в работе Т. И. Тепляшиной [1967: 211–233] раскрываются особенности ойконимии чепецкого региона.

В данном исследовании делается попытка лексико-семантического анализа микротопонимов бассейна среднего течения р. Чепцы. Наша работа не претендует на полноту исследования, она носит предварительный характер³. Но поскольку микротопонимия данного ареала изучена крайне недостаточно, мы сочли нужным ввести имеющийся материал в научный оборот.

В последнее десятилетие объектом исследования автора являлись говоры удмуртов, населяющих среднечепецкий регион. Наряду с диалектологическим материалом, собранным во время многократных экспедиций в населенные пункты исследуемого ареала, нами зафиксирован также определенный корпус топонимического материала, который и послужил источниковой базой

³ Данная проблематика частично была уже освещена в ранее опубликованной статье автора "Микротопонимы среднечепецкого региона, отражающие природно-географические особенности местности", вышедшей в сборнике "Пермистика 7" (Сыктывкар, 1999. С. 83–90).

данной работы. В своем исследовании мы большей частью оперируем материалом, зафиксированным в населенных пунктах Глазовского, Юкаменского и Ярского районов.

В структурном отношении микротопонимы среднечепецкого региона характеризуются наличием большого количества сложных описательных наименований, наряду с которыми встречаются и названия, представленные корневыми словами-терминами. Классификация простых наименований на группы производится по семантике образующих основ. При делении на лексико-семантические группы сложных географических названий мы придерживаемся подхода, предпринятого некоторыми исследователями [Ященко 1977: 55–56; Жучкевич 1980: 89; Кириллова 1992: 106], согласно мнению которых носителем основного лексического значения в наименовании географического объекта выступает определяющий компонент (атрибут) сложного названия.

По семантическому принципу микротопонимы традиционно принято подразделять на две большие группы (см., напр., работы: [Туркин 1972: 7–13; Мамонтова 1982: 7–9]): 1) названия, содержащие характеристику физико-географических свойств объектов и отражающие животный и растительный мир региона; 2) названия, связанные с хозяйственной и практической деятельностью человека, с отдельными явлениями и предметами материальной и духовной культуры местного населения. Отметим, что принятая классификация на группы не абсолютна. Это связано прежде всего с тем, что иногда довольно сложно провести четкую границу между какими-либо семантическими группами, поскольку одно название может нести несколько значений. В частности, микротопонимы, содержащие в атрибутивной части названия некоторых растений, к примеру сельскохозяйственных культур, можно рассматривать и в группе микротопонимов, образованных от названий растительного мира, так и в группе, в которых получили отражение хозяйственная деятельность человека.

В наших материалах по среднечепецкому региону зафиксирован также ряд микротопонимов, этимология которых является затемненной или недостаточно выясненной. Подобные наименования в своей работе мы рассматриваем в качестве отдельной лексико-семантической группы, поскольку вследствие недостаточно полной расшифрованности этимологии их затруднительно отнести к какой-либо из вышеотмеченных двух групп.

1. Названия, содержащие характеристику физико-географических свойств объектов и отражающие животный и растительный мир региона. Микротопонимы данной группы возникли на базе природных условий местности (рельефа, почв, вод, растительности, животного мира и т. д.). В основе этих названий лежат признаки объекта, определяемые топонимическим ландшафтом места. Физико-географический рельеф северо-западной части Удмуртии, к которой относится рассматриваемый нами регион, представляет собой чередование холмов, возвышенностей с низменностями, расчлененных речными долинами, оврагами, логами. В бассейне средней Чепцы много болот и сырых, влажных низин. Эта территория богата глиной, песком, известняком, гравием. Все это наложило определенный отпечаток и на микротопонику края. В зависимости от того, какой компонент природной среды выступает в качестве определяющего в составе микротопонима, в данной группе выделяется несколько подгрупп.

1. Микротопонимы, в которых отразился ландшафт края. Эта группа представлена многочисленными микротопонимами, в которых отражается низинный или возвышенный рельеф края: *Чож/вёл'ы* (Воег.; луг): *Чож* < *Чош-ал* 'равнина', *вёл'ы* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', букв. 'равнинная росчисть', т. е. 'луг, представляющий собой равнинный участок'; *н'ожал* (Воег.; низинное место) < *н'ож* 'низина; лощина' + *-ал* — суффикс, букв. 'долина; ложбина; низина, низменность'; *н'изак* (Вес.; луг): *н'из* 'низина, низинное место' < рус. *низ* + *-ак* — суффикс, т. е. 'луг, расположенный в низине'; *Чо́чам/йъл* (Ум.; поле): *Чо́чам* ~ *Чошам* 'равнина', *йъл* 'верх; вершина', букв. 'выравненная вершина', т. е. 'поле, расположенное на выравненном земельном участке'; *вър-йъл* (УКар.; поле): *вър* 'холм, возвышенность, бугорок', *йъл* — см. выше, т. е. 'поле, расположенное на возвышенности'; *Косогор* (ВПар.; овраг, ложбина) < рус. *Косогор*; *Горка* (Вес.; холм) < рус. *Горка*; *Гопо/мувыр* (Заб.; лог): *Гопо* < *Гоп* 'яма; овраг, лог, ложбина' + *-о* — суффикс обладания, *мувыр* 'возвышенность, холм; земля, суша', т. е. 'лог с неровной поверхностью'; и др.

2. Микротопонимы, указывающие на расположение объекта. Микротопонимы данного разряда могут указывать на местонахождение одного объекта относительно других объектов в плоскости, по направлению расположения, по степени отдаленно-

сти. В атрибутивной части этих микропонимов часто встречаются следующие лексемы: *ўамэн* (~ *вамэн*) 'поперек; поперечный', *нал* 'сторона', *шор* 'середина; средний, срединный', *нал'-л'ан* 'левый, слева' и др. Примеры: *ўамэн/өр* (БМал.; речка): *өр* 'русло', т. е. 'речка, русло которой направлено, по сравнению с другими речками, поперек близлежащему полю'; *ўамэн/ул'ча* (Сол.; улица): *ул'ча* < рус. *улица*, т. е. 'улица, которая расположена поперек главной улице'; *ыбэс/нал* (Ум.; поле): *ыбэс* 'полевые ворота', т. е. 'поле, расположенное в стороне полевых ворот'; *шор/вёл'* (Корш.; поле): *вёл'* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', букв. 'средняя росчисть', т. е. 'поле, которое занимает срединное положение в ряду земельных участков, находящихся поблизости друг от друга'; *шор/н'ук* (Заб.; лог): *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'лог, расположенный в середине в ряду логов, находящихся поблизости друг от друга'; *нал'л'ан/шай* (ВБог.; ложбина): *шай* 'кладбище', букв. 'левое кладбище', т. е. 'ложбина, вблизи которой находилось кладбище, расположенное на левой стороне'; и др.

К этой же группе относятся микропонимы, атрибутивная часть которых представлена порядковыми числительными, указывающими на порядок расположения объектов. Как правило, это русские порядковые числительные: *пэ'рвой* ~ *пэ'рвый* 'первый', *второй* ~ *торой* 'второй', *трэ'т'м'эй* 'третий'. Примеры: *пэ'рвой/шур*⁴ (Пыш.; лог), т. е. 'первый лог'; *торой/шур* (Пыш.; лог), т. е. 'второй лог'; *пэ'рвой/кул'ига/н'ук* (НЕл.; лог): лексема *кул'ига* восходит к слову *кул'ига* < рус. обл. *кулига* 'лесная поляна, расчищенная для земледелия', *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'первый кулигинский лог'; *фторой/кул'ига/н'ук* (НЕл.; лог), т. е. 'второй кулигинский лог'; и др.

Эта группа также представлена микропонимами, которые указывают на расположение объектов относительно рек. В атрибутивной части таких наименований чаще всего используются следующие апеллятивы: *ул* 'низ, нижний' и производные от него *ули*, *ульн*, *ульс'* 'нижний', *въл* 'верх, верхняя часть' и производные от него *въли*, *въльс'*, *въльн* 'верхний', *с'өр* 'зад, задняя часть',

⁴ В среднечепецком регионе лексема *шур* в составе микропонима довольно часто употребляется для обозначения лога с небольшим родником или ручейком.

бэр 'зад, задняя часть'. Примеры: *ули/воз'въл* (Пыш.; луг): *воз'въл* 'луг', т. е. 'нижний луг'; *улыс'/шур* (Кельд.; ключ): *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'нижний ключ'; *вѣли/воз'въл* (Пыш.; луг): *воз'въл* – см. выше, т. е. 'верхний луг'; *выли/йаг* (Заб.; лес): *йаг* 'сосновый бор', букв. 'верхний сосновый бор', т. е. 'сосновый лес, который расположен по склонам холмов'; *вылыс'/выжсан'н'и* (Кельд.; поле): *выжсан'н'и* < *въжсан* (сущ. от глаг. *выжсаны* 'переезжать, переправляться, переходить') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'поле, находящееся у верхней переправы'; *вылыс'/мыс* (БМал.; поле, луг и холм): *мыс* 'клинообразный участок земли' < рус. *мыс*, т. е. 'верхнее поле, вдающееся в лесное пространство и представляющее собой клинообразный участок земли' (луг и холм расположены рядом с этим полем); *чэбэршурка/с'өр* (ВПар.; поле, лог): *чэбэршурка* – название реки, т. е. 'поле и лог, расположенные за р. Чебершурка'.

Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал показывает, что наиболее многочисленными микропонимами этой группы являются те, которые указывают на расположение объектов относительно других.

3. Микропонимы, содержащие характеристику объекта. Большую группу названий географических объектов составляют микропонимы, характеризующие объекты с качественной и количественной сторон. Чаще всего микропонимы этой группы являются ориентирами на местности. Они могут указывать на различные признаки, в частности:

1) на размер объекта (величину, глубину, объем и т. д.). В атрибутивной части данных микропонимов используются такие прилагательные, как *зёк* 'большой', *пёчи* (*пичи*) 'маленький, малый', *лачэз* ~ *лаз'эз* 'мелкий, неглубокий', *мур* 'глубокий', *куз'* 'длинный', *вачи* ~ *вакчи* 'короткий', *жсужыт* 'высокий', *пас'кыт* 'широкий' и др. Примеры: *зёг/воз'* (Кельд.; луг): *воз'* 'луг', т. е. 'большой луг'; *зёк/ул'ча* (Сол.; улица): *ул'ча* < рус. *улица*, т. е. 'большая улица'; *зёк/богон'/ёушкам/луд* (Нел.; поле): *богон'* – патроним, *ёушкам* (прич. от глаг. *ёушканъ* 'опалить, подпалить; сжечь, обжечь'), т. е. 'большое поле, сожженное семейством Богонь'; *пёчи/богон'/ёушкам/луд* (Нел.; поле), т. е. 'маленькое поле, сожженное семейством Богонь'; *пёчи/парз'и/шур* (Яг.; лог): *парз'и* – название населенного пункта, *шур* 'река, речка; ручей; родник,

ключ', т. е. 'маленький парзинский лог'; *лачэг/шур/куд* (ВБог.; болотистое место): *шур* — см. выше, *куд* 'болото, топь', т. е. 'низинное болотистое место'; *мур/н'ук* (ВПар.; лог, родник): *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'глубокий лог, где имеется родник'; *куз'/мыс* (Лек.; луг, возвышенность): *куз'* 'длинный', *мыс* 'клинообразный участок земли', т. е. 'длинный луг клинообразной формы' (рядом с этим лугом находится возвышенность); *кус'/тй* (Ум.; озеро): *кус'* < *куз'* и *тй* 'озеро', т. е. 'длинное озеро'; *вачи/шур* (Аз.; лог): *шур* — см. выше, т. е. 'короткий лог'; *жсужыт/луд* (БМал.; поле, луг): *луд* 'поле', т. е. 'поле, расположенное на возвышенности' (луг находится рядом с этим полем); *жсужыт/мувър* (ВПар., Озег.; поле, подлесок): *мувър* 'возвышенность, холм; земля, суша', т. е. 'поле и подлесок, расположенные на возвышенности'; *бъццъм/луд* (Заб.; поле): *бъццъм* (ср. лит. *быдзъм*, *бадзъм*) 'большой', *луд* 'поле', т. е. 'большое поле'; и др.

2) на числовые показатели в качестве ориентира. Атрибутивная часть данных микропонимов представлена такими числительными: *кък* 'два', *кѳин* 'три', *кѳат* 'шесть'. Примеры: *кък/въш/шур* (Кож.; небольшая речка): *въш* < *въж* 'мост', *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'речка с двумя мостами'; *кѳин'/къс/тъло* (Ум.; лес): *къс* < *къз* 'ель, елка', *тъло* 'подлесок; роща; лес, растущий на суглинистой почве', т. е. 'лес, подлесок с тремя елками'; *кѳат'/гон* (ВПар.; лог): *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог с шестью ответвлениями'.

По качественному признаку можно выделить микропонимы следующих видов:

1) микропонимы, указывающие на оценочные признаки. Атрибутивная часть данных микропонимов представлена лексемами *чэбэр* 'красивый', *въл'* 'новый', *вуж* 'старый', *урод* 'плохой', *зарн'и* 'золотой', *шар-шар* 'действительный, настоящий', *дъ-бър-да-бър* 'громыхая, стуча; с грохотом, со стуком' и др. Примеры: *чэбэр/вър* (Кож.; поле): *вър* 'холм, возвышенность, бугорок', букв. 'красивая возвышенность', т. е. 'поле, расположенное на красивой возвышенности'; *въл'/луд* (Байр.; поле): *луд* 'поле', букв. 'новое поле'; *вуж/рошша* (УКар.; лес): *рошша* < рус. *роща*, букв. 'старая роща, лес'; *вуш/с'урэс* (Кельд.; дорога): *вуш* < *вуж* и *с'урэс* 'дорога', т. е. 'старая дорога (держится только в период полевых работ)'; *урод/въш/шур* (Лек.; речка, луг): *въш* < *выж* 'мост', *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'речка, через

которую проложен плохой мост' (вблизи находится луг под таким же названием); *зарн'и/вёл'* (Корш.; поле): *зарн'и* 'золото', *вёл'* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', букв. 'золотой участок земли', т. е. 'поле с очень плодородной почвой'; *шар-шар/гурээ'* (Нел.; лог): *гурээ'* 'гора', букв. 'настоящая гора', т. е. 'лог, склон которого действительно представляет собой гору'; *дъ'бър-да'бър/н'ук* (Озег.; лог): *н'ук* 'лог, овраг', букв. 'с грохотом лог', т. е. '(ухабистый) лог, по которой спускались на телеге с большим грохотом'; и др.

2) микротопонимы, указывающие на характер поверхности, почвы. Эта группа содержит в своем составе такие апеллятивы: *кёл'ъ* 'галька, гравий', *тёд'ъ (с'уй)* 'белая глина', *из* 'камень, каменистый', *с'ёд (с'уй)* 'чернозем'; *горд*, *гордак* 'глина, глинистый', *ѳуж (с'уй)* 'песок, песчаный'. Примеры: *кёл'ъ/вър* (Коб.; поле): *вър* 'холм, возвышенность, бугорок', т. е. 'расположенное на возвышенности поле, на поверхности которого встречается гравий, галька'; *тёд'ъ/вёл'и* (Озег.; лог): *вёл'и* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', букв. 'белая росчисть', т. е. 'лог (ныне заросший), где имеется участок с белой глиной'; *с'ёд/въл* (Ум.; поле): *въл* 'поверхность; площадь, территория', букв. 'черная поверхность', т. е. 'поле с черноземной почвой'; *чо'рный/кл'уч* (Вес.; ключ): *чо'рный* < рус. *черный* и *кл'уч* < рус. *ключ*, т. е. 'ключ, вблизи которого имеется торф'; *кра'сный/кл'уч* (Вес.; ключ): *кра'сный* < рус. *красный* и *кл'уч* – см. выше, т. е. 'ключ, вокруг которого глинистая почва'; *горд/му* (Нел.; поле): *му* 'обрабатываемая земля, нива', т. е. 'поле с глинистой почвой'; *гордак* (Озег.; лес): *горд* 'красный' + *-ак* – суффикс, т. е. 'лес с глинистой почвой'; *ѳуж/мувър* (УКар.; поле): *мувър* 'возвышенность, холм; земля, суша', букв. 'желтая возвышенность', т. е. 'поле, покрытое песком'. Сюда же примыкают микротопонимы *көз'ъ/н'ук* (Гул.; поле) и *көз'о/вър* (Ум.; лес), атрибутивная часть которых *көз'ъ*, *көз'о* являются деэтимологизированными лексемами в удмуртском языке. Придерживаясь мнения Л. Е. Кирилловой [1992: 117], возможно, что *көз'ъ*, *көз'о* имеют какую-то связь с кз. *көдз* 'мелкая галька', кп. *көдз* 'гравий, мелкая галька, галечник'. Заметим, что микротопонимы с апеллятивом *көз'* ~ *көз* зафиксированы в нескольких

районах Удмуртии, в частности, в Алнашском, Малопургинском, в бассейне Валы [Кириллова 1992: 117].

3) микротопонимы, указывающие на цвет географических объектов. Эта группа представлена лексемами, обозначающими цвет: *вож* 'зеленый', *курэн* 'коричневый', *с'од* 'темный, черный', *пэймът* 'темный'. Примеры: *вож/йаг* (Лек.; лес, поле, луг): *йаг* 'бор', т. е. 'зеленый бор' (рядом с лесом расположены поле и луг с этим же названием); *курэн* (ММал.; поле), т. е. 'поле с коричневым оттенком земли'; *с'од/волок* (Сол.; лес), *волок* 'волок (гужевой путь); большой тракт' < рус. *волок*, букв. 'темный волок', т. е. 'дремучий лес, расположенный вблизи большой дороги'; *пэймът/шур* (Чер.; лог): *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'темный лог'; *с'от/шур* (Яг.; лог, родник): *шур* – см. выше, т. е. 'черный (глубокий) лог, где имеется родник'. Как верно замечено Л. Е. Кирилловой, "в названиях водных объектов понятие *с'од* ассоциируется с понятием 'очень глубокий, бездонный', а в названиях лесов с понятием 'глухой, дремучий'" [1992: 117].

4) микротопонимы, указывающие на степень влажности объектов, наличие или отсутствие воды. Наиболее часто в роли атрибутов используются такие лексемы, как *кös* 'сухой', *нöd* 'грязь, грязный'. Примеры: *кös/н'ук* (ВБог.; лог): *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'сухой лог'; *кös/шур* (Вор., Озег., Яг.; лог): *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'сухой лог'; *нöt/шур* (ВПар., Озег., Яг.; лог, родник): *нöt* < *нöd* и *шур* – см. выше, т. е. 'лог, где очень грязно (можно завязнуть в грязи)' (в логу имеется также родник); *зорo/гop* (Ум.; овраг): *зорo* < *зор* 'дождь' + *-o* – суффикс обладания, *гop* 'яма; овраг, лог, ложбина', букв. 'дождевая яма', т. е. 'овраг, куда во время дождя стекает много воды', *болота* (Вес.; ключ): *болота* < рус. *болото*, т. е. 'ключ, который расположен в заболоченном месте'; *сукой/лог* (Вес.; лог): *сукой* < рус. *сухой* и *лог* < рус. *лог*, т. е. 'сухой лог'; *вэрэт'а/воз'* (Гул.; луг): *вэрэт'а* < рус. *веретья*, *вереть* 'сухая непоёмная гряда среди болот или близ берега, образующая в разливе остров; незаливаемое место на пойме; релка, гряда, водоспуск, сырт между двух соседних речек' [Даль 1955 I: 180], *воз'* 'луг; покос', т. е. 'луг, расположенный вблизи заболоченного места'.

В наших материалах также встречается несколько микротопонимов, которые содержат указание на форму объекта: *оплоко/н'ук* (Озег.; лог): *оплоко* < рус. *охлупь* 'гребень, грань, ребро

чего-либо, конь крыши' [Даль 1955 II: 772] + -о – суффикс обладания, букв. 'лог с охлупью', т. е. 'лог, напоминающий по форме охлупь, конек крыши'; *котрэс/ошмэс* (УКар.; родник): *котрэс* 'круглый', *ошмэс* 'родник, ключ', т. е. 'родник, имеющий округлую форму'; *губэч/шур* (Кар.; лог, родник и луг): *губэч* 'подполье' < рус. *голбец* и *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'глубокий лог, напоминающий по форме подполье' (луг расположен рядом с этим логом; в логу имеется также родник); *табан'/кож* (Ад.; луг): *табан'* 'лепёшка' и *кож* 'омут; заводь', т. е. 'луг, в котором имеется омут, напоминающий по форме лепёшку'; *гырткэс/шур* (Кельд.; лог): *гырткэс* 'дуплистый, полый, выдолбленный, углубленный', *шур* – см. выше, т. е. 'глубокий как дупло лог'; и др.

4. Микротопонимы, указывающие на характер животного мира. Названия диких животных, птиц, выступающие в составе микротопонимов, отражают фауну, характерную для данной территории. В наименованиях географических объектов бассейна средней Чепцы чаще встречаются названия таких диких животных и птиц, как: *к'йон* 'волк', *гондър* 'медведь', *кэч* 'заяц', *кон'й* 'белка', *эбэк* 'лягушка', (*луд*) *й'ож* 'дикая утка', *кучыран* 'сова', *к'яака* 'ворона', *кайсы* 'клест', *чэчэг* 'трясогузка', *ко'чо* 'сорока'. Примеры: *гондър/пийан'н'и* (Яг.; лог): *пийан'н'и* < *пийан* (сущ. от глаг. *пийанъ* 'родить, рожать') + -н'и – суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'лог, где медведи выводили потомство'; *гондър/н'ук* (Озег.; овраг): *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'овраг, где водились медведи'; *гондър/т'даз'* (УКар.; поле): *т'даз'* 'подножье', т. е. 'поле, которое расположено у подножья другого географического объекта, содержащего в составе названия лексему *гондър*'; *к'йон/шур* (Дус.; лог): *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'лог, где водились волки'; *кэч/потан'н'и* (Кар.; лог, луг): *потан'н'и* < *потан* (сущ. от глаг. *потаны* 'выходить; проходить; переходить') + -н'и – см. выше, т. е. 'лог и луг, где встречается много зайцев; *кон'й/гон* (Ум.; овраг): *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'овраг, где водились белки'; *эбэк/пал* (Ум.; поле): *пал* 'сторона, местность, край; направление', т. е. 'поле, где много было лягушек'; *й'ож/воз'выл* (БМал.; луг, поле): *воз'выл* 'луг', т. е. 'луг и поле, где обитает много диких уток'; *кучыран/колоцца/пал* (Лек.; поле, луг): *колоцца* < рус. *колодец* и *пал* 'сторона', т. е. 'расположенные вблизи колодца поле и луг, куда раньше прилетало много сов'; *к'яака/выр'ыл* (Кар.; возвышенность, поле): *выр-*

йыл 'холм, возвышенность, бугорок', т. е. 'возвышенность и поле, где собирается много ворон'; *кайсы/мыс* (ММал.; поле, луг): *мыс* 'клинообразный участок земли', т. е. 'клинообразной формы поле и луг, где выводят своих птенцов клесты'; *чэчэг/өр* (БМал.; речка, луг): *өр* 'русло', букв. 'русло трясогузки', т. е. 'речка, у берегов которой гнездятся трясогузки' (вблизи находится луг, где также много трясогузок); *кочо/пийан'н'и* (Воег.; луг): *пийан'н'и* – см. выше, т. е. 'место, где выводили птенцов сороки'.

5. Микротопонимы, указывающие на характер растительного мира. Названия лесных массивов, отдельных деревьев, кустарников, травянистых растений, имеющиеся в составе микротопонимов, дают некоторое представление о растительном мире данного региона. В наименованиях географических объектов среднечепецкого ареала встречаются апеллятивы, обозначающие, в частности, лесные массивы. В роли атрибута в таких микротопонимах представлены такие лексемы, как *йа'йча* (< рус. *чаща*) 'лес', *рошша* (< рус. *роща*) 'роща; лес', *тэл'* 'мелкий лес', *тёло* < *тёло* 'подлесок; роща; лес, растущий на суглинистой почве'; *кўар* 'лиственный лес' и др. Примеры: *рошша* (Пыш.; подлесок) 'роща'; *йа'йча/бакча* (Коб.; лес): *бакча* 'огород', букв. 'лесной огород', т. е. 'лес, выросший на месте участка, отведенного в прошлом под казенные посадки картофеля'; *тэл'/нър* (Гул.; подлесок): *нър* 'нос, клюв; мыс, полуостров; клинообразный участок земли', т. е. 'подлесок на углу леса'; *тёло/шур* (ВБог.; лог): *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'лог с небольшим подлеском'; *кўар/кэсэг* (НЕл.; поле): *кэсэг* 'отрезок, кусок; полоса, участок; клин', т. е. 'поле с участком лиственного леса'.

В основе некоторых микротопонимов лежат названия отдельных деревьев и кустарников. Примеры: *пипо/н'ук* (Гул.; поле): *пипо* < *титу* 'осина' + -о – суффикс обладания, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'поле, расположенное вблизи оврага, где растут осины'; *йаго/мыс* (БМал.; поле, луг): *йаго* < *йаг* 'бор, сосновый бор' + -о – суффикс обладания, *мыс* 'клинообразный участок земли', т. е. 'клинообразной формы поле и луг, вдающиеся в сосновый бор'; *бат'/йа'йча* (Заб.; поле); *бат'* < *бад'* 'ива', *йа'йча* 'лес', т. е. 'поле, где имеется участок с ивовыми зарослями'; *бад'о/н'ук* (Озег.; овраг): *бад'о* < *бад'* 'ива' + -о – суффикс обладания, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'овраг, где растут ивы'; *ос'ин'н'ик* (Вес.; лес) < рус. *осинник*, т. е. 'осиновый лес'; *пушмул'ы/гон* (Ад.; лог): *пушмул'ы*

'орех', *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог, где имеются кусты орешника'; *с'ирпо/шур* (Кар.; речка): *с'ирпо* < *с'ирпу* 'вяз' + -о – суффикс обладания, *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'речка, вдоль берегов которой растет много вяза', *л'омпо* (ММал.; луг): *л'омпо* < *л'омпу* + -о – суффикс обладания, т. е. 'луг, где растет много черемухи'; *чийа/тыло/шур* (Ад.; лог): *чийа* 'вишня', *тыло* 'подлесок; роща; лес, растущий на суглинистой почве', *шур* – см. выше, т. е. 'лог с вишневою рощей'; и др.

Зафиксировано несколько микротопонимов, атрибутивная часть которых представлена названиями растений: *узъйо/н'ук* (Яг.; лог): *узъйо* < *узъ* 'земляника' + -йо – суффикс обладания, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'лог, где растет много земляники'; *аракмат/шур* (Вор.; лог): *аракмат* < тат. *эрекман* 'репейник', *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'лог, где растет много лопуха'; *камжсо/куд* (Яг.; заболоченное место), *камжсо/куд* (Чаб.; заболоченное место), где элемент *камжсо* (*камжсо*) – деэтимологизированное слово, возможно, от слова *камышо* 'камышевый, богатый камышом' [Атаманов 1997: 217], *куд* 'болото, топь', т. е. 'заболоченное место, заросшее камышом'.

По формальным показателям в эту же группу можно отнести микротопонимы, содержащие в своем составе названия сельскохозяйственных культур. Тем не менее мы полагаем, что логичнее будет рассмотреть их в группе названий географических объектов, характеризующих занятия жителей.

6. Метафорические микротопонимы – это географические наименования, образованные путем сравнения или на основе сходства с другими объектами. Данная группа микротопонимов имеет довольно широкое распространение в удмуртской микротопонимии. Активное их функционирование отмечается, в частности, в бассейне Валу [Кириллова 1989: 97–98; 1992: 120–123]. Источником метафор может служить анатомическая лексика. В среднечепецком регионе метафорические названия чаще всего встречаются среди наименований мелких географических объектов: полей, лугов, логов, оврагов. Примеры: *мъл'а/луд* (НЕл.; поле): *мъл'а* < *мөл'а* 'грудь', *луд* 'поле', т. е. 'поле, напоминающее по форме грудь'; *куз'/мөл'а* (Кар.; луг): *куз'* 'длинный', *мөл'а* – см. выше, т. е. 'длинный луг, напоминающий по форме грудь'; *кө-то/н'ук* (ВПар.; лог): *көто* < *көт* 'живот; брюхо' + -о – суффикс обладания, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'лог, напоминающий по форме

живот'; *кѡт/пас'/н'ук* (УКар.; овраг): *кѡт* — см. выше, *пас'* 'дыра; открыто', *н'ук* — см. выше, т. е. 'овраг, напоминающий по форме открытый (распахнутый) живот'; *куз'/въж/пум/тъд* (Чирг.; лес): *куз'* 'длинный', *въж* 'мост', *пум* 'конец; окончание', *тъд* 'нога', т. е. 'лес, напоминающий по форме часть конца длинного моста'; *пас'кѡт/тъбър* (Аз.; лог): *пас'кѡт* 'широкий', *тъбър* 'спина', т. е. 'лог, напоминающий по форме широкую спину'; *вал/тъбър* (Заб.; холма): *вал* 'лошадь', *тъбър* — см. выше, т. е. 'холм, напоминающий по форме спину лошади'; и др.

Помимо анатомической лексики в качестве сравнения могут служить различные предметы быта. На данный случай нами обнаружен всего один пример: *мэшок/н'ук* (Озег.; овраг): *мэшок* < рус. *мешок*, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'овраг, напоминающий по форме мешок'.

II. Названия, связанные с хозяйственной и практической деятельностью человека, с отдельными явлениями и предметами материальной и духовной культуры местного населения.

Микротопонимы этой группы составляют довольно значительный класс названий географических объектов. В их основе лежат признаки объекта, взятые из области общественного производства и культуры. Эти микротопонимы дают определенное представление о характере хозяйственно-экономического уклада региона, информируют о хозяйственной деятельности населения, в них находят также отражение деление общества на социальные, этнические группы и т. д. В этой группе можно выделить несколько подгрупп.

1. Микротопонимы, отражающие занятия населения. Основными занятиями удмуртов были земледелие, скотоводство, охота и различные ремесла:

1) о занятиях жителей земледелием свидетельствуют микротопонимы, в составе которых представлены наименования пахотных угодий, земельных и сенокосных участков, расчищенных из-под леса. О подобном виде занятий говорят также микротопонимы, в атрибутивной части которых содержатся апеллятивы, обозначающие сельскохозяйственные культуры. Примеры: *въл'/луд* (НЕл.; поле): *въл'въл* 'целина', *луд* 'поле', т. е. 'поле, заново освоенное под пашню'; *кул'ига* (Лек.; луг) 'лесная поляна, расчищенная для земледелия' < рус. *кулига*; *кушман/вѡл'* (Корш.; поле): *кушман* 'корнеплод', *вѡл'* 'подсека в лесу; расчищенный из-

под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', т. е. 'поле, где выращивали корнеплодные культуры'; *кубис'та/му* (Ум.; поле): *кубис'та* < рус. *капуста* и *му* 'обрабатываемая земля, нива', т. е. 'поле, где садили капусту'; *с'арччы/выр* (Заб.; луг): *с'арччы* 'репа', *выр* 'холм, возвышенность, бугорок', т. е. 'луг на возвышенном месте, где сеяли репу'; и др.;

2) скотоводство характеризуют микротопонимы, в которых представлены общие наименования участков, предназначенных для выпаса скота. О занятиях скотоводством информируют также микротопонимы, в составе которых встречаются названия домашних животных и птиц, разводимых жителями в хозяйственных целях. Примеры: *поскотн'а* (Чур.; пастбище) 'пастбище, выгон для скота' < рус. *поскотина*; *пороз/вёл'* (Яг.; лог): *пороз* 'хряк (самец свиньи)' < рус. *боров* и *вёл'* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', т. е. 'лог, где паслись свиньи'; *вал/л'уктан'н'и* (УКар.; поле): *вал* 'лошадь', *л'уктан'н'и* < *л'уктан* (сущ. от глаг. *л'уктань* 'поить, напоить') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'поле, где поили лошадей'; *скал/кэн'эр* (Лек.; луг, лес): *скал* 'корова', *кэн'эр* 'забор, изгородь', т. е. 'луг, где имелось отгороженное место для коров' (рядом с лугом расположен лес); *кун'ан/кэн'эр* (Лек.; луг, поле): *кун'ан* 'теленки', *кэн'эр* – см. выше, т. е. 'луг, где имелось отгороженное место для телят' (рядом с лугом расположен лес); *парс'/нёдон'н'и* (Лек.; луг): *парс'* 'свинья', *нёдон'н'и* < *нёдон* (сущ. от глаг. *нёдыны* 'завязнуть в грязи; запачкаться грязью') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, т. е. '(сырой) луг, где свиньи увязали в грязи' (раньше в этом месте пасли свиней);

3) как известно, бассейн средней Чепцы находится в лесной зоне. Это положение создало определенные предпосылки для развития в нем ремесел, связанных с переработкой древесины. О занятиях жителей, связанных с рубкой, заготовкой, посадкой леса, обработкой дерева в различных его видах, в частности, смолокурение, добывание дёгтя, свидетельствуют следующие микротопонимы: *загот/чаёйча* (Чур.; лес): *загот* < рус. *заготовительный* и *чаёйча* 'лес', т. е. 'заготовительный лес'; *чэсла/чаёйча* (Чур.; лес): *чэсла* < рус. *тёс* и *чаёйча* – см. выше, т. е. 'тесовый лес'; *дран'ча/куд* (Чур.; заболоченное место): *дран'ча* < рус. *драница*; *кровельная доска* и *куд* 'болото', т. е. 'болотистое место, где имелся

лес, идущий на изготовление кровельного материала'; *с'ури/роща* (Лек.; лес, поле): *с'ури* < *с'ур* 'смола', *роща* 'роща, лес', т. е. 'лес, в котором собирали смолу' (поле находится рядом с этим лесом); *тэки́т/пöс'тон'н'и* (ВБог.; лог), *тэки́т/пöс'тон'н'и/н'ук* (ВПар.; лог): *тэки́т* < рус. *деготь* и *пöс'тон'н'и* < *пöс'тон* (сущ. от глаг. *пöс'тънь* 'варить, гнать') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, *н'ук* 'лог; овраг', т. е. 'лог, где гнали деготь'; *пэн'/н'ук* (ВПар., Озег.; лог): *пэн'* 'зола', *н'ук* – см. выше, т. е. 'лог, где выжигали деревья и пни, в результате чего скапливалась зола' (по-видимому, это было связано с добыванием дегтя); и др.;

4) в нескольких названиях географических объектов отразились занятия жителей, связанные с процессом самогонварения: *брага/куд* (ВБог.; лог): *брага* < рус. *брага* (для самогонварения) и *куд* 'топь, болото', т. е. 'заболоченный лог, где раньше варили брагу'; *вина/пöс'тон'н'и/шур* (Цип.; речка и место вдоль речки): *вина* < рус. *вино* и *пöс'тон'н'и* < *пöс'тон* (сущ. от глаг. *пöс'тыны* 'варить, гнать') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'речка и место вдоль побережья речки, где варили самогон'; *вина/пöс'тон'н'и* (Кар.; лог, луг): *вина* и *пöс'тон'н'и* – см. выше, т. е. 'лог, где раньше варили самогон' (луг расположен рядом с этим логом); *вина/пöс'тон'н'и/гон* (Ад.; лог): *вина* и *пöс'тон'н'и* – см. выше, *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог, где раньше варили самогон';

5) зафиксировано два микропонима, связанных с образом и способом обработки земельных угодий: *лу́йкэм/турнан'н'и* (ВБог.; лог): *лу́йкэм* 'тайно, скрытно, незаметно, втихомолку', *турнан'н'и* < *турнан* (сущ. от глаг. *турнань* 'косить') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'лог, где тайно косили сено'; *урччэ/выл* (Цип.; луг, поле): *урччэ* 'сообща, вместе, совместно', *выл* 'поверхность; площадь, территория', т. е. 'луг, где раньше сельчане косили сено для личного хозяйства' (поле находится рядом с этим лугом);

6) о добывании местным населением некоторых видов сырья, в частности, глины, песка, камня, торфа в хозяйственных целях, информируют следующие микропонимы: *кирпи-чной/дор* (Лек.; низменное место): *кирпи-чной* < рус. *кирпичный* и *дор* 'сторона', т. е. 'низменное место, где из глины обжигали кирпич'; *из/эйсун/гон* (Ум.; лог): *из* 'камень', *эйсун* (сущ. от

глагол. *жсутънъ* 'поднять, поднимать'), *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог, где добывали камень'; *тод'ыс'уй/копан'н'и* (ММал.; поле, луг): *тод'ыс'уй* 'белая глина', *копан'н'и* < *копан* (сущ. от глаг. *копаны* < рус. *копать*) + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'поле и луг, где добывали белую глину'; *ис/копан'н'и* (Кыч.; луг): *ис* < *из* 'камень', *копан'н'и* – см. выше, т. е. 'луг, где добывали камень'; *торф/копан'н'и* (Цип.; поле, луг): *торф* < рус. *торф* и *копан'н'и* – см. выше, т. е. 'поле и луг, где добывали торф'; и др.

2. Микротопонимы, связанные с различными объектами хозяйственного назначения. В географических названиях бассейна средней Чепцы выделяется группа микротопонимов, в основе которых лежат названия различных объектов хозяйственного назначения, характеризующие быт и хозяйство населения. Примеры: *кэбит/гон* (Лек., Цип.; лог, лес): *кэбит* 'кузница', *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог и лес, расположенные за кузницей'; *кэбит/с'өр* (БМал.; поле, лог): *кэбит* – см. выше, *с'өр* 'зад, задняя часть', т. е. 'поле и лог, расположенные за кузницей'; *мун'чо/с'ик* (Воег.; поле): *мун'чо* 'баня', *с'ик* 'лес', т. е. 'поле, где раньше рос лес, идущий на постройку бань'; *вуко/вэрьыл* (Коб.; поле): *вуко* 'мельница', *вэрьыл* 'холм, возвышенность, бугорок', т. е. 'поле на возвышенном месте, где стояла мельница'; *вуко/пруд/йыл* (Цип.; луг, поле): *вуко* – см. выше, *пруд* < рус. *пруд* и *йыл* 'верх, вершина', т. е. 'луг и поле, расположенные вблизи верховья мельничного пруда'; *вуко/бэр* (Кельд.; лог): *вуко* – см. выше, *бэр* – послеложная основа со значением 'за', т. е. 'лог, расположенный за мельницей'; *обин'/бэр/луд* (НЕл.; поле): *обин'* < рус. *овин* и *бэр* – см. выше, *луд* 'поле', т. е. 'поле за овином'; *чимо/шур* (Яг.; лог): *чимо* < *чум* 'шалаш (для временного укрытия)' [Кириллова 1992: 139], *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'лог с шалашом'; и др.

3. Микротопонимы, отражающие национальные отношения. В этническом отношении среднечепецкий регион неоднороден: здесь совместно или вперемешку с удмуртами живут русские, бесермяне, татары. Естественно, что это также наложило определенный отпечаток на микротопонию. В наших материалах зафиксированы следующие этнонимы, встречающиеся в составе микротопонимов этой подгруппы: *жуч* 'русский', *бигэр* 'татарин', *бэс'эрман* 'бесермянин', *башкырт* 'башкир'. Примеры:

бигэр/шай (Ад. Вес. ВСл. БЛуд. Коп. Люм Тум Тым. Чаб. Ягош.; кладбище): *шай* 'кладбище', т. е. 'татарское кладбище'; *бигэр/кулон'н'и* (Мур.; овраг): *кулон'н'и* < *кулон* (сущ. от глаг. *кулыны* 'умереть, скончаться') + *-н'и* — суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'овраг, в котором умер татарин'; *жуч/бугра* (Коб.; поле): *бугра* 'сруб', т. е. 'поле, где русские рубили сруб'; *жуч/нал* (Пом.; поле): *нал* 'сторона', т. е. 'поле, находящееся на той стороне, где жили русские'; *бэс'эрман/нал* (УКл.; поле): *нал* — см. выше, т. е. 'поле, расположенное в стороне деревни, где живут бесермяне', *башкырт* (Кельд.; луг), т. е. 'луг башкира'. Что касается последнего микропонима, то он может иметь и другое объяснение. По сведениям одного из информантов, элемент *баш* в названии *башкырт* представляет собой мужское имя Паша (человек по имени Паша, якобы, расчистил это место и поселился там), а *кырт* восходит к слову *гурт* 'деревня'.

4. Микропонимы, указывающие на характер собственности. Зафиксировано несколько микропонимов, указывающих на характер собственности: *казна/н'улэс* (СКен.; лес): *казна* 'казенный, государственный' < рус. *казенный* и *н'улэс* 'лес', т. е. 'лес, принадлежащий казне; государственный лес'; *каз'о'нной/бакча* (Чур.; лес): *каз'о'нной* 'казенный, государственный' < рус. *казенный* и *бакча* 'огород', т. е. 'лес, выросший на месте участка, отведенного в прошлом под казенные посадки картофеля'; *податной/гон* (Яг.; лог): *податной* < рус. *податной* и *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог с большим сенокосным участком, который облагался особой податью' (по-видимому, в дореволюционное время это место было оброчным сенокосным участком); *опцэ'ствэнный/чайча* (Вес.; лес): *опцэ'ствэнный* < рус. *общественный* и *чайча* — см. выше, букв. 'общественный лес', т. е. 'лес, который находился в пользовании деревни (или общины)'.

5. Микропонимы, связанные с религиозными обрядами и верованиями. В географических названиях исследуемого региона выявляются микропонимы, связанные с религиозными обрядами и верованиями. В атрибутивной части большинства микропонимов данной группы представлены названия домашних птиц и животных, которых приносили в жертву. Примеры: *чөж/с'ийон'н'и* (Яг.; лог): *чөж* 'утка', *с'ийон'н'и* < *с'ийон* (сущ. от глаг. *с'иьнь* 'есть, кушать') + *-н'и* — суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'лог, в котором приносили в жертву утку'; *жа-*

з'эк/с'ийон'н'и (Ум. ВБог. Кар. Кельд. Гул. Яг.; лог, поле): *з'аз'эк* < *з'аз'эг* 'гусь', с'ийон'н'и — см. выше, т. е. 'лог и поле, в котором приносили в жертву гуся'; *ошти/с'ийон'н'и* (БМал. Кар.; поле): *ошти* 'бычок', с'ийон'н'и — см. выше, т. е. 'поле, в котором приносили в жертву бычка'; *ошти/с'ийон'н'и/гон* (Кельд.; поле): *ошти* 'бычок', с'ийон'н'и — см. выше, *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'поле с небольшим логом, в котором приносили в жертву бычка'; *чун'ы/с'ийон'н'и* (Кар.; лог), *чун'ъ/с'ийон'н'и* (ВБог.; лог): *чун'ы* 'жеребенок', с'ийон'н'и — см. выше, т. е. 'лог, в котором приносили в жертву жеребенка'; *вэтыл/с'ийон'н'и* (Цип.; поле): *вэтыл* 'телка', с'ийон'н'и — см. выше, *гон* — см. выше, т. е. 'поле, в котором приносили в жертву телку'; и др. Заметим, что хотя эта подгруппа и не отличается большим разнообразием названий, но тем не менее частотность встречаемости этих микропонимов в чепецком регионе, по сравнению с другими ареалами проживания удмуртов, довольно высокая. В микропонимии большинства населенных пунктов эти названия присутствуют в комплексе и даже с изменением географического ландшафта местности продолжают сохраняться.

В этой же группе широко представлены микропонимы, указывающие на место и характер молений: *кэрэмэт/гон* (Кот.; лог): *кэрэмэт* 'название языческого моления; священная роща, место моления удмуртов-язычников божеству Керемет', *гон* 'яма; овраг, лог, ложбина', т. е. 'лог, где молились божеству Керемет'; *кўала/гон* (Заб.; лог): *кўала* 'культовая постройка, святилище (место семейно-родового моления)', *гон* — см. выше, т. е. 'лог, где находилась общественная молежня'; *кўала/ошмэс* (Кор.; родник): *кўала* — см. выше, *ошмэс* 'родник, ключ', т. е. 'святилищенский родник'; *вöс'ас'кон'н'и/н'ук* (ВБог.; лог): *вöс'ас'кон'н'и* < *вöс'ас'кон* (сущ. от глаг. *вöс'ас'кынь* 'молиться') + *-н'и* — суффикс, обозначающий место действия, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'лог, в котором проводилось моление'; *вöс'ас'кон'н'и/шур* (Цип.; речка, лог): *вöс'ас'кон'н'и* — см. выше, *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'лог с небольшой речкой, в котором проводилось моление'; *куды/куйан'н'и* (Лек.; болотистый подлесок): *куды* 'лукошко; берестяной короб', *куйан'н'и* < *куйан* (сущ. от глаг. *куйаны* 'бросать, выбрасывать, кидать') + *-н'и* — см. выше, т. е. 'болотистый подлесок, куда выбрасывали берестяной короб с личными вещами

умершего, предметами для мытья покойника; сюда же сливали воду, оставшуюся после обмывания тела покойника'; *н'ан'/куйан'н'и/гон* (Заб.; лог): *н'ан'* 'хлеб', *куйан'н'и* – см. выше, *гон* – см. выше, т. е. 'лог, куда приносили молитвенный хлеб'; и др.

6. Микротопонимы, отражающие родо-племенное деление удмуртов. Одной из своеобразных черт удмуртской топонимии и микротопонимии является наличие в ней большого числа наименований, отражающих бытование в прошлом названий воршудных и племенных объединений удмуртов [Атаманов 1988: 47–50; 1997: 72–77; Кириллова 1992: 142–145]. В бассейне средней Чепцы, как и на всей территории Удмуртии, отворшудные имена, помимо ойконимов, широко представлены также в наименованиях мелких географических объектов – полей, лугов, покосов, старинных кладбищ, родников, возвышенностей. Некоторые примеры: *с'өлта/шай* (Сеп.; кладбище): *с'өлта* – воршудно-родовое имя, *шай* 'кладбище', т. е. 'кладбище рода Сьөлта'; *дурга/вөл'ь* (Воег.; луг): *дурга* – воршудно-родовое имя, *вөл'ь* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть', т. е. 'луг, принадлежавший роду Дурга'; *дурга/шур* (Озег.; родник, речка): *дурга* – см. выше, *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'родник и речка, принадлежавшие роду Дурга'; *чабйа/ул'ча* (Тяп.; улица): *чабйа* – воршудно-родовое имя, *ул'ча* 'улица', т. е. 'улица, где проживало население рода Чабъя'; *тукл'а/ул'ча* (Тяп.; улица): *тукл'а* – воршудно-родовое имя, *ул'ча* – см. выше, т. е. 'улица, где проживало население рода Тукля'; *бён'а/ул'ча* (Кор.; улица): *бён'а* – воршудно-родовое имя, *ул'ча* – см. выше, т. е. 'улица, на которой живут представители рода Бёня (выходцы из д. Бёня)'; *эбга/кар* (НСл.; гора с городищем): *эбга* – воршудно-родовое имя, *кар* 'гнездо; городище, город', т. е. 'городище рода Эбга'; *калмэз/н'ук* (Чур.; лог): *калмэз* – название одного из племен удмуртов, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'лог, принадлежавший роду Калмез'; и др. Следует отметить, что в настоящее время в основном только очень пожилое население исследуемого ареала сохраняет представление о своей принадлежности к определенному роду, которое, по верному замечанию М. Г. Атаманова [1997: 75], "имеет скорее, так сказать, номинальный характер: оно выражается в том, что человек не вкладывал в это представление никакого социального содержания".

7. Микротопонимы, указывающие на типы и виды поселений. В основе некоторых географических названий выступают апеллятивы, обозначающие типы, виды поселений, в частности: *гүтин* 'селище', *с'эло* 'село', *город* 'город', *кар* 'гнездо; городище, город', *пöчинка* 'починок, выселок' < рус. *починок*. Примеры: *гүтин/гүрүз* (Чур.; возвышенность): *гүрүз* < *гүрүз* 'гора', т. е. 'возвышенность, вблизи которого находилось селище'; *с'эло/ул* (Чур.; луг): *ул* 'низ, нижняя часть', т. е. 'луг, расположенный ниже села'; *кар/ул* (Яг.; низинное место): *ул* – см. выше, т. е. 'низинное место, расположенное в низовье городища'; *кар/пал* (Сол.; поле): *пал* 'сторона', т. е. 'поле, расположенное в стороне городища'; *горот/с'урэс* (Ад.; дорога): *с'урэс* 'дорога', т. е. 'дорога, ведущая в город [Глазов]'; и др.

8. Микротопонимы, образованные от собственных имен.

Одну из самых многочисленных групп микротопонимов бассейна средней Чепцы, как и удмуртской топонимии в целом, составляют названия географических объектов, образованные от собственных имен: антропонимов, топонимов и микротопонимов.

1) отантропонимические микротопонимы:

а) в наших материалах личные имена наиболее часто отмечаются в названиях населенных пунктов, полей, лугов, лесов, оврагов. По происхождению некоторые из них являются удмуртскими, другая часть восходит к заимствованиям из тюркских и русского языков. Примеры: *чужэз/шур* (Коб.; речка): *чужэз* – собственно удмуртское личное имя < *чуж* – деэтимологизированное слово, употребляющееся в терминах родства + *-эз* – антропоформант [Атаманов 1988: 111], *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'речка Чужега'; *бад'он/выр* (Воег.; поле): *бад'он* – собственно удмуртское личное имя < *бад'* 'ива' + *-он* – суффикс, *выр* 'холм, возвышенность, бугорок', букв. 'возвышенность Бадёна', т. е. 'поле Бадёна, расположенное на возвышенном месте'; *с'эн'а/шур* (Кож.; поле): *с'эн'а* < рус. *Сеня* и *шур* – см. выше, т. е. 'поле, принадлежавшее человеку по имени Сеня'; *ол'оксан/чуш-тас'кэм* (ВБог.; низменное место у р. Ушем): *ол'оксан* – личное имя (< рус. *Александр*), *чуштас'кэм* (прич. от глаг. *чуштас'кёнъ* 'пригореть; опалиться; обвариться, ошпариться'), т. е. 'место, где обжегся человек по имени Алексей'; *ван'а/гон* (Гул.; поле): *ван'а* < рус. *Ваня* и *гон* 'ямка; овраг, лог, ложбина', букв. 'овраг Вани', т. е. 'поле в низине, которое засеивал человек по имени Ваня';

огаш/кэкатскон'н'и (БМал.; подлесок, луг): *огаш* – личное имя (< рус. *Агафья*), *кэкатскон'н'и* < *кэкатскон* (сущ. от глаг. *кэкатскыны* 'повеситься, удавиться') + *-н'и* – суффикс, обозначающий место действия, т. е. 'подлесок, где когда-то повесилась женщина по имени Агафья' (луг находится рядом с этим подлеском); *мустай/йаёйча* (Чур.; лес): *мустай* (< тюрк. *Мустай* < араб. *Мустафа* 'избранник') [Атаманов 1990: 354], *йаёйча* 'лес', т. е. 'лес, принадлежавший Мустаю'; *шама/н'ук* (Озег.; овраг): *шама* (< тюрк. < араб. *шам* ~ *шама* 'свеча; светильник') [Атаманов 1990: 354], *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'овраг Шамая'; и др.;

б) в микропонимии среднечепецкого региона широко представлены названия, образованные от патронимов. Наиболее характерными для рассматриваемого ареала, как и всего севернотудмуртского региона в целом, являются наименования, возникшие от личных имен людей с прибавлением патронимического элемента *ни* 'сын, сыновья, дети': *кунапи/воз'* (Воег.; луг): *кунапи* < *куна* (< тюрк. *куна* 'радость; довольство') [Атаманов 1990: 242] + *ни* 'сын', *воз'* 'луг', т. е. 'луг, принадлежавший потомку Куная'; *орт'эмэйпи/н'ук* (УКар.; луг): *орт'эмэйпи* < *орт'эмэй* (< рус. *Артемий*) + *ни* – см. выше, *н'ук* 'лог, овраг', т. е. 'лог потомка Ортемей'; и др. Это явление широко наблюдается и в коми микропонимии [Туркин 1972: 8]. Что касается других регионов проживания удмуртов, то единичные примеры подобных названий географических объектов отмечаются в бассейне Кильмези [Атаманов 1988: 69] и Валы [Кириллова 1992: 155].

В небольшом количестве зафиксированы патронимические названия, связанные с *корка ним* (букв. 'название дома'): *из'эм/пёчинка/луд* (Кож.; поле): *из'эм/пёчинка* (< *из'эм* – прич. от глаг. *из'энь* 'спать', *пёчинка* 'починок, выселок') – название дома, *луд* 'поле', т. е. 'поле, принадлежавшее семейству Иземпёчинка'; *попика/луд* (Кож.; поле): *попика* (*поп* < рус. *поп* + *-ик* < рус. *-ик* – уменьшительно-ласкательный суффикс) – название дома, *луд* – см. выше, т. е. 'поле, принадлежавшее семейству Попика'; *ламан/луд* (Чирг.; поле): *ламан* – название дома, *луд* – см. выше, т. е. 'поле, принадлежавшее семейству Ламан';

в) в наших материалах представлено всего 3 названия, образованные от фамилий: *с'иман/вуко* (ВПар.; луг): *с'иман* < *Симанов* и *вуко* 'мельница', т. е. 'луг, где имела мельница, принадлежавшая человеку по фамилии Симанов'; *лопат'ин/шур* (Пыш.;

лог): *лопат'ин* < *Лопатин* и *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'лог, принадлежавший человеку по фамилии Лопатин'; *бакл'ов/луд* (Тот.; поле): *бакл'ов* < *Баклёв* и *луд* 'поле', т. е. 'поле, принадлежавшее человеку по фамилии Баклёв'. Малочисленность отфамильных микропонимов по сравнению с названиями, производными от личных имен, объясняется тем, что "появление фамилий среди удмуртов относится к довольно к позднему времени – к моменту массового их крещения, которое началось с первой половины XVIII в." [Атаманов 1988: 128];

2) **оттопонимические микропонимы.** В группе оттопонимических микропонимов выделяются отойконимические микропонимы и названия, образованные от других микропонимов:

а) **отойкономические микропонимы** составляют довольно большую группу. В наименованиях данной группы чаще всего используются местные названия населенных пунктов. В наших материалах ойконимы очень часто встречаются в названиях полей, лугов, речек, лесов, оврагов и показывают на расположение рассматриваемых объектов относительно поселений или указывают на их принадлежность какому-либо населенному пункту. Примеры: *н'уры/чйчйа* (Коб.; лес): *н'уры* – неофициальное название д. Кер-Нюра, *чйчйа* 'лес', т. е. 'лес, принадлежащий д. Кер-Нюра'; *комак/шур* (Гул.; поле): *комак* – неофициальное название д. Комакгурт (деревни уже нет), *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ', т. е. 'поле с небольшим логом, принадлежавшее д. Комакгурт'; *пöжсь/нал* (Пом.; поле): *пöжсь* – неофициальное название д. Золотари, *нал* 'сторона', т. е. 'поле, расположенное в стороне д. Золотари'; *поркар/луд* (Дон.; поле): *поркар* – название деревни Поркар (деревни уже нет), *луд* – см. выше, т. е. 'поле, принадлежавшее д. Поркар'; *парз'и/волок* (ВПар.; лес): *парз'и* – название с. Верх-Парзи, *волок* 'волок (гужевой путь); большой тракт', т. е. 'лес, расположенный вдоль тракта вблизи с. Верх-Парзи'; и др.;

б) **оттопонимические и отмикротопонимические названия** образуются от топонимов и микропонимов путем прибавления к ним какого-либо апеллятива. Примеры: *вашка/шай/върйъл* (ВСл.; возвышенность): первичное образование *вашкала/шай* (кладбище) (< *вашкала* 'древний, старинный' + *шай* 'кладбище') 'древнее кладбище', вторичное образование *вашкашай/върйъл* (*вырйыл* 'возвышенность, холм, бугорок'), т. е. 'возвышенность,

где находится древнее кладбище'; *ты/шур/гон* (Ум.; овраг): первичное образование *ты/шур* (родник) (< *ты* 'озеро' + *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ') 'озерный родник', вторичное образование *тышур/гон* (*гон* 'ямка; овраг, лог, ложбина'), т. е. 'овраг, откуда начинается родник Тышур'; *пöчи/луд/с'урэс* (Заб.; дорога): первичное образование *пöчи/луд* (поле) (< *пöчи* 'маленький', *луд* 'поле') 'маленькое поле', вторичное образование *пöчилуд/с'урэс* (*с'урэс* 'дорога'), т. е. 'дорога, ведущая через поле Пöчилуд'; *йар/шур/луд* (Ад.; поле): первичное образование *йар/шур* (лог) (< *йар* 'берег', *шур* – см. выше), вторичное образование *йаршур/луд* (*луд* – см. выше), т. е. 'поле, расположенное у лога Яршур'; и др.

III. Микротопонимы, не имеющие достаточно полной этимологизации. В наших материалах представлено немало микротопонимов, семантика которых является затемненной или недостаточно выясненной. Приведем некоторые из них: *пöд'ъ/вöл'и* (Озег.; лог): *пöд'ъ* – слово неизвестного происхождения, *вöл'и* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть'; *потчэг* (Тот.; лог): возможно, что эта лексема восходит к русскому слову *подсека*; *под/мовыр* (Заб.; луг): *под* – слово неизвестного происхождения, *мовыр* < *мувыр* 'возвышенность, холм; земля, суша'⁵; *н'эс/кож/гурээ'* (Сол.; горка): *н'эс* – неизвестного происхождения, *кож* 'омут; заводь', *гурээ'* 'гора'; *кабатка* (Кельд.; луг) – лексема неизвестного происхождения; *йолпа* (Ад.; лог) – этимология слова не известна; *кучка/шур* (ВБог.; лог): *кучка* – неизвестного происхождения, *шур* 'река, речка; ручей; родник, ключ'; *баско/вуко/бэр* (Кельд.; луг); *баско* – слово неизвестного происхождения, *вуко* 'мельница', *бэр* – послеложная основа со значением 'за'; *байбэр* (ВБог.; лог) – возможно, отантропонимическое образование, ср. у М. Г. Атаманова [1990: 63] *Байбур* – мужское личное имя; и др. На данный момент этимология вышеприведенных наименований географических объектов остается не до конца выясненной. Тем не менее, исследование микротопонимов на всей территории проживания

⁵ Имеется возможность расчленить данный микротопоним иначе: *подмо/выр*. В таком случае легко поддается расшифровке: *подм-* < *подэм* 'бортовой улей', *-о* – суффикс обладания и *выр* 'холм, возвышенность', т. е. 'возвышенное место, где [некогда] стояли бортовые улья' (Примеч. редактора).

удмуртов в дальнейшем, безусловно, поможет расшифровке некоторых из них.

Таким образом, рассмотренные выше лексико-семантические типы микротопонимов среднечепецкого бассейна отражают различные стороны действительности края: природно-географические условия, быт и хозяйственную деятельность населения, его духовные воззрения.

Вместе с этим, в структуре рассмотренных микротопонимов среднечепецкого региона находят отражение отдельные диалектные особенности языка местных жителей. Это находит выражение, к примеру, в следующих явлениях:

1) употребление специфического словообразовательного суффикса *-н'и*, обозначающего место действия (*парс'/нӧдон'н'и*, *тэки́т/пӧс'тон'н'и*);

2) функционирование в составе микротопонимов отдельных лексем, характерных в основном для чепецкого региона, типа *луд* 'поле', *зӧк* 'большой' (*жсужы́т/луд*, *зӧк/ул'ча*);

3) широкое употребление русских заимствований (*болота* < рус. *болото*; *сухой/лог* < рус. *сухой лог*);

4) из фонетических особенностей можно отметить функционирование 3 вариантов фонемы *ы* (*ъ*, *ь*, *ы*) (*ули/воз'въл*, *вылыс'/мыс*, *кон'ь/гон*), употребление неслогового *ӱ* в ряде микротопонимов (*ӱамэн/ӧр*, *ӱамэн/ул'ча*); и др.

В заключение отметим, что способ образования микротопонимов среднечепецкого ареала в целом не отличается от системы образования микротопонимов других регионов проживания удмуртов.

Условные сокращения:

я з ы к о в: *кз.* — коми-зырянский язык; *кп.* — коми-пермяцкий язык; *лит.* — удмуртский литературный язык;

на з в а н и й н а с е л е н н ы х п у н к т о в: *Ад.* — Адам, *Аз.* — Азамай, *Байр.* — Байран, *БЛуд.* — Большой Лудошур, *БМал.* — Большое Малагово⁶, *Вес.* — Весьякар*, *ВБог.* — Верхняя Богатырка, *Воег.* — Воегурт, *Вор.* — Ворца, *ВПар.* — Верхние Парзи, *ВСл.* — Верхняя Слудка, *Гул.* — Гулеково, *Дон.* — Дондыкар, *Дус.* — Дусыково, *Заб.* — Заболотное, *Кар.* — Каравай, *Кельд.* — Кельдыково Глазовского района, *Коб.* — Кобиньпи, *Кож.* — Кожиль, *Коп.* — Копово*, *Корш.* — Коршуново, *Кот.* —

⁶ Знаком * отмечены исчезнувшие населенные пункты.

Котнырево, *Лек.* – Лековой, *ММал.* – Малое Малагово, *Мур.* – Мурза*, *Нел.* – Ново-Елово, *НСл.* – Нижняя Слудка, *Озег.* – Озегвай, *Пом.* – По-маяг, *Пуд.* – Пудвай, *Пыш.* – Пышкет, *Сеп.* – Сепыч, *СКен.* – Старый Кеновай, *Сол.* – Солдырь, *Тот.* – Тотош*, *Тым.* – Тымпал, *Тяп.* – Тяпык, *УКар.* – Удмуртский Караул, *УКл.* – Удмуртские Ключи, *Ум.* – Умск, *Цип.* – Ципья, *Чаб.* – Чабырово, *Чер.* – Черкадсы, *Чирг.* – Чиргино, *Чур.* – Чурашур, *Яг.* – Ягошур Глазовского района, *Ягош.* – Ягошур Бalezинского района;

п р о ч и е: *д.* – деревня, *глагол.* – глагол, *прич.* – причастие, *р.* – река, *с.* – село, *сущ.* – существительное.

Библиографический список

- Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. 167 с.
- Атаманов М. Г.* Удмурт нимбугор (= Словарь личных имен удмуртов). Ижевск, 1990. 395 с.
- Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. 247 с.
- Даль 1955 I* = В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955.
- Даль 1955 II* = В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955.
- Жучкевич В. А.* Общая топонимика. Минск, 1980. 287 с.
- Кириллова Л. Е.* Удмуртские метафорические микропонимы // Шестая конференция по ономастике Поволжья: Тезисы докл. и сообщ. Волгоград, 1989. С. 97–98.
- Кириллова Л. Е.* Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Ижевск, 1992. 319 с.
- Мамонтова Н. Н.* Структурно-семантические типы микропонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982. 21 с.
- Тепляшина Т. И.* О способах образования топонимов бассейна реки Чепцы // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 211–233.
- Туркин А. И.* Топонимия Нижней Вычегды: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1972. 20 с.
- Яценко А. И.* Лингвистический анализ микропонимов определенного региона: Курс лекций для студентов филологических факультетов пединститутов. Вологда, 1977. 60 с.

**К вопросу о типах склонения имен существительных
в пермских языках**

1. Имена существительные в современных пермских языках обладают тремя собственно-грамматическими категориями – числа, притяжательности и падежа, которые находятся в определенной взаимосвязи между собой, точнее: категории числа и притяжательности оказывают соответствующее влияние на оформление падежных формантов. Различия суффиксов падежей в единственном и множественном числах весьма незначительны (они касаются в удмуртском языке прежде всего выражения аккумулятива и иллатива), что еще не дает оснований для выделения особого типа склонения имен существительных в зависимости от формы числа последних. В зависимости же от отсутствия/наличия притяжательных суффиксов при именах существительных как научные, так и школьные грамматики современных пермских языков различают два типа склонения – простое (при отсутствии притяжательных суффиксов у имен существительных) и притяжательное (когда существительные снабжены притяжательными суффиксами).

2. Грамматики XVIII века, ориентированные на описание удмуртской морфологии по образцам грамматик русского языка, отрицали наличие различных типов склонения имен существительных, основанных на особенностях финали последних. Так, в первой грамматике удмуртского по этому поводу замечено: “Имена у Вотяковъ одно только склоненіе имѣють”, хотя “Имень окончаніе падежа Именительнаго въ Вотскомъ разговорѣ есть различное, а именно: а, е, и, ѣ, о, у, ы, ю, я, іѡ, ъ, ь” [Соч.: 1]; автор второй грамматики М. Могилин пишет: “Столько простъ и скуденъ отяцкій языкъ, что доволствуется еднымъ толко главнымъ именъ склоненіемъ, которое производится, какъ будетъ предписано, чрезъ извѣстные нѣкоторые придатки къ падежамъ, и по которому всѣ имена всякихъ окончаній свободно склоняются. Имень окончанія весма различны: инные кончатся прямо на гласные литеры, на а, къ которой причисляется и я; е, к которой причисляется и ѣ; і, куда надлежать и, ы, о и іѡ; у и ю. Инные имеютъ окончанія на разныхъ слогахъ с различными безгласными...” [Могилинъ 1786: 14–15]. Однако на особый род сочетаемости притя-

жательных суффиксов с падежными формантами обратили уже внимание и “Сочинения...”. В ней в связи с отдельными падежами указываются сочетания падежного форманта с посессивными суффиксами, напр.: “Во всѣхъ именахъ Вотскаго разговора къ Творительному падежу для различія отъ Именительнаго Вотяки прибавляютъ предлогъ -*энъ*, значащей ‘со’ или ‘съ’, который, по различію показанныхъ мѣстоименій, разные имѣть окончаніи, а именно: -*энъ*, -*энымъ*, -*эныдъ*, -*энызъ*, -*энымы*, -*эныды*, -*энызы*. Напримѣръ: *сяськаэнъ* ‘цвѣткомъ’, *мынамъ сяськаэнымъ* ‘моимъ цвѣткомъ’, *тынадъ сяськаэныдъ* ‘твоимъ цвѣткомъ’, *солэнъ сяськаэнызъ* ‘его цвѣткомъ’, *милямъ сяськаэнымы* ‘нашимъ цвѣткомъ’, *тылядъ сяськаэныды* ‘вашимъ цвѣткомъ’, *сойбслэнъ сяськаэнызы* ‘ихъ цвѣткомъ’ ” (здесь и далее выделение языковых примеров данной грамматики и грамматики Ф. Й. Видеманна 1851 г. с помощью черточки и курсивного написания и их переводов с добавлением особых кавычек производится мною. — В. К.) [Соч. 1775: 3–4]. В образцах же парадигмы склонения определенных существительных даны преимущественно формы с притяжательными суффиксами (И. *тылядъ пиды* ‘вашъ сынъ’, Р. *тылядъ пидылэнъ* ‘вашего сына’, Д. *тылядъ пидылы* ‘вашему сыну’, В. *тылэстыдъ пидэзъ* ‘вашего сына’, З. *тылядъ пиды* ‘вашъ сынъ’, Т. *тылядъ пїэныды* ‘вашимъ сыномъ’ [Соч.: 8]) и т. д., хотя в качестве исключения встречаются и формы простого склонения как вариант притяжательного (Т. *мынамъ пїэнъ* или *пїэнымъ* ‘моимъ сыномъ’ [Соч. 1775: 5]; Т. *мынамъ тельэнымъ*, *тельэнъ* ‘моимъ лѣсомъ’ [Соч. 1775: 9]) и др.

Впервые, как мне известно, притяжательное склонение как особый тип субстантивного склонения наряду с простым было выделено в пермских языках Ф. Й. Видеманном в 1884 году: “Es gibt im Syrjänischen wie im Wotjakischen zweierlei Declinationen, die des einfachen und die des mit Personal- oder Possessivsuffixen verbundenen Substantivs...”⁷ [Wiedemann 1884: 114].

В грамматических пособиях, изданных в начале XX столетия, выделение двух типов склонения в удмуртском языке производится двумя способами:

⁷ “В коми языке, как и в удмуртском, имеется два вида склонения — для имени существительного простого и снабженного личными или притяжательными суффиксами...”

1) для одних авторов основанием служит различие в склонении одушевленных (склоняются лишь по субъектно-объектным падежам – 1-е скл.) и неодушевленных (склоняются по всем падежам – 2-е скл.) существительных [Жуйков 1933: 53–54, 57; Поздеева 1939: 38];

2) другие же (их абсолютное большинство) продолжают в этом вопросе линию Ф. Й. Видеманна – выделяют два типа склонения имен существительных в зависимости от отсутствия/наличия притяжательных суффиксов [Поздеева 1939: 44; Перевощиков 1948: 404; 1956: 1293–1301; ГСУЯ 1962: 86; Алатырев 1983: 568, 570; и т. д.].

3. Разночтения обнаруживаются и в вычленении падежного и поссесивного суффиксов.

3.1. Одни авторы приводят в своих работах нерасчлененный симбиоз падежной и притяжательной морфем притяжательного склонения. Так, Ф. Й. Видеманн пишет в грамматике удмуртского языка, в частности, следующее: “Das *ä* des Illativ bildet im Verbindung mit den Personalsuffixen *am*, *ad*, *az*, *amy*, *ady*, *azy*...”⁸; “Mit dem Illativ wird der Inessiv ganz gleich gebildet...”⁹ (*jurtam* ‘в мой дом’, ‘у меня в доме’, *sinmad* ‘в твой глаз’, ‘в твоём глазу’, *knigajaz* ‘в его книгу’, ‘в его книге’, *s’ulmady* ‘в ваше сердце’, ‘в вашем сердце’ и др.) [Wiedemann 1851: 46–47]; “Sehr häufig und wichtig ist dagegen Verbindung beider Suffixe im Accusativ, dessen besondere Endungen *ä* (*y*) und *ez* ja nur in diesem Falle gebraucht werden... Nach den verschiedenen Personen endigt... der Accusativ auf *mä*, *dä*, *zä* – *mez*, *dez*, *zez*”¹⁰ (*pimä* ‘моего сына’, *kyschnodä* ‘твою жену’, *oskonzä* ‘его веру’, *wis’emmez* ‘нашу болезнь’ и т. д.) [Wiedemann 1851: 49–50]; ср. также: Adess. *karelen* (-*ylen*) ‘(y) моего города’, Allat. *karely* (-*ly*) ‘моему городу’, Iness.–Illat. *karam* ‘в моем городе’,

⁸ “Иллативный -*ä* в сочетании с лично-притяжательным суффиксом образует -*am*, -*ad*, -*az*, -*amy*, -*ady*, -*azy*...”;

⁹ “Инессив образуется совершенно аналогично иллативу...”

¹⁰ “Очень частым и важным является, напротив, слияние обоих суффиксов в аккузативе, особенные суффиксы -*ä* (-*y*) и -*ez* (скорее -*es*. – В. К.) которые лишь в этом случае и употребляются... В зависимости от различных лиц аккузатив ... оканчивается на -*mä*, -*dä*, -*zä* – -*mez*, -*dez*, -*zez*”.

'в мой город', Elat. *karyštyṃ* (-yškyṃ) 'из моего города', Instr. *karēnyṃ* (-ynyṃ) 'нашим городом', Termin. *karožamy* 'до нашего города', Accus. *kardez* 'ваш город' и т. д. [Wiedemann 1884: 135–138]. Эта линия в дальнейшем нашла продолжение и в некоторых других работах в области удмуртского языкознания [ГСУЯ 1962: 88–89; Алатырев 1983: 570–571].

3.2. Наряду с этим в своей более поздней работе Ф. Й. Видеманн делает попытку членить сочетание падежного и притяжательного суффиксов имен существительных притяжательного склонения на их составляющие; при этом он считается скорее с варьированием лично-притяжательных морфем, нежели с алломорфами соответствующих падежей, напр.: “Элатив вначале присоединяет к склоняемому слову падежное окончание, и лишь потом следует личный показатель, который звучит с протетическим *t*: -*tyṃ*, -*tyd*, -*tyz*, -*tyṃy*, -*tydy*, -*tyzy*...” [Wiedemann 1884: 47], т. е. -*ys*'-*tyṃ*, -*ys*'-*tyd*, -*ys*'-*tyz*, -*ys*'-*tyṃy* и т. д.; “Терминатив присоединяет к падежному суффиксу окончания -*am*, -*ad*, -*az* – -*amy*, -*ady*, -*azy*...” [Wiedemann 1884: 49], т. е. -*oz*'-*am*, -*oz*'-*ad*, -*oz*'-*az*, -*oz*'-*amy* и т. д. Хотя такое членение ни в историческом аспекте, ни в синхронном плане не совсем, на мой взгляд, корректно, оно встречается также и в ряде элементарных грамматик и учебных пособий начала XX века [Яковлев 1930: 22–23; Жуйков 1933: 63–64; Поздеева 1939: 48, 50; и др.]. Правда, у некоторых более поздних авторов появляются определенные сомнения в правомерности приписывания посессивным суффиксам беспредельные возможности в варьировании. Так, А. А. Поздеева элемент *m* в оформлении элатива в притяжательном склонении в отличие от некоторых предшествующих авторов относит уже не к притяжательному суффиксу, а к падежному форманту (-*ысьт*-*ым*, -*ысьт*-*ыд* и т. д.) [Поздеева 1972: 51–52; см. также: Никольская и др. 1975: 48–49].

Для того, чтобы более наглядно представить взгляды отдельных лингвистов на членимость/нечленимость падежных формантов 1-го лица имен существительных притяжательного склонения, приведу следующую таблицу (в случае, если у какого-либо автора падежный формант соответствующим образом отделен от притяжательных суффиксов, первый отмечается полужирным шрифтом):

Вычленение удмуртских падежных формантов притяжательного склонения (1-го лица обладателя) в трудах различных ученых

Па- дежи	Исследования					Мое предло- жение
	Wied. 1851 (S. 51- 52)	Як. 1930 (с. 22- 23)	Пер. 1948 (с. 410- 411)	ГСУЯ 1962 (с. 88- 89)	Ник. 1975 (с. 48- 49)	
Акк.	-mä -mäz	-м-е -м-ес	-ме -мес	-ме -мес	-м-е -м-ес	-м-е -м-ес
Адесс. /Ген	-älen -mylen	-э-лэн -мы-лэн	-э-лэн -мы-лэн	-элэн -мылэн	-э-лэн -мы-лэн	-э-лэн -мы-лэн
Абл.	-äles' -myles'	-э-лэсь -мы-лэсь	-э-лэсь -мы-лэсь	-элэсь -мылэсь	-э-лэсь -мы-лэсь	-э-лэсь -мы-лэсь
Аллат. /Дат	-äly -myly	-э-лы -мы-лы	-э-лы -мы-лы	-элы -мылы	-э-лы -мы-лы	-э-лы -мы-лы
Инстр.	-enyt -enuty	-эн-ым -эн-ымы	-эн-ым -эн-ымы	-эным -энымы	-эн-ым -эн-ымы	-эны-м -эны-мы
Абесс.	-ätek -mytek	-э-тэк -мы-тэк	-э-тэк -мы-тэк	-этэк -мытэк	-э-тэк -мы-тэк	-э-тэк -мы-тэк
Адв.	-äja -myja	-э-я -мы-я	-э-я -мы-я	-эя -мыя	-э-я -мы-я	-э-я -мы-я
Инесс.	-at -aty	-а-м -а-мы	-ам -амы	-ам -амы	-а-м -а-мы	-а-м -а-мы
Элат.	-ys'tyt -ys'tuty	-ысь-тым -ысь- тымы	-ысьтым -ысьты- мы	-ысьтым -ысьты- мы	-ысьт- ым -ысьт- ымы	-ысьты-м -ысьты-мы
Эгр.	—	-ысен-ым -ысен- ымы	-ысеным -ысен- ымы	-ысеным -ысе- нымы	-ысен-ым -ысен- ымы	-ысены-м -ысены-мы
Иллат.	-at -aty	-а-м -а-мы	-ам -амы	-ам -амы	-а-м -а-мы	-а-м -а-мы

Терм.	-oz 'am -oz 'amy	-оз-ям -оз-ямы	-оэям -оэямы	-оэям -оэямы	-оэ-ям -оэ-ямы	-оэя-м -оэя-мы
Прол.	-tim -timy	-тй-м -тй-мы	-этй-м -этй-мы	-этйм -этймы	-этй-м -этй-мы	-этй-м -этй-мы
Аппр.	—	—	-э-лань -мы-лань	-элань -мылань	-э-лань -мы-лань	-э-лань -мы-лань

Данная статья посвящена анализу удмуртских падежных формантов имен существительных притяжательного склонения в сопоставлении с функционально тождественными морфемами простого склонения. Для сравнения приводятся также некоторые параллели из коми и коми-пермяцкого языков, извлеченные из современных научных грамматик [КПЯ 1962; СКЯ 1955].

4. С учетом особенностей алломорфного варьирования падежных формантов имен существительных в зависимости от склонения все 14 косвенных падежей удмуртского языка распределяются на две равные по количеству группы: 1) падежи, имеющие в притяжательном склонении те же самые форманты, что и в простом (7 падежей); 2) падежи, форманты которых в простом и притяжательном склонении не совпадают (7 падежей).

4.1. В первую группу относятся преимущественно объектные падежи (за исключением пролатива и аппроксиматива), в которых падежные форманты в притяжательном склонении располагаются, как правило, в финали слова, т. е. находятся в той же позиции, что и в простом склонении (исключение составляет лишь пролатив), ср.:

(1) Адессив (Генитив) *гурт-лэн* 'у) деревни' ~ *гурт-э-лэн* 'у) моей деревни', *гурт-мы-лэн* 'у) нашей деревни';

(2) Аблатив *гурт-лэсь* 'от (у) деревни' ~ *гурт-э-лэсь* 'от (у) моей деревни', *гурт-мы-лэсь* 'от (у) нашей деревни';

(3) Аллатив (Датив) *гурт-лы* 'деревне' ~ *гурт-э-лы* 'моей деревне', *гурт-мы-лы* 'нашей деревне';

(4) Абессив *гурт-тэк* 'без деревни' ~ *гурт-э-тэк* 'без моей деревни', *гурт-мы-тэк* 'без нашей деревни';

(5) Адвербиаль *гурт-ъя* 'в соответствии с деревней' ~ *гурт-э-я* 'в соответствии с моей деревней', *гурт-мы-я* 'в соответствии с нашей деревней';

(6) Пролатив *гурт-этий* 'по деревне' ~ *гурт-этий-м* 'по моей деревне', *гурт-этий-мы* 'по нашей деревне';

(7) Аппроксиматив *гурт-лань* 'по направлению к деревне, в сторону деревни' ~ *гурт-э-лань* 'по направлению к моей деревне, в сторону моей деревни', *гурт-мы-лань* 'по направлению к нашей деревне, в сторону нашей деревни'.

Членение формантов падежей данной группы на падежные и притяжательные морфемы ни у кого из предшествующих авторов грамматик (см. таблицу № 1) не вызывало сомнений.

В родственных языках к этой группе относятся: в коми-пермяцком — 10 из 17 косвенных падежных форм и коми-зырянском — 11 из 16 (см. таблицу № 2).

Таблица 2

Классификация падежей коми языков в зависимости от оформления их окончаний в сочетании с притяжательными суффиксами

Группы	Падежи	Падежные форманты 1-го или 2-го лица ед. и мн. числа притяжательного склонения			
		Коми-пермяцкий язык		Коми-зырянский язык	
1.	Адесс./Ген.	- <i>ӧ-лӧн</i>	- <i>ным-лӧн</i>	- <i>ӧй-лӧн</i>	- <i>ным-лӧн</i>
	Абл.	- <i>ӧ-лӧсь</i>	- <i>ным-лӧсь</i>	- <i>ӧй-лӧсь</i>	- <i>ным-лӧсь</i>
	Дат./Аллат.	- <i>ӧ-лӧ</i>	- <i>ным-лӧ</i>	- <i>ӧй-лы</i>	- <i>ным-лы</i>
	Комит.	- <i>ӧ-кӧт</i>	- <i>ным-кӧт</i>	- <i>ӧй-кӧд</i>	- <i>ным-кӧд</i>
	Абесс.	- <i>ӧ-тӧг</i>	- <i>ным-тӧг</i>	- <i>ӧй-тӧг</i>	- <i>тӧг-ным</i>
	Комп.	- <i>ӧ-ся</i>	- <i>ным-ся</i>	—	—
	Конзек.	- <i>ӧ-ла</i>	- <i>ным-ла</i>	- <i>ӧй-ла</i>	- <i>ным-ла</i>
	Аппр.	- <i>ӧ-лань</i>	- <i>ным-лань</i>	- <i>ӧй-лань</i>	- <i>лань-ным</i>
	Эгр.	- <i>ӧ-сянь</i>	- <i>ным-сянь</i>	- <i>ӧй-сянь</i>	- <i>сянь-ным</i>
	Термин. (1)	- <i>ӧ-ви</i>	- <i>ным-ви</i>	—	—
	(2)			- <i>ӧдз-ыд</i>	- <i>ӧдз-ныд</i>
	Прол.			- <i>ӧд-ыд</i>	- <i>ӧд-ныд</i> - <i>тӧ-ыд</i>
2а.	Инстр.	- <i>на-м</i>	- <i>на-ным</i>	- <i>на-м</i>	- <i>на-ным</i>
	Элат.	- <i>си-м</i>	- <i>си-ным</i>	- <i>сьы-м</i>	- <i>сьы-ным</i>
2б.	Акк.	- <i>т-ӧ</i>	- <i>ныт-ӧ</i>	- <i>т-ӧ</i>	- <i>ныт-ӧ</i>
	Инесс.	- <i>а-м</i>	- <i>а-ным</i>	- <i>а-м</i>	- <i>а-ным</i>

	Иллат.	-а-м	-а-ным	-а-м	-а-ным
2в.	Пролат.	-ѳття-м	-ѳття-ным		
	Термин. (2)	-ѳѳzza-м	-ѳѳzza-ным		

Таблица 3

Классификация падежей пермских языков в зависимости от оформления их окончаний в сочетании с притяжательными суффиксами
3-го лица

Группы	Падежи	Падежные форманты 1-го или 3-го лица ед. и мн. числа притяжательного склонения		
		Удм. яз.	Кп. яз. ¹¹	Кз. яз. ¹²
1.	Адесс.	-эз-лэн -зы-лэн	-ыс-лѳн -ныс-лѳн	-ыс-лѳн -ныс-лѳн
	Аблат.	-эз-лэсь -зы-лэсь	-ыс-лісь -ныс-лісь	-ыс-лысь -ныс-лысь
	Дат.	-эз-лы -зы-лы	-ыс-лѳ -ныс-лѳ	-ыс-лы -ныс-лы
	Абесс.	-эз-тэк -зы-тэк	-ыс-тѳг -ныс-тѳг	-тѳг-ыс -тѳг-ныс
	Аппрокс.	-эз-лань -зы-лань	-ыс-лань -ныс-лань	-лань-ыс -ныс-лань
	Адверб.	-эз-ъя -зы-я		
	Пролат.	-этий-з -этий-зы		-ѳѳ-ыс -ѳѳ-ныс
	Компарат.		-ыс-ся -ныс-ся	
	Конзекут.		-ыс-ла -ныс-ла	-ыс-ла -ныс-ла
	Комитат.		-ыс-кѳт -ныс-кѳт	-ыс-кѳѳ -ныс-кѳѳ
	Эгресс.		-ыс-сянь -ныс-сянь	-сянь-ыс -сянь-ныс
	Термин. (2)		-ыс-ви -ныс-ви	
	(1)			-ѳѳз-ыс -ѳѳз-ныс

¹¹ Приводится по: [КПЯ 1962: 202].

¹² Приводится по: [СКЯ 1955: 151].

2а.	Инструм.	-эны-з -эны-зы	-на-с -на-ныс	-на-с -на-ныс
	Элатив	-ысьты-з -ысьты-зы	-си-с -си-ныс	-сьм-с -сьм-ныс
	Эгресс.	-ысены-з -ысены-зы		
2б.	Аккузат.	-з-з -з-эс	-с-ѳ -ныс-ѳ	-с-ѳ -ныс-ѳ
	Инесс.	-а-з -а-зы	-а-с -а-ныс	-а-с -а-ныс
	Иллат.	-а-з -а-зы	-а-с -а-ныс	-а-с -а-ныс
2в.	Термин. (1)	-озя-з -озя-зы	-ѳдза-с -ѳдза-ныс	
	Пролат. (2)		-ѳття-с -ѳття-ныс	

4.2. Падежи второй группы в свою очередь делятся еще на три подгруппы.

4.2.1. Падежи, форманты которых в притяжательном склонении представляют собой морфонологический вариант тех же самых окончаний, что и в простом склонении. Эту группу составляют следующие 3 падежа, в которых падежный формант предшествует притяжательному суффиксу:

(8) Инструменталь *гурт-эн* '(с) деревней' ~ *гурт-эны-м* '(с) моей деревней', *гурт-эны-мы* '(с) нашей деревней';

(9) Элатив *гурт-ысь* 'из деревни' ~ *гурт-ысьты-м* 'из моей деревни', *гурт-ысьты-мы* 'из нашей деревни';

(10) Эгрессив *гурт-ысен* 'от деревни, (находясь) в деревне' ~ *гурт-ысены-м* 'от моей деревни, (находясь) в моей деревне', *гурт-ысены-мы* 'от нашей деревни, (находясь) в нашей деревне'.

В удмуртском языкознании были проблемы в нахождении морфемных границ между составляющими сложных формантов данных падежей притяжательного склонения. Так, в показателе элатива притяжательного склонения *-ысьтым/-ысьтымы* и т. д. одни лингвисты вычленяли неизменный суффикс *-ысь*, отнеся все остальное к притяжательным (*-тым/-тымы* и др.) [Wiedemann 1884: 47; Яковлев 1930: 22–23; и др.], другие вполне справедливо принимали *-т* как элемент падежного форманта и выделяли притяжательный суффикс с начальным *ы*: *-ысьт-ым/-ысьт-ымы* и др. [Никольская и др. 1975: 48–49]; аналогичным образом в этом и

других падежах данной группы вычленились посессивные суффиксы с инициальным *ы*: (-эн или -ысен)-ым/-ымы, (-эн или -ысен)-ыд/-ыды, (-эн или -ысен)-ыз/-ызы или без [Kel'makov, Hännikäinen 1999: 78–79, 150, 165].

На мой взгляд, как в диахроническом плане, так и синхронном аспекте более перспективным является отнесение и этого *ы* к падежному форманту, вычленив таким образом притяжательные суффиксы в виде -м/-мы, -д/-ды (-ты) и -з/-зы (-сы). Это мотивируется не столько формами притяжательных суффиксов единственного числа обладателя (в особенности 2-го и 3-го лица), которые могут иметь варианты и как с консонантной (-м, -д, -з), так и вокалической (-эд/-ыд, -эз/-ыз) инициалью, сколько формами посессивных суффиксов множественного числа обладателя, в абсолютном большинстве случаев (кроме как в аккумулятиве) зафиксированных или допускающих интерпретацию исключительно в виде стандартных -мы, -ды/-ты, -зы/-сы.

Хотя форманты данной группы падежей в притяжательном склонении несколько отличаются от формантов соответствующих падежей в простом склонении, тем не менее они исторически тождественны друг другу; отличие между ними заключается лишь в том, что в притяжательном склонении в силу определенных условий показатели падежей сохранились в более ранней форме, нежели в простом.

В коми языках к этой группе относятся два падежа – инструменталь и элатив (см. табл. № 2: 2а; № 3: 2а).

4.2.2. Вторую подгруппу составляют падежи, которые в притяжательном склонении маркируются иными морфемами, нежели в простом склонении (эти морфемы исторически нетождественны). Членами этой подгруппы являются следующие 3 падежа:

(11) Аккузатив *гурт-эз* 'деревню' ~ *гурт-м-е* 'мою деревню', *гурт-м-ес* 'нашу деревню';

(12) Инессив *гурт-ын* 'в деревне' ~ *гурт-а-м* 'в моей деревне', *гурт-а-мы* 'в нашей деревне';

(13) Иллатив *гурт-э* 'в деревню' ~ *гурт-а-м* 'в мою деревню', *гурт-а-мы* 'в нашу деревню'.

В коми языках в эту группу относятся те же самые падежи, что и в удмуртском, причем падежные форманты инессива и иллатива совпадают во всех трех языках (см. таблицу № 2: 2б).

4.4. Третья подгруппа представлена в удмуртском языке единственным падежом, показатель которого в притяжательном склонении состоит из сочетания двух падежных формантов, причем один из простого склонения, а второй из притяжательного:

(14) Терминатив *гурт-озь* 'до деревни' ~ *гурт-озя-м* 'до моей деревни', *гурт-озя-мы* 'до нашей деревни', где *-озя-* < Терм. *-оз'* (прост. скл.) + Иллат.-Инесс. *-а-* (притяжат. скл.).

В коми-зырянском языке падежные форманты подобной структуры отсутствуют; в коми-пермяцком языке эта группа представлена двумя падежами – пролативом и терминативом (см. таблицу № 2: 2в), в оформлении формантов которых, как и в удмуртском терминативе, участвует морфема *-а-*, характерная для иллатива-инессива притяжательного склонения всех пермских языков.

5. На основе вышеизложенного материала можно прийти к некоторым – возможно, предварительного характера – выводам.

5.1. Имя существительное в удмуртском языке, вне сомнения, склоняется по двум типам (видам) склонения: простому и притяжательному. Так называемое "притяжательное склонение" имен существительных – это не просто склонение имен существительных, снабженных лично-притяжательными суффиксами, подобно, скажем, склонению удмуртских имен существительных во множественном числе или производных существительных на какой-либо определенный суффикс, а действительно особый тип склонения, во многом отличный от простого склонения. Это находит выражение в следующем:

во-первых, во многих случаях (в 7 косвенных падежах из 14) падежи в притяжательном склонении оформляются иначе, нежели в простом склонении;

во-вторых, порядок расположения посессивного и падежного суффиксов не строго заданный, а зависит от конкретного падежа:

а) для 7 косвенных падежей (аккузатив, адессив, аблатив, аллатив, абессив, адвербиаль, аппроксиматив) характерен прямой порядок: Прит. суфф. + Пад. форм.;

б) для остальных 7 (инструменталь, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, терминатив, пролатив) свойствен обратный порядок: Пад. форм. + Прит. суфф.;

в-третьих, в зависимости от конкретного падежа способен варьировать и притяжательный суффикс, в особенности в 1-м ли-

це единственного числа: он выступает то в первичной форме (-м), то во вторичной (-э/-е); причем первичный вариант сохранился преимущественно в тех случаях, когда он располагается вслед за падежным формантом (исключение составляет лишь аккузатив). Что касается притяжательных суффиксов других лиц единственного числа и всех трех лиц множественного числа, то подобное историческое варьирование для них не характерно, хотя морфологическое чередование отнюдь не исключено, ср.: Аллатив *гурт-эд-лы* 'твоей деревне' ~ Инессив-Иллатив *гурт-а-д* 'в твоей деревне'; 'в твою деревню' и др.

5.2. Отличие притяжательного склонения как особого типа от простого наиболее ярко выражено в удмуртском языке и весьма слабо в коми-зырянском; коми-пермяцкий же язык располагается в этом отношении между двумя этими полюсами. В научных грамматиках коми языков вопрос о двух типах склонения трактуется неоднозначно.

В грамматике коми-зырянского языка находим по этой проблеме весьма противоречивые суждения. С одной стороны, отмечается: "В коми языке различают *два вида склонения* (здесь и далее выделение мое. — В. К.): неопределенное склонение (склонение без определенно-притяжательных суффиксов) и определенно-притяжательное склонение (склонение с определенно-притяжательными суффиксами)", а с другой стороны (в следующем же абзаце), авторы пишут: "В коми языке 16 падежей, которые имеют одни и те же окончания для единственного и множественного числа. Все существительные склоняются по одному образцу, т. е. в коми языке *одно склонение*" [СКЯ 1955: 137]. В подтверждение своего последнего положения авторы приводят парадигму склонения имен существительных *морт* 'человек' и *вӧр* 'лес' [СКЯ 1955: 137–138].

Неувязки в приведенных цитатах заключаются в следующем: с одной стороны, если различия между "неопределенным" и "определенно-притяжательным" склонениями авторы видят лишь в отсутствии/наличии у имен существительных "определенно-притяжательных суффиксов", а не в особенностях оформления отдельных падежей, то по существу нет никакой необходимости различать два вида склонения;

2) с другой стороны, утверждение о том, что в коми языке "все существительные склоняются по одному образцу" вызвано, тем, что составителями данной грамматики критерии выделения

разных типов склонения, характерные для одного языка, механически перенесены на другой. Если в русском, немецком и др. языках различия в оформлении одних и тех же падежей зависят от финали основы имени существительного, то в коми языке финаль начальной формы имени существительного не влияет на различия в оформлении косвенных падежей.

Относительно же коми-пермяцкого языка говорится: "В коми-пермяцком языке одно склонение, т. е. все имена существительные склоняются по одному типу, имеют одни и те же падежные окончания, независимо от того, выступают ли они в единственном или во множественном числе, с притяжательно-указательными формами или без этих форм" [КПЯ 1962: 200]. То, что имена существительные имеют одинаковые падежные окончания в обоих числах, это факт, однако в том, что коми-пермяцкие имена существительные "имеют одни и те же падежные окончания" как при наличии у них притяжательных суффиксов, так и при их отсутствии, в свете вышеизложенного приходится серьезно сомневаться, и, следовательно, трудно не признать наличия различных типов склонения в коми-пермяцком языке.

5.3. В определенных падежах различающиеся по склонениям морфемы нередко совпадают во всех трех пермских языках, напр.:

Аккузатив удм. -эз/-ез, -ыз, кп., кз. -ос ~ удм. -э, кп., кз. -ос, -ö;

Инессив удм., кп., кз. -ын ~ удм., кп., кз. -а-;

Иллатив удм. -э/-е, кп., кз. -ö ~ удм., кп., кз. -а-; и др.

Это, по всей вероятности, свидетельствует о том, что истоки параллельного развития системы падежных формантов в обоих видах склонений имен существительных в современных пермских языках восходит к общепермскому периоду.

5.4. В области притяжательного склонения удмуртский язык имеет больше сходств с коми-пермяцким языком, нежели с коми-зырянским (ср. падежи четвертой группы), что, по всей вероятности, обусловлено ареальным характером развития данного языкового явления.

Библиографический список

Алат(ырев). 1983 – В. И. Алатырев. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Около 35000 слов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: Русский язык, 1983. С. 561–591.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Жуйк(ов). 1933 – С. П. Жуйков. Учебник удмуртского языка: Для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 гг. обучения. Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. 117 с.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1962. 340 с.

Могилинь 1786 – М. Могилин. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Ник(ольская и др.). 1975 – Г. Н. Никольская, А. А. Поздеева, И. В. Тараканов, Р. И. Яшина. Удмурт кыл: 5–6 классъёслы / Огъя редциз Г. Н. Никольскаяэн. Ижевск: Удмуртия, 1975. 212 б.

Пер(евоицков). 1948 – П. Н. Перевоицков. Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексикология, морфология) // Удмуртско-русский словарь: Около 15000 слов / НИИ ист., яз., лит. и фолькл. при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: ОГИЗ ГИИНС, 1948. С. 369–446.

Пер(евоицков). 1956 – П. Н. Перевоицков. Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь: Около 40000 слов / Удм. НИИ ист., яз. и лит. М.: ГИИНС, 1956. С. 1271–1360.

Позд(еева). 1939 – А. А. Поздеева. Удмурт кыл грамматика. Нырысетй люкетэз: Фонетика но морфология / 2-этйез изд. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. 120 б.

Позд(еева). 1972 – А. А. Поздеева. Удмурт кыл грамматика. Нырысетй люкетэз: Фонетика но морфология: 5 но 6 классъёслы. Ижевск: Удмуртия, 1972. 176 б.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. Часть первая: Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

Соч. 1775 – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17].

Тараканов И. В. Функции и значения л-овых падежей в удмуртском языке // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и

диахронии: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск, 1997. С. 161–168.

Як(овлев). 1930 – И. В. Яковлев. Удмурт кылрадъян (Элементарная грамматика вотского языка) / 2-е изд. Ижевск: Удкнига, 1930. 80 б.

Kel'makov V., Hännikäinen S. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia (= Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XIV). Helsinki, 1999. 319 s.

Wied(emann). 1851 – F. J. Wiedemann. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

Wied(emann). 1884 – F. J. Wiedemann. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersburg, 1884. 255 S.

Л. Е. Кириллова (Ижевск)

Об упорядочении названий населенных пунктов Удмуртии

Выбор темы статьи вызван несколькими причинами. Одна из них состоит в том, что в справочниках по административно-территориальному делению Удмуртии, вышедших в 1956, 1957, 1965, 1972, 1980 и 1995 гг., и на географических картах Удмуртии довольно часто встречаются названия, требующие определенного пересмотра. Вторая причина диктуется тем, что пришло время придать официальный статус и народным названиям, использующимся в быту, в речи гораздо чаще, нежели официальные наименования, но до сих пор отмечаемым как “местные названия” в противовес “официальным”. Так называемые же официальные наименования зачастую ограничиваются в своем употреблении официальными документами.

Источником для данной работы послужили указанные справочники по административно-территориальному делению Удмуртии, “Список населенных мест Вятской губернии” (1876), “Список населенных пунктов Вотской автономной области” (1924), “Словарь географических названий Удмуртской АССР” С. К. Бушмакина (М., 1980), монографии М. Г. Атаманова “Удмуртская ономастика” (Ижевск, 1988) и “История Удмуртии в географических названиях” (Ижевск, 1997), а также материалы командировок и

экспедиций автора и материалы проведенного в 1997 г. Первого республиканского топонимического конкурса.

Известный российский топонимист Е. М. Поспелов [1992: 3] в одной из своих работ пишет: “Определение любой этнической общности – племени, народности, нации – обязательно включает указание на общность территории проживания одного этноса. В пределах этой собственной территории формируется национальная топонимия – система географических названий на родном языке коренного населения. Существование этих названий четко определяет территорию этноса и выступает как одно из важнейших проявлений национального самосознания. Использование национальной топонимии обеспечивает историческую преемственность, сохранение культурных традиций народа”.

Когда мы говорим о топонимии Удмуртии – это не значит, что все топонимы должны быть удмуртского происхождения. Топонимия ни одной республики, ни одной страны не существует в “чистом” виде. Контактирование языков всегда так или иначе отражается в топонимии. На территории Удмуртии мы выделяем наименования допермского, исконного удмуртского, русского происхождения. Небольшой процент составляют названия марийского, тюркского, самодийского, угорского происхождения. Однако наиболее характерной чертой топонимии Удмуртии как национального образования является удмуртская топонимия.

Как и в других национальных республиках, в период существования СССР в функционировании национальной топонимии были и положительные, и отрицательные моменты. К положительным моментам можно отнести то, что часть удмуртских топонимов была сохранена, при этом специфические удмуртские буквы или сочетания букв были переданы средствами русского алфавита, как напр.: *Чужъял* (< *čüšjal* ‘ёж’) (Селт.); *Чужсьем* (< *čüžšjēm* ‘солод’) (Можг.); *Гучиншур* (< *güčjin* ‘селище’, *шур* ‘река, речка; родник’) (Глаз.).

Среди отрицательных моментов нужно отметить то, что многие удмуртские топонимы были заменены русскими. Это был самый серьезный урон, нанесенный национальной топонимии, продиктованный целенаправленной политикой нашего многонационального государства. В результате этого многие удмуртские названия стали функционировать лишь в качестве второстепенных. В дореволюционных списках населенных мест они все же были за-

фиксированы (зачастую одно селение с двумя-тремя именами). В "Списке населенных пунктов Вотской автономной области" (1924) национальные названия даны с пометой "старое и местное". В последующих же справочниках 1956, 1957, 1965, 1972, 1980 и 1995 гг. издания они вообще не нашли своего отражения.

Но здесь еще надо учесть такой момент. Удмуртские названия некоторых населенных пунктов не были приняты в разряд официальных по причине неблагозвучности, такие, напр. как: *Нумыресь* (*нумыр* 'червь' + *-есь* – суф., обозначающий наличие чего-либо) – оф. *Березовка* (Дебес.); *Ситясь* (*ситясь* – прич. от глаг. *ситяны* 'испражняться') – оф. *Мал. Можга* (Вавож.). Кстати, последнее название в форме *Ситязь* употреблялось в качестве официального вплоть до конца 30-ых годов. По той же причине часть ойконимов, бывших в активном употреблении, были заменены в 60-ые годы русскими названиями, напр.: дд. *Большой Штангурт* и *Малый Штангурт* (*штан* 'штаны', *гурт* 'деревня, село') переименованы в д. *Рябиновка* (Увин.), *Парсыгурт* (*парсь* 'свинья', *гурт* 'деревня, село') – *Родники* (Увин.) и т. д. Таких примеров можно найти несколько.

Многие удмуртские названия были переведены на русский язык: *Петухово* – нар. *Амасгурт* (*атас* 'петух', *гурт* 'деревня') (Можг.); *Дятлево* – нар. *Сизьгурт* (*сизь* 'дятел', *гурт* 'деревня') (Алнаш.); *Козино* – нар. *Кечгурт* (*кеч* 'коза, козел', *гурт* 'деревня') (Шарк.); *Комарово* – нар. *Чибиньгурт* (*чибинь* 'комар', *гурт* 'деревня') (Яр.); *Лутеха* – нар. *Пуппы* (*пуппы* 'лутеха') (Кияс.).

Кроме употребления русских названий очень часто использовались русифицированные названия, образованные путем присоединения к удмуртской основе русских суффиксов:

а) -ово (-ево): *Сизёво* – нар. *сиз'гурт* (*сиз'* 'дятел', *гурт* 'деревня, село') (Завьял.); *Бадьярово* – нар. *бад'аро* или *бад'аргурт* (*бад'ар* 'клен') (Шарк.); *Кучеряново* – нар. *кучырангурт* (*кучыран* 'сова') (Алнаш.); *Курегово* – нар. *курэггурт* (*курэг* 'курица') (М.-Пург.); *Зянкино* – нар. *Занкагурт*, *Зангагурт* (*Занка* – воршудно-родовое имя) (Яр., Юкам.); *Вукотлово* – нар. *вукотло* (*вуко* 'мельница', *тло* < *тыло* 'росчисть') (Шарк.); *Писеево* – нар. *писэйгурт* (*писэй* 'кошка') (Алнаш.); *Удм. Гондырево* – нар. *гондыргурт* (*гондыр* 'медведь') (Алнаш.) и т. д. Это самый распространенный тип ойконимов;

б) *-овцы (-евцы)*: *Андреевцы* – нар. *ондрэйгурт* (*ондрэй* < личное удмуртизированное рус. имя *Андрей*, *гурт* 'деревня, село') (Селт.); *Артемовевцы* – нар. *иннакэй починка* (*иннакэй* < рус. *Иннокентий*) (Як.-Б.);

в) аффикс мн. числа: *Федоры* – нар. *пэдоргурт* (*пэдор* – удмуртизированная форма рус. личного имени *Федор*) (Селт.); *Бердыши* – нар. *бэрдыш* (*бэрдыш* – муж. личное имя) (Яр.); *Беты* – нар. *бэта* (*бэта* – возможно, личное имя, ср. у К. Герда [1928: 19] *Беты* – муж. личное имя) (Завьял.); *Пиканы* – нар. *пикангурт* (*пикан* 'снять', *гурт* 'деревня, село') (Юкам.) и т. д.

Некоторые исконно удмуртские названия в результате русификации изменены до такой степени, что их трудно расшифровать на материале и удмуртского, и русского, и каких-то других языков, напр.: *Покой* < нар. *покол'* (*покол'* – воршудно-родовое имя) (Можг.); *Дыгдан* < нар. *гыбдан* (от глаг. *гыбданы* 'тлеть, гореть мелким пламенем') (Увин.); *Чистостем* < нар. *чыштас'кэм* (от глаг. *чыштас'кыны* 'спалиться, сгореть') (Увин.); *Сектыр* < нар. *с'одкыр* (*с'од* 'черный', *кыр* 'поляна, безлесное место') (Игр.); *Сырдяны* < нар. *сырийан* (от *сырийаны* 'зыбиться' – о болоте) (Як.-Б.); *Мадьярово* < нар. *мадэййар* (*мадэй* – муж. личное имя, *йар* 'яр, берег, обрыв') (Селт.); *Пожгурт* < *Пажгурт* < нар. *парс'гурт* (*парс'* 'свинья', *гурт* 'деревня') (Селт.); *Рус. Бабья*, *Удм. Бабья* < нар. *пöбйа* (*пöбйа* – воршудно-родовое имя) (Сюмс.).

Стремление русифицировать удмуртские по происхождению названия отразилось и на гидронимах, когда к названиям рек с апеллятивом *шур* 'река, речка' добавляется еще русский гидроформант *-ка*: *Безменишурка*, *Ягошурка*, *Вишурка*, *Покишурка*. В то же время нам известны такие названия рек, как *Ува*, *Вала*, *Кильмезь*, *Кама* и т. д.

Несколько слов хочется сказать и о правописании ойконимов.

Зачастую одни и те же формы наименований в справочниках зафиксированы по-разному, например: 1) *Гонгурт* (Як.-Б.) и *Гобгурт* (Селт.); 2) *Кочезжгурт* (Вавож); *Кочиш* (Як.-Б.); *Кочишево* (Глаз.); 3) *Бадзымшур* (Глаз.); *Бадзимошур* (Дебес.); *Битчимшур* (Балез.); 4) *Чемошур* (Увин.); *Чемошур-Уча* (Можг.); *Чемошур-Докья* (Вавож); *Чимошур* (Игр.); *Чумошур* (Кез.). Все эти названия нужно привести к единообразию в написании.

В русском языке буква ё передается буквой е. В удмуртских же словах такое написание совершенно не допустимо. А между тем в справочниках сплошь и рядом встречается такое написание, как: *Уе-Жикъя* вместо *Уё-Жикъя* (Можг.), *Уе-Докъя* вместо *Уё-Докъя* (Вавож.), *Тольен* вместо *Тольён* (Дебес.), *Сред. Кечево*, *Ниж. Кечево*, *Верх. Кечево* вместо *Сред. Кечёво*, *Ниж. Кечёво*, *Верх. Кечёво* (М.-Пург.), *Легомувыр* вместо *Лёгомувыр* (Дебес.), *Пужьегурт* вместо *Пужьёгурт* (Шарк.).

В нескольких названиях встречается передача твердых удмуртских согласных подобно мягким, например, в таких названиях, как *Абдес-Урдес* вместо *Абдэс-Урдэс* (М.-Пург.), *Лыстем* вместо *Лыстэм* (Селт.), *Вожсектем* вместо *Вожсектэм* (Сюмс.). Подобным образом записано и название д. *Кайсегурт* (Шарк.), в то время как правильное написание должно быть в форме *Кайсыгурт*. Об этих моментах тоже стоило бы подумать.

Сейчас орфографической секцией Республиканской термино-орфографической комиссии при Госсовете Удмуртской Республики разрабатываются новые орфографические правила. Касаются они и правописания топонимов, в частности слитного и раздельного написания сложных географических названий. Предлагается слитное написание топонимов, состоящих из двух слов, одним из которых является апеллятив, например, *Малаягурт*, *Дондыкар*, *Юмьяшур*, *Тыловай*, *Сьёдты*, а названия, состоящие из трех и более компонентов – пишутся раздельно: *Вал люктан ошмес*, *Кужен потан пичи нюр*. Но здесь опять-таки встает вопрос: если мы *Ыж-сиён* пишем слитно, то почему *Ыж сиён* возь пишется раздельно?

В новом проекте предложено написание и составных топонимов. Такие названия как *Якишур-Бодъя*, *Варзи-Ятчи*, *Уё-Докъя* по новому проекту должны писаться раздельно, т. е. *Якишур Бодъя*, *Варзи Ятчи*, *Уё Докъя*, точно так же, как и *Вуж Шудъя*, *Пичи Пурга* (*Малая Пурга*), *Улйнь Юри* (*Средние Юри*). Мы с таким предложением не согласны. Почему? В первом случае, по нашему мнению, нужно писать через дефис, поскольку это два самостоятельных слова, во втором же случае первый компонент является определением основного объекта, выраженного вторым компонентом. Сейчас в справочниках наблюдается следующее написание: *Матысьлуд* (Кез.), но *Малый Полом* (Кез.). Это совершенно однотипные названия, но одно (удмуртское) из них пишется слитно, а другое (русское) – раздельно.

В Граховском районе есть деревни *Порым* и *Кузебаево*. В 60-ые годы, когда началось укрупнение населенных пунктов, эти две деревни были объединены в одну д. *Порым*, в результате этого исчезло название д. *Кузебаево*, родины классика удмуртской литературы, поэтессы Ашальчи Оки. Такая же история произошла и с названиями деревень *Чужьялово* (нар. *çушийал*) и *Макарово* (нар. *макар*) Вавожского района, когда в результате слияния двух населенных пунктов ойконим *Чужьялово* перестал существовать, а ойконим *Макарово* стал употребляться в качестве официального имени объединенной деревни. Однако, в народной речи эти два названия продолжают функционировать параллельно.

Таким образом, перед нами встает очень важная и нужная задача исправить и совершенствовать уже допущенные ошибки, вернуть исконные исторические названия, однотипные названия привести к единообразию в написании. Новый справочник по административно-территориальному делению Удмуртии должен содержать два типа названий: принятые русские официальные и параллельно употребляющиеся удмуртские названия.

Условные сокращения:

названий районов: *Алнаш*. – Алнашский; *Балез*. – Балезинский; *Вавож*. – Вавожский; *Глаз*. – Глазовский; *Дебес*. – Дебесский; *Завьял*. – Завьяловский; *Игр*. – Игринский; *Кез*. – Кезский; *Кияс*. – Киясовский; *Можг*. – Можгинский; *М.-Пург*. – Малопургинский; *Селт*. – Селтинский; *Сюмс*. – Сюмсинский; *Увин*. – Увинский; *Шарк*. – Шарканский; *Юкам*. – Юкаменский; *Як-Б*. – Якшур-Бодьинский; *Яр*. – Ярский;

п р о ч и е: *глагол*. – глагол; *д.* – деревня; *муж.* – мужское; *нар.* – народное название; *оф.* – официальное название; *рус.* – русский; *суф.* – суффикс.

Библиографический список

- Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. 168 с.
- Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. 248 с
- Поспелов Е. М.* Национальная политика СССР и топонимия // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1992. С. 3–14.
- Словарь географических названий Удмуртской АССР / Сост. С. К. Бушмакин. М., 1980. 183 с.

Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг.: Вятская губерния. СПб., 1876. 993 с.

Список населенных пунктов Вотской автономной области. Ижевск, 1924. 418 с.

Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995. 744 с

Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 сентября 1955 г. Ижевск, 1956. 246 с.

Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 августа 1957 г. Ижевск, 1957. 228 с.

Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 июня 1965 г. Ижевск, 1965. 180 с.

Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 июля 1972 г. Ижевск, 1972. 148 с.

Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1980 г. Ижевск, 1980. 144 с.

Г. Ю. Кожевин (*Сыктывкар*)

Указательное и посессивное значения лично-притяжательных суффиксов современного коми языка

Одним из основных способов выражения посессивности в современном коми языке является грамматическая категория лично-притяжательности имен существительных. Как и в удмуртском языке, она состоит из шести грамматических форм, в составе которых лично-притяжательные суффиксы имеют значение указания на лицо, которому относится предмет, выраженный основой словоформы. Лицо, к которому относится предмет, зачастую называют “обладателем”, “посессором” (коми “асалысь”), предмет, выраженный основой той или иной формы, – “обладанное” (коми “асалана”). Для суффикса 1-го л. ед. ч. *-ой* лицом-обладателем является сам говорящий, для суффикса 2-го л. ед. ч. *-ыд* – лицо-собеседник, 3-го л. ед. ч. *-ыс* – лицо или предмет, о котором идет речь. Во мн. числе значения рассматриваемых суффиксов подобны ед. числу, только указывают они не на единичного, а на коллективного обладателя: для *-ным* – это сами говорящие, для *-ныд* – лица, к которым обращается говорящий, для *-ныс* –

лица или предметы, о которых идет речь. Суффиксы 2-го и 3-го лл. ед. ч. в составе имен существительных зачастую имеют значение указания не на лицо (предмет) – посессора, а собственно на предмет, выраженный основой словоформы или на предмет, обозначенный в контексте линейно предшествующем данной словоформе. В этом случае рассматриваемые суффиксы условно можно назвать указательными. Разграничить, когда эти аффиксы будут указательными, а когда притяжательными, можно только из контекста, в котором употреблена словоформа, или из лексического содержания этой словоформы. Напр.: *И кымын во нин сула-лө батъыслөн керкаыс...* (Юшк. Рп., 16) 'И сколько лет вот уже стоит дом отца...' В этом примере словоформа *керкаыс* имеет притяжательное значение, суффикс *-ыс* указывает на лицо-посессора, к кому относится предмет, причем сам посессор в данном высказывании обозначен генетивной формой существительного *батъ* 'отец'. *Керкаас кодъяско кылысны нин батъсыыс на өтдор...* (Юшк. Рп., 18) 'В доме, кроме отца, еще кто-то были слышны...' Здесь суффикс *-ыс*, а также и суффикс *-ыд*, могут иметь в зависимости от контекста и указательные, и притяжательные значения. При этом формы 2-го л. ед. ч., кроме значения указания на предмет, также совмещают и значения указания на лицо, которое словесно не называется, но грамматически посредством суффикса *-ыд* представляется как обобщенное, включающее и говорящего, и слушающего, что определяет предмет, как более близкий, хорошо знакомый собеседникам, а также придает речи непринужденность, сближает слушающего и говорящего между собой. Напр.: *Ваысь нинөм мустөм абу керкаыдлы...* (Юшк. Рп., 16) 'Хуже воды нет ничего для дома (досл. твоего дома)'. Однако данные аффиксы могут присоединяться к словам, обозначающим предмет, который не может в силу своего понятийного содержания принадлежать или относиться какому-либо определенному лицу или другому предмету. Чаще всего это слова, называющие природные явления или процессы (напр.: *шонді* 'солнце', *кымөр* 'туча', *ар* 'осень' и т. д.), понятия, отвлеченные от конкретного предмета или лица (напр.: *олөм* 'жизнь', *выльтор* 'новость', *мус-лун* 'любовь' и т. д.), предметы (живые или не живые), существующие независимо от жизнедеятельности людей (напр.: *из* 'камень', *ош* 'медведь', *пу* 'дерево' и т. д.). Примеры: *Тулысыс ню-жаліс...* *Водза-водз өдөба гызьмуніс ытва, ойдөдіс гөгөр, а сэсса*

ыркнитіс, пондіс зэрыштавны да тѡлысь чож таdzi бужгыля-
сис *поводдяыс* (Тор., 141). 'Весна растянулась... Рано начался па-
водок, повсюду поднялась вода, а потом похолодало, время от
времени шли дожди, и целый месяц была такой погода'. Правда,
нужно отметить, что в коми языке имеется явление так называе-
мой окказиональной или ситуативной посессивности, т. е. пред-
мет, не являющийся в постоянном владении посессора или вооб-
ще не могущий к нему относиться, в том или ином конкретном
случае подразумевается как принадлежащий, относящийся "обла-
дателю". Напр.: *А нятѡн лякѡсьтѡм шондѡным и збыльысь кы-*
мѡссѡ мыччис, коть и кассяна воыс, но муяс вылын и видзяс
весьтын шоньд ру паркѡ (Безн., 7). 'А измазанное грязью наше
солнце и вправду показало свое чело, хоть и високосный год, но
над пашнями и лугами теплый пар струится'. Здесь лично-притя-
жательный суффикс *-ным* употреблен со словом *шондѡ* 'солнце',
которое в силу своего значения не может вообще относиться ка-
кому-либо предмету или лицу. В данном случае мы имеем дело с
употреблением лично-притяжательного суффикса в непривыч-
ных, необычных условиях, хотя в данном определенном случае
вполне приемлемых.

Иногда указательные суффиксы выступают в качестве ука-
зывающих на то, что предмет, выраженный основной словофор-
мы, был уже назван или описан в предыдущем контексте и
таким образом через указание на ранее обозначенный предмет
или описание этого предмета связывают называемое с уже на-
званным. Напр.: *Аддзысьѡм-висьтасьѡм бѡрын, кыдз да мый вѡ-*
равсьѡ, Онтон Иван да батьыс пуксьѡмѡн на сзэся варови-
тісны. Онтон Иваныс корис пуксьынысѡ: сѣрни пѡ эм (Юшк.
Рп., 51). 'После встречи и разговора о том, как охота идет, Он-
тон Иван и отец продолжили разговаривать сидя. Сесть-то
Онтон Иван попросил: разговор, мол, есть'. *А сэтѡн Камар да*
нѡшта кыкѡныс, кодъяс чужъявлісны сійѡс, ветельяс сѡвтісны
кузьмѡс пайгѡс пыжѡ (Юшк. Б., 8). 'А там Камар и еще те двое,
которые били его, мережи клали в длинноватую мелкодонную
лодку'. В обоих примерах суффикс *-ыс* обозначает то, что ранее
в тексте лица, выраженные основами словоформ, уже были на-
званы или описаны. Причем в первом примере лицо называется
непосредственно в предыдущем предложении, а во втором
значительно раньше, в тексте, поэтому автор и приводит еще

дополнительно изъяснительное придаточное предложение, поясняющее словоформу с указательным суффиксом, чтобы читатель вспомнил ту ситуацию, где были описаны или названы эти лица.

Итак, в данном и подобном случаях указательные суффиксы обозначают дейксис на предмет, названный ранее в контексте, обеспечивая семантическую связанность в нем, устанавливая анафорическую связь между двумя выражениями, относящимися к одному и тому же референту.

Но все же более распространены в коми языке формы с такими указательными суффиксами, которые обозначают указание на реально присутствующий в данной речевой ситуации, хотя и не обозначенный контекстуально, предмет или объект, который при этом известен, знаком обоим собеседникам, напр.: *Но нужсё абу кыза уськёдöма, муртса пышыналöма му веркёссё лов гён кодь еджыдён* (Юшк. Рп., 3). 'Но иней не густо проступил, лишь слегка покрыл поверхность земли белизной, похожей на пух'. Однако, в коми языке часто можно встретить такие предложения, где слово в неопределенной форме способно принимать в свой состав указательный суффикс, это подтверждает кореферентность в определенной речевой ситуации форм с указательным суффиксом и тех же форм без такового, напр.: *Кыза нин эжмём да тöзь турунён тырём пос вывтi Проко Васька вуджис шор мөдарё... кыпöдчис яг сибöдö* (Юшк. Рп., 5). 'По густо заросшему травой и лабазником мосту Проко Васька перешел на другую сторону ручья... поднялся к сосняку'. В этом предложении, не нарушая его смысла, вполне можно заменить, скажем, словоформу *пос вывтi* 'по мосту' на *пос вывтiыс* 'по мосту'. Данный факт означает то, что тип референции, в нашем случае это простое именование, с одной стороны, и указание, с другой, зачастую выбирает сам говорящий в зависимости от цели или условий коммуникации, к примеру, сравните высказывания: *шондi лэччис* 'солнце опустилось' и *шондiыс лэччис* 'солнце опустилось'. В первом случае говорящему важно подчеркнуть, что произошли с предметом (или что утверждается о нём), во втором – сам процесс действия. Однако, в коми языке отчетливо выявляется закономерность при актуальном членении предложения новое, рему обозначать неоформленным именем, известное, знакомое – оформлением указательным суффиксом, напр.: *Да и сындыс быттьокö сувтöма, ньöти көртём лöма сөстöмысла* (Юшк. Рп., 3). 'Да и воздух словно остановился, от своей чистоты

стал без запаха'. В этом примере форма с указательным суффиксом *сынõдыс* 'воздух' выступает в коммуникативной структуре предложения в качестве темы, известного. Сравним сказанное с такими предложениями: *Он õд, буракõ, вòсылав ас шодйõн, кор кузялаыс розь жервидзõ да корõг торвидзõ...* (Юшк. Рп., 4). 'Ведь не сможешь идти свободно, когда на протяжении всей дороги зияют дыры и торчат мерзлые комья грязи'. *Регыд мысти гажса битур весьтын õшаліс нин пусян пõрт* (Юхн. Ал., 82). Через некоторое время над веселым костром уже висел котел для варки'. Здесь неформленные имена *розь* 'дыры', *корõг* 'мерзлые комья грязи', *пусян пõрт* 'котел для варки' являются ремой, несут в себе основное содержание сообщения. Если в качестве ремы выступает форма с указательным суффиксом, тогда этот суффикс несет анафорическую функцию: отсылает читателя или слушающего к линейно предшествующей ситуации или высказыванию, где говорится о данном объекте, референте, напр.: *Пугрõдлысь рытя тõлыс на, тыдалõ, шупõдõма ывласьыс улиссõ...* (Юшк. Рп., 3). 'Порывистый вечерний ветер, видимо, подсушил уличную сырость'. В этом примере форма с указательным суффиксом *тõлыс* 'ветер' является ремой в коммуникативной структуре предложения, а собственно указательный суффикс отсылает читателя к предшествующей ситуации, т. е. к той, где говорится (или подразумевается), что вечером дул порывистый ветер.

Указательное и посессивное значения суффиксов 2-го и 3-го лл. ед. ч. *-ыд* и *-ыс* зачастую пересекаются между собой, взаимодействуя, нейтрализуя друг друга. Это происходит тогда, когда они присоединяются к словам, обозначающим предметы, способные относиться (принадлежать) к какому-либо другому предмету или лицу. Напр.: *...Ёна лõсьыд да нимкодъ сылы (Викеньлы) вõляныкысь нюжмасьыштны на гдн вольпасяс да ас кежас мõвныштны быдторйыс йылысь* (Тор., 5). 'Очень удобно и приятно ему (Викеню) полежать еще на пуховой постели и подумать про себя обо всем'. Здесь суффикс *-яс* в составе словоформы *вольпасяс* можно рассмотреть и как посессивный, и как указательный. Пересечение указательного и посессивного значений обуславливается тем, что субъект отношения (принадлежности), и описываемый предмет, выраженный основой словоформы, пересекаются в планах своего содержания; они являются объектами описания или обращения говорящего. Для суффикса 2-го лица *-ыд* подобное пересечение указательного и посессивного значений возмож-

но только при диалоге или обращённой к кому-либо речи. Напр.: *Нывка: А чер кѵ босьтам да вьльѵс [коз] кералам и? Зонка: ...Виччысьлас нѵ Вьль воыд?* (Юшков 1995: 44). 'Девочка: А если возьмем топор и новую (ель) срубим? Мальчик: ...А что же, пождет Новый год?' Здесь *-ыд* в словосочетании *Вьль воыд* можно рассмотреть и как посессивный, т. е. предмет, выраженный основой, относится лицу-собеседнику: в данном случае девочке, которая связывала этот день с какими-то своими, личными переживаниями, действиями, и как указательный: речь идет о предмете знакомом, близком и говорящему, и слушающему. Если форма с суффиксом *-ыд* встречается в монологической речи, то она, вне сомнений, является указательной, т. к. в данном акте коммуникации лицо, с которым бы осуществлялась речь, отсутствует, напр.: *Та вѵсна и дузьявлісны гозья ѳта-мѵд выланыс: ѳтиыслы бара нин коліс кытчѵкѵ мунны, да тшыглы он мун, а мѵдыслѵн кѵдзалама нин пусян пѵртыйыд ли рачыд* (Юшк. Б., 9). 'Поэтому и дулись друг на друга супруги: одному опять уже надо было идти куда-то, да на голодный желудок-то не пойдешь, а у другой уже остыли котел да сковорода'. Здесь суффикс *-ыд* в формах *пѵртыйыд*, *рачыд* имеет не посессивное, а указательное и обобщенное значение, т. к. контекстуально конкретное лицо, которому могли бы относиться предметы, выраженные основой, не названо: автор ведет повествование о 3-м лице, а суффикс *-ыд*, если отвлечься от нашего примера, несет указание на 2-е лицо, на лицо-собеседника. Однако наиболее отчетливо отнести данные суффиксы к посессивному или указательному можно только из контекста. Причем, если о предмете в том или ином случае говорят как об объекте отношения конкретному субъекту, подразумеваемому или называемому, а указание на лицо указательно-притяжательного суффикса соотносится с этим субъектом, то в этом случае суффикс *-ыд* или *-ыс* будет посессивным. Если такого соотношения нет, то суффикс указательный. Например: *Промыс нуны ѳти арѵ Батьыс мѵдѵдчис со карѵ. Сійѵ пияныслы шуѵ: "Сьѵрсьым вузѵс уна нуа"* (Лыт., 177). 'Одной осенью отец отправился в город продавать добычу. Он сказал своим сыновьям: "С собой везу много товара"'. В словоформе *батьыс* суффикс *-ыс* будет указательным, т. к. обозначенное лицо не соотносится с реальным посессором; здесь отец будет таковым для всех трех (по контексту) сыновей, а не только одному из них, как можно было бы предположить из суффикса *-ыс*. А в словоформе *пияныслы* 'своим сыно-

вьям' суффикс *-ыс* соответствует посессору *бать* 'отец'. Сказанное будет справедливым и для суффикса 1-го л. ед. ч. в винительном падеже *-ös*, который формально совпадает с суффиксом *-ös* винительного падежа неопределенного склонения имен существительных; разграничить их значения также можно только из контекста. Напр.: *Меным охота вöлі медбörьяысь висьтавыны вöвлöм капитанлы сы йылысь ассьым думьясьös* (Тор., 138). 'Мне хотелось в последний раз раскрыть свои мысли о нём бывшему капитану'. В этом примере суффикс *-ös* посессивный, т. к. соотносится с лицом-автором сообщения, высказывания. *Лямна шуньгö... Рытыввылö кутш моз тюлö, Куим вокös вайö гортас Важöн кольöм бать-мам ордас* (Лыт., 185). 'Лыжи скользят... На запад несутся как орёл, трех братьев везут домой к давно уже покинутому отцу и матери'. Здесь указание на лицо не соответствует субъекту высказывания: речь идет от лица, лишь опосредованно участвующему в акте коммуникации. Если лексическое значение слова, в составе которого употреблен суффикс *-ыд* или *-ыс*, является неотделимой частью субъекта отношения, то тогда эти суффиксы будут всегда посессивными, напр.: *Вöлöмакö, Елиса, кыкнан кинас мыджсьöмön, чеччöдис асьсö еджыд ялаа рöчтор вылысь* (Юшков 1983: 5). 'Оказывается, Елиса, двумя своими руками опершись о землю, прыгнула (досл. заставила себя прыгнуть) с небольшого, покрытого ягелем, пригорка'.

Итак, в коми языке лично-притяжательные суффиксы в составе имен существительных могут нести указательные или посессивные значения, разграничить их можно только лишь из контекста или из лексического значения того слова, с которым они употребляются. Указательные суффиксы могут обозначать дейкис — на собственно предмет, выраженный основой слова или на обозначение этого предмета в предыдущем контексте. Указательными суффиксами обычно (но не всегда) оформляются те слова, которые выступают при коммуникативном членении предложения в качестве темы, известного, а не оформленные имена — ремы.

Условные сокращения источников

Безн. — В. Безносиков. Культурный морт // Войвыв кодзув. 1980. № 8. 6–10-öд лб.

Лыт. — В. И. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му. Сыктывкар, 1985. 255 лб.

Тор. – И. Г. Торопов. Оштӧ эн лый кыкысь. Сыктывкар, 1995. 350 лб.

Юхн. Ал. – В. В. Юхнин. Алӧй лента. Сыктывкар, 1955. 368 лб.

Юшк. Рп. – Г. А. Юшков. Рӧдвуж пас. Сыктывкар, 1988. 431 лб.

Юшк. Б. – Г. А. Юшков. Бива // Войвыв кодзув. 1996. № 4. 6–25-ӧд лб.

Н. В. Кондратьева (Ижевск)

Особенности выражения прямого объекта в удмуртском языке в зависимости от характера глагола объекта

В современном удмуртском языке выражение прямого объекта осуществляется как морфологическим, так и синтаксическим (когда объект морфологически совпадает с формой номинатива, но, как правило, занимает препозицию переходного глагола) способами. Альтернатива выбора между ними в лингвистике до сих пор, к сожалению, сводится лишь к определению дефинитности/индефинитности прямого объекта: “Существительные в винительном падеже, обозначающие определенные прямые объекты, употребляются в форме -эз (-ез) в единственном числе и в форме -ты или -ыз во множественном числе. Существительные в винительном падеже, выражающие прямые объекты без указания на их определенность, имеют нулевую форму” [Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. С. 93.].

Однако анализ языкового материала не может полностью подтвердить данное высказывание: имеется ряд примеров, когда неоформленный винительный падеж может указывать на вполне определенный и конкретный объект и, напротив, маркированные формы – на неопределенные, неизвестные объекты. Более того, имеются случаи, когда некая словоформа может управлять объектами, выраженными одновременно и маркированными и немаркированными аккузативными формами, стоящими в одном и том же ряду однородных членов, напр.: *Тол куазен Миша котьку пыртэ вал доре пужым лыс, нош сӧзьыл – горд тиштьсь палэзь вайӧсты*. ‘Зимой Миша всегда заносил в дом сосновые ветки, а осенью – светящиеся багрянцем рябиновые ветки’.

Учитывая вышеизложенное, становится ясным, что наличие лишь одного критерия для распределения аккузативных показате-

лей в удмуртском языке явно не достаточно. В таком случае в качестве вспомогательного фактора можно принять учет внутренней семантики переходных глаголов. В частности, доминирование маркированных форм аккузатива наблюдается:

1) при наличии в семантике глагола конечного результата действия (*согыны* 'засыпать', *йоданы* 'намазать йодом', *пыдэз коттыны* 'промочить ноги', *пачкатыны* 'задавить, раздавить' и др.);

2) при отражении семантикой глагола внутреннего состояния человека либо его оценки окружающей действительности (*гажаны* 'уважать', *ужез яратыны* 'любить труд', *пересьёсыз жаланы* 'жалеть престарелых' и т. д.);

3) также при выражении когнитивных, перцептивных и физиологических процессов (*валаны* 'понимать', *малпаны* 'думать, вспоминать', *маялтыны* 'погладить' и др.).

Глаголы, управляющие преимущественно немаркированной формой винительного падежа, актуализируют не столько конечный результат, сколько контролируют весь процесс протекания действия. В частности, они характеризуются следующими семантическими отношениями:

1) действие выступает как род занятия (профессия), либо как многократно повторяющийся процесс (*вурыны* 'шить', *бичаны* 'собирать', *сюдыны* 'кормить', *керттыны* 'вязать' и т. д.). Следует заметить, что в данном случае объект выражается преимущественно единственным числом даже при обозначении множественности объекта (*пудо вордыны* 'разводить скот', *бакча сиён будэтыны* 'выращивать овощи', букв. 'выращивать овощ', *курег возыны* 'разводить/держат куриц', букв. 'разводить курицу' и т. д.);

2) дистрибуция немаркированных форм винительного падежа доминирует также в тех случаях, когда действие направлено на абстрактные предметы и явления: *Со оске, тутыгыш вузкаронын удалтон вае шуыса*. 'Он верит/надеется, что павлин в торговле приносит удачу'.

Следует однако учесть, что соотнесение всех переходных глаголов к тем или иным лексико-семантическим группам практически невозможно. В этом случае альтернатива выбора показателя прямого объекта обеспечивается ролью центра сообщения, актуализирующего:

а) определенность/неопределенность: *Мон газет лыдзисько*. 'Я читаю газету'. *Мон толло газетзз лыдзисько*. 'Я читаю вчерашнюю газету';

б) тотальность/парциальность: *Мон жэукез сиш*. 'Я съел кашу' (предполагается, что съел всю кашу). *Мон жэук сиш*. 'Я съел кашу';

в) результативность/ирезультативность: *Жытазе мон дорысь ужез лэсьтыса пуки*. 'Вечером я сидел и делал домашнее задание (предполагается, что сделал до конца)'. *Жытазе мон дорысь уж лэсьтыса пуки*. 'Вечером я сидел и делал домашнее задание';

г) одушевленность/неодушевленность: *Мон урамысь лек пуньез адзи*. 'На улице я увидел злую собаку'. *Мон урамысь чебер корка адзи*. 'На улице я увидел красивый дом'.

Таким образом, употребление маркированного/немаркированного прямого объекта в современном удмуртском языке определяется компромиссом между лексико-семантической характеристикой переходного глагола, синтаксической структурой предложения и его принадлежностью к микро- и макроконтэкстам.

А. Н. Куклин (Йошкар-Ола)

Субстратная топонимия Волго-Камья

Проблема субстрата в топонимии Волго-Камья привлекает внимание лингвистов с давних времён [Куклин 1990: 118–123]. Причём, неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных учёных в определении субстратных элементов в топонимии северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались последующими исследователями или же вообще опровергались некоторыми из них [Европеусъ 1868; 1872; 1874; Попов 1926; Теплоухов 1924; 1960; Kannisto 1927; Вишневский 1960; Петровых 1960; Матвеев 1961; Туркин 1967; Галкин 1991; и др.].

Сам факт наличия субстратного пласта в топонимии Поволжско-Приуральского историко-географического региона не отрицается современными исследователями, и это не удивительно, ибо эта проблема неизменно оказывается прямо или косвенно связанной с многочисленными вопросами как этнического, так и лингвистического характера [Куклин 1993: 44–54]. Как свидетельству-

ет ретроспективный анализ этнолингвистической карты Урало-Поволжья, в его пределах в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации разнородных этнокультурных элементов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этноисторические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на топонимиконе региона, характеризующегося сложностью своего формирования, состоящего из накладывающихся друг на друга топонимических пластов [Куклин 1995: 30],

Субстратный (нижний) слой, именуемый уральским, был создан племенами, говорившими на каком-то угро-самодийском языке. Показателен в этом отношении, напр., фонетический облик гидронимов-комполит северной и средней полосы Восточной Европы: *Сивашур* – р., прав. приток р. Камы (Воткинск. р-н Удмуртии), *Синерь* (Мамадышск. уезд Казанск. губ.) [Список 1866], *Сиялей* (Инсарск. р-н Мордовии), *Сия* (Пинежск. р-н Архангельск. обл.) [Сими́на 1962: 96], *Сия* – р., приток р. Косы [Кривощёкова-Гантман 1968: 30], *Шия* – р., прав. приток р. Вятки (Мамадышск. р-н Татарстана).

Параллельные образования типа *Сишур* // *Шишур*, *Синерь* // *Шинер*, *Сия* // *Шия* наталкивают на мысль о том, что они генетически родственны. Представляется, однако, что тополексема *с'и* является более древней, восходящей к уральскому источнику, ср., напр., ненецкое слово *сэ* 'проток, протока; река, вытекающая из озера'. Гидролексема *ши* представляет собой позднейшую инновацию. Констатируя звукопереход **с > ш* и междиалектное их варьирование в разных финно-угорских, а также в тюркских языках Волго-Камья, многие исследователи утверждают о существовании в прошлом некоторых общих для них законов развития. Возникновение этой закономерности, по их мнению, было обусловлено болгарским языком, оказавшим огромное влияние на развитие языков Поволжья и Приуралья в период своего существования (VII–XIII вв.) [Тепляшина 1970: 138]. Постпозитивные компоненты указанных гидронимов-комполит восходят к разным финно-угорским языкам: *-ва*, *-шур* – к пермским, *-нер* – марийскому, *-я* – мансийскому, *-лей* – мордовским. Все они имеют значение 'река, речка'. Следовательно, образования такого типа наполнены смысловым содержанием 'река-река' или 'проточная

(речная) вода'. Топонимы Пинежья на *-j(a)*, по мнению Г. Я. Симиной [1962: 96], служат обычно названиями ручьев и мелких лесных речек. На этом фоне она приводит одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: "В названиях рек *Кия*, *Оя* и т. д. отделяется *-я* как русская добавка. Языки, из которых эти термины заимствованы (селькупский, тюркские, кетский), имеют эти названия в форме *Ки*, *О*, *Те* и т. д. При введении нерусских названий рек в русский язык они приспособляются к морфологической системе последнего..." [Симиная 1962: 96–97].

Нельзя не заметить в этой связи, что часть гидронимов Пинежья на *-я* относится к разряду привнесенных. Они не претерпели существенной модификации на почве диалектов русского языка. К их числу относится и гидроним *Сия*. Об этом довольно красноречиво свидетельствует речное название *Турья* (Пинежск. р-н Архангельск. обл.), распространенное как на Среднем и Северном Урале к югу от Ивделя, так и Среднем Поволжье.

Такое мнение будет убедительным, если сравнить гидронимические параллели Южной Сибири и Среднего Поволжья, ср., напр.: *Ока*, р. в Восточной Европе, пр. приток р. Волга ~ *Ока*, р., впадающая в Братское вдхр., Бурятия, Иркутск. обл; *Селенга*, р., приток р. Кичменьга, впадающей в р. Юг ~ *Селенга*, р. в Монголии, Бурятия, впадающая в оз. Байкал и др. [Ку克林 1995: 90]. Взаимное родство отдельных гидронимов более отчетливо прослеживается на территории Волго-Камья, ср., напр., идентичные или сходные в фонетическом оформлении названия Костромской области и Марий Эл: *Немда* – лев. приток р. Волги (Костр. обл.) и пр. приток р. Вятки (Мар. Эл и Киров. обл.), *Шуя* – лев. приток р. Большой Какши (Костр. обл.) и *Шуй* – пр. приток р. Шукшан (Мар. Эл).

В топонимиконе Европейского Северо-Востока имеется небольшое число гидронимов, образованных при помощи суффиксов *-а*, *-я*, характеризующих объект наличием того, что названо производящим словом. Так, А. К. Матвеев, анализируя статью финского ученого А. Каннисто "О прежних местах расселения вогулов (устарелое название манси. – А. К.) по данным топонимии", пришел к выводу, что "формант" *я* мог возникнуть на русской почве при переработке коми-зырянских гидронимов на *ю* 'река' или даже непосредственно восходить к коми языку, где *-а*, *-я* – суффикс обладания, ср., напр., гидроним *Бадья* (бассейн Вычегды) не имеет никакого отношения к мансийскому языку, а связан с коми *бадь* 'ива' [Матвеев 1985: 35].

Следует однако учитывать, что словообразовательный анализ топонимов без определения их языковой принадлежности и реконструкции архетипов является весьма относительной, а в большинстве случаев предвзятой или неверной.

Установить языковую принадлежность субстратной тополеми возможно лишь на основе воссоздания языковой реальности прошлого региона. Причём, гипотетически восстанавливаемая этническая карта должна подтверждаться археологическими, палеоантропологическими и иными данными, которые не только не противоречили бы друг другу, а находились бы в отношениях взаимной дополнительности. О степени достоверности реконструированного архетипа можно судить лишь в том случае, если его смысловое содержание соответствует физико-географическим реалиям. Если же восстановленный архетип в фонетическом отношении достраивается в цепочку омонимичных адстратных топонимов, то перед исследователем возникают новые вопросы вплоть до анализа синхронных и диахронных взаимоотношений родственных и контактирующих языков и их диалектов. Создавшуюся дилемму в определённой степени можно преодолеть лишь при выяснении направлений развития апеллятивной лексики в исследуемых языках. Причём, выяснение вопросов совпадения или расхождения значений сопоставляемых тополеми, этимологически восходящих к лексическим данным языка-основы или являющихся гетерогенными омонимичными образованиями, в первую очередь зависит от решения таких узловых моментов, как изыскания в области типологии слова в языке или первоисточнике и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексики в сопоставляемых языках и их диалектах в разные диахронические срезы их функционирования.

Топонимисту-этимологу при этом нередко приходится возвращаться к предыдущим этапам своего исследования или же к работам других ономастов с тем, чтобы внести в них определённые коррективы (как частные, так и существенные), основанные на выводах более поздних ступеней изысканий.

Интересными примерами в этом отношении являются отгидронимные ойконимы *Малый Сундырь* (марГ. *Изи Шындёр*) и *Шиньрьялы* (марГ. *Шындёрйал*) Горномарийск. р-на Мар. Эл, а также *Большой Сундырь* (Моргаушск. и Ядринск. р-нов Чувашии), *Старый Сундырь*, *Полевой Сундырь* (Комсомольск. р-на Чувашии). Так, марийский топонимист И. С. Галкин слово *Сундырь* (*Шын-*

дйр) в указанных названиях селений расчленяет на два компонента: *Сун* (*Шун*) – гидроним + *тйр* 'край, берег', интерпретируя его смысловое содержание как 'Берег реки Сун (Шун)'. Гидроним *Сун* этимологически связывая с марийской лексемой *шун* 'глина', он заключает, что *Сундырь* (*Шйндйр*) имеет значение 'На берегу глинистой реки', а ойконим *Шйндйрйял* (*Шйн* < *Шун* + *тйр* + *йял*) – 'Деревня на берегу Шйн < Шун' [Галкин 1991: 115–116].

Однако такая трактовка находится на грани "народной этимологии" и напоминает случайные предположения, основанные на чисто внешнем сходстве сравниваемых слов и на переосмыслении по аналогии. Кроме того, у версии о марийском происхождении гидронима *Сун* есть свои слабые стороны. Она не учитывает данные этноисторических и антропологических исследований финно-угров. Так, З. П. Соколова [1982: 19], рассматривая этническую историю хантов и манси с привлечением лингвистических данных А. Каннисто, замечает, что южные манси жили в прошлом по рекам Тура (верховья) с притоками Мулгай, Тагил и Нейва, Кама, Чусовая, Сылва, Ирень, Иньва, Уфа и Буй (верховья), Печора (верховья), Сысола, Вычегда, Пинега, Мезень (верховья), Вятка, Чепца, достигая притоков Волги в р-не Козьмодемьянска (центр Горномарийск. р-н Мар. Эл. – А.К.).

На основании приведённых материалов можно говорить о тесных культурно-исторических связях мари с какой-то частью мансийского населения. Этим объясняется, видимо, близость манси и горных мари по комплексу антропологических признаков, несмотря на их значительную нынешнюю разобщённость. Так, Г. Л. Хить [1991: 69], обобщая данные по дерматоглифике финно-угорских народов, отмечает, что луговых и горных марийцев разделяет очень небольшое расстояние (объём кожного рельефа 8,7), но первые ещё ближе к северным удмуртам (6,0), а вторые – к саамам-сколтам (2,2), ивдельским и ляпинским манси (6,1 и 8,1).

В этой связи уместно отметить, что мансийский язык может частично выступать в роли субстрата горномарийского наречия марийского языка. Исходя из этого, представляется целесообразным обратиться к поискам этимологического решения гидронима *Сундырь* исключительно на мансийских языковых данных. Как явствует из материалов угорских языков, тополексема *сун* этимологически связана с мансийским *сунт* 'устье речки' [Власова 1977: 134; Кузакова 1994: 79]. Второй компонент композиты объясняется по-

средством лексических данных горного наречия марийского языка, ср. слово *тыр*, имеющее значения 'край // крайний; берег; окраина // окраинный'. При словосложении соседствующие переднеязычные смычные слились в один звук *т*, который, оказавшись в позиции между сонантом и гласным, озвончился под ассимилятивным воздействием смычно-проходного носового *н*.

Вариант *Шындёр* является позднейшей модификацией топонима *Сундырь*. Звукопереход *у > ё* в нём продиктован палатальной гармонией гласных в результате перемещения словесного ударения на конечный слог слова. Причём, оно сохраняется на этом слоге и в новообразованиях типа *Шындёрвай* (д. Наулкино), *Шындёрийай* (д. Шиндырьялы).

Переход *с > ш* является следствием фонетических процессов, имевших место в истории марийских диалектов. Так, переход *с'* (*з'*) в *ш* (*ж*), состоявшийся в марийском языке, по мнению Д. Е. Казанцева, до XIII века, был общим для всех диалектов, кроме того, в немногих горномарийских словах *с' > ш*; после XIII века начался переход *с* (*з*) в *ш* (*ж*), весьма интенсивный в луговом, горном и северо-западном наречиях, в которых он коснулся и многочисленных слов, вошедших из чувашского языка, а также некоторых татаризмов и ранних русизмов [Казанцев 1973: 125].

Итак, анализируя топонимы *Сундырь* и *Шындёрийай* на основании этноисторических и ряда лингвистических данных, можно прийти к выводу, что первый может быть истолкован как 'Приустье', а второй – 'Деревня на приустье'.

В заключение следует отметить, что этимологические поиски "тёмных" лексем, встречающихся в топонимиконе Волго-Камья, должны быть не узколингвистическими, а широкомасштабными историко-культурными исследованиями, оперирующими данными материальной и духовной культуры родственных и неродственных соседствующих народов, с привлечением не только языковых материалов, но и данных археологии, антропологии, истории и этнографии. Лишь такого рода изыскания послужат критерием семантической надёжности этимологической интерпретации субстратных тополексем.

Библиографический список

Вишневский Б. Н. Следы угров на Западном Урале // Учёные записки. Т. XII. Вып. I: Труды Камской археологической экспедиции, вып. 3. Пермь, 1960. С. 255–269.

Власова Д. Д. Мансийские географические термины в русском употреблении на территории Кондинского р-на Тюменской области // Вопросы ономастики: Сб. статей / МВ и ССО РСФСР. Уральский гос. ун-т. Свердловск, 1977. Вып. 12. С. 131–137.

Галкин И. С. Кто и почему так назвал: Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 160 с.

Европеусъ Д. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ч. 139. С. Петербургъ, 1868. С. 55–71.

Европеусъ Д. О курганныхъ раскопкахъ около погоста Вѣжецъ въ Вѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. С. Петербургъ, 1872.

Европеусъ Д. Об угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. Санктпетербургъ, 1874. 23 с.

Казанцев Д. Е. История шелевых согласных в марийском языке // Вопросы марийского языкознания: Сб. статей. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. Вып. 3. С. 114–125.

Кривощёкова-Гантман А. С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Географические названия Прикамья (= Учёные записки Пермского гос. ун-та; Пермского отдела Географического общества Союза ССР). Пермь, 1968. № 177. С. 16–51.

Кузакова Е. А. Словарь манси (Восточный диалект) / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1994. 315 с.

Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. 3C: Sessiones sectionum: Linguistica: Vogulica, permica, ob-ugrica et samoiedica. Debrecen, 1990. С. 118–125.

Куклин А. Н. Уральская гидроексема в топонимии Волго-Камья // Вопросы марийской ономастики: Сб. статей. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 8. С. 44–54.

Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // LU. 1995. № 2 (XXXI). С. 86–99.

Куклин А. Н. Типичные недостатки в применении методов исследований при изучении лингвокраеведческого материала // Финно-угроведение. 1995. № 3–4. С. 28–37.

Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и её происхождение // Вопросы археологии Урала: Второе Уральское Археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 года: Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. I. С. 133–141.

Матвеев А. К. Топонимика Урала: Учебное пособие. Свердловск, 1985. 77 с.

Петровых Ф. И. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В. И. Лыткина) // Учёные записки Пермского гос. ун-та. Т. XII. Вып. I: Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3. Пермь, 1960. С. 275–277.

Попов А. К. вопросу о хорографии и палеозоографии Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества: Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири: Сб. Секций Землеведения и Экономической. Иркутск, 1926. Т. 49. Вып. 2. С. 131–140.

Сими́на Г. Я. Дославянская топонимия Пинежья // Вопросы географии: Географические названия. М.: Гос. изд-во географической лит., 1962. Сб. 58. С. 85–99.

Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. Москва, 1982. С. 8–47.

Список 1866 – Списокъ населённыхъ мѣстъ Россійской имперіи: Казанская губернія по свѣдѣніямъ 1859 года. Санкт-Петербургъ, 1866. Т. XIV.

Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского общества любителей естествознания. Свердловск, 1924. Т. XXXIX. С. 81–112.

Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Учёные записки Пермского гос. ун-та. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3. Пермь, 1960. С. 270–274.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 288 с.

Туркин А. И. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв. // История топонимики в СССР: Тезисы докл. / АН СССР. Московский филиал географического об-ва СССР; Ин-т русск. языка; Ин-т географии. Москва, 1967. С. 26–29.

Хить Г. Л. Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М.: Наука, 1991. С. 59–82.

Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF. 18. S. 57–89.

Об ассимиляции гласных звуков в диалектах
коми-пермяцкого языка

В системе гласных звуков в диалектах коми-пермяцкого языка наблюдаются разного рода фонетические явления, среди которых одно из наиболее интересных, малоизученных и, видимо, сравнительно недавно возникших и не получившее пока широкого распространения – ассимиляция гласных звуков. Напомним, что до недавнего времени было принято считать, что гласные звуки в пермских языках ни при каких условиях не меняют своего качества [СКЯ 1955: 35; ГСУЯ 1962: 31; КПЯ 1962: 70]. Однако, данное утверждение оказалось ошибочным. Различного рода ассимилятивные явления в системе гласных имеют место и в диалектах коми-зырянского языка, и в диалектах удмуртского языка [Сорвачева и др. 1966: 34–35; Бушмакин 1971: 11; и др.].

О качественном изменении гласных звуков в потоке речи в диалектах коми-пермяцкого языка неоднократно отмечала Р. М. Баталова [1975: 77–80; 1982: 31–38], называя данное явление либо ассимиляцией гласных звуков, либо их выравниванием по ряду и подъёму. В своих работах Р. М. Баталова отмечает, что данное явление новое в коми-пермяцких диалектах, не получившее пока широкого распространения и требующее внимательно-го наблюдения и изучения.

Здесь не хотелось бы повторяться и рассматривать аналогичные примеры, встречающиеся в опубликованных научных работах названного исследователя, тем более, что звуковые изменения в некоторых из них (примерах) нельзя, на наш взгляд, объяснять выравниванием гласных звуков по ряду и подъёму, то есть стремлением одного гласного звука в силу каких-то фонетических закономерностей быть похожим на другой по своему месту образования, напр.: *этыво* вместо лит. *эталё* 'этому', *пожым* вместо лит. *пожум* 'сосна'. Возможно, в подобного рода примерах наблюдается такая же корреспонденция гласных звуков, как и в некоторых диалектах удмуртского языка, типа: лит. *нёкы* ~ диал. *нэкы* 'сметана', лит. *куно* ~ диал. *кыно* 'гость' и т. д. [ГСУЯ 1962: 41]. Поэтому считать такую корреспонденцию уподоблением гласных звуков, на наш взгляд, будет не совсем правильным.

Рассмотрим такие примеры, в которых действительно происходит уподобление одного гласного звука другим, рядом стоящим,

причём, эта ассимиляция во многих случаях является результатом, следствием выпадения согласного звука. То есть одно фонетическое явление (выпадение согласного звука) становится предпосылкой возникновения другого — уподобления гласных звуков.

Известно, что для коми-пермяцких диалектов характерно выпадение в определённых позициях некоторых согласных, напр., звука *з* (из состава суффикса множественного числа имён существительных *-эз*), звука *в* (в взовых диалектах в интервокальном положении), звука *й* (также в интервокальном положении).

Рассмотрим случаи, когда после выпадения *з*, *в* наблюдается дальнейшая трансформация, дальнейшее фонетическое изменение слова. Отметим, что всё это происходит по довольно строгой схеме. Так, в результате исчезновения *з* из состава названного суффикса рядом могут оказаться гласные звуки *э*, *ө* (*ки-э-ө* < *ки-эз-ө* 'мои руки', *ки-э-өн* < *ки-эз-өн* 'руками', *пу-э-ө* < *пу-эз-ө* 'мои деревья', *пу-э-өн* < *пу-эз-өн* 'деревьями' и др.). В таких примерах *э* всегда будет показателем множественного числа, так как *з* выпал, а *й* ещё раньше либо выпал, либо попал под ассимиляцию, *ө* может быть показателем либо лично-притяжательного суффикса 1-го лица ед. числа, либо первым звуком суффикса творительного падежа (*-өн*), либо начальным звуком суффикса предельного падежа (*-өдз*), либо суффиксом вступительного падежа (*-ө*) и т. д. В таких случаях тут же начинает действовать процесс уподобления звуком *э* звука *ө*, и происходит прогрессивная ассимиляция (полная или частичная): *ки-э-ө* > *ки-э-э* 'мои руки', *ки-э-өн* > *ки-э-эн* 'руками', *пу-э-ө* > *пу-э-э* 'мои деревья' и т. д. Здесь следует обязательно отметить, что диалектный материал, приводимый в данной статье, не подвергался, к сожалению, анализу с помощью экспериментальной фонетики. Поэтому нет возможности с большей точностью утверждать о частичной или о полной ассимиляции идёт речь.

В северных (окраинных) диалектах коми-пермяцкого языка — в мысовском и верх-лупьинском, в отдельных говорах косинско-камского диалекта, где звук *з* из состава суффикса мн. числа имён существительных не выпадает, не происходит и уподобления гласных. Сравните: кос.-кам. *ки-эз-ө*, коч. и куд.-иньв. *ки-э-э⁶* 'мои руки', кос.-кам. *ки-эз-өн*, коч. и куд.-иньв. *ки-э-эн* и т. д.

Звукосочетание *эө* на стыке двух морфем в литературном языке встречается и при склонении личных местоимений *тэ* 'ты' и *ме* 'я', которое в диалектах также подвергается уподоблению,

напр.: лит. *тэ-өн* ~ диал. *тэ-эн* 'тобой', лит. *мэ-өн* ~ диал. *мэ-э^н* 'мною' и т. д. (здесь, как правило, частичное уподобление).

Таким образом, данное звукосочетание для речи коми-пермяков становится не свойственным, и в нём происходит качественное изменение звука *ө*, другими словами, его ассимилирует звук *э*.

Выпадение звука *в* в интервокальном положении в взовых диалектах во многих случаях также влечёт за собой другое явление фонетического характера – ассимиляцию гласных звуков. Здесь можно выделить несколько случаев:

1. Суффикс относительных имён прилагательных *-овöй* (< рус. *-овый*) после выпадения звука *в* приобретает форму *-оöй*, где звуки *о*, *ö* "не уживаются" друг с другом, и происходит прогрессивная ассимиляция, чаще полная, напр.: *пу-овöй* > *пу-ов^оöй* > *пу-оöй* > *пу-оо^й* 'деревянный', лит. *луковöй* ~ диал. *вук-оо^й* 'луковый', лит. *корт-овöй* ~ диал. *корт-оо^й* 'железный' и т. д. В эловых диалектах из состава данного суффикса *в* не выпадает, а значит и не происходит уподобления гласных. Аналогичное звукосочетание в результате выпадения *в* имело место и в других случаях, однако, оно также подверглось дальнейшему изменению, сравн.: лит. *олö* ~ в взовых диалектах *овö* > *оö* > *оо* 'он живёт'; лит. *колö* ~ в взовых диалектах *ковö* > *коö* > *коо* 'нужно, следует'; лит. *полö* ~ в взовых диалектах *повö* > *поö* > *поо* 'он боится' и т. д.

2. Звукосочетание *уы*, возникшее в результате выпадения звука *в*, также подвергается дальнейшему фонетическому изменению – прогрессивной ассимиляции, напр.: лит. *тулыс'с'а* ~ диал. *тувыс'с'а* > *тув^оыс'с'а* > *туыс'с'а* > *туус'с'а* 'весенний', лит. *улын* ~ диал. *уун* 'под' и т. д.

3. Звукосочетание *аö*, возникшее также либо в результате выпадения *в*, либо встречающееся в литературном языке на стыке двух морфем, сегодня не свойственно для речи коми-пермяков. В них, как и в рассмотренных выше примерах, наблюдается прогрессивная ассимиляция – полная или частичная. Рассмотрим несколько примеров. В эловых диалектах, а также литературном языке *пымälöмас'* ~ в взовых диалектах *пымаамас'* 'они, оказываются, вспотели'. Трансформация данной формы глагола происходила поэтапно: *пым-ал-öм-ас'* > *пым-ав-öм-ас'* > *пым-ав^о-öм-ас'* > *пым-а-öм-ас'* > *пым-а-ам-ас'*. Возьмём другой пример: лит. *мис'к-ал-öм* ~ диал. *мис'к-а-а^ом* 'вымытый'. Данная лексическая единица в взовых диалектах коми-пермяцкого языка претерпела

те же фонетические изменения, что и выше рассмотренный пример. И таких примеров можно привести очень много. Такого рода звуковые изменения в взовых диалектах сегодня являются, скорее всего, правилом, чем исключением.

Далее рассмотрим случаи, когда соседство двух гласных *a* и *ö* для литературного языка является нормой, а для диалектов оно не характерно, напр.: лит. *гудыр-а-ös'* ~ диал. *гудыр-а-ас'* 'мутные', лит. *кага-өн* ~ диал. *кага-а^он* 'ребёнком', лит. *кага-ö* ~ диал. *кага-а* 'мой ребёнок' и т. д.

Довольно часто уподобление гласных звуков наблюдается и при былом соседстве *и* и *ы*. При этом данное фонетическое явление имеет место как в взовых, так и в эловых диалектах коми-пермяцкого языка. Сравн.: лит. *шогди-ыс воём н'и* ~ диал. *шогди-и^ис воом н'и* 'пшеница-то уже созрела', лит. *шонди-ыс* ~ диал. *шонди-и^ис* 'солнце-то', лит. *ки-ыс вис'ö* ~ диал. *ки-и^ис вис'ö* 'его рука болит' и т. д.

Таким образом, ассимиляция гласных звуков коми-пермяцкого языка — довольно распространённое фонетическое явление. Во многих случаях уподобление гласных происходит в результате выпадения согласного звука (*з* или *в*). Для языка коми-пермяков становятся несвойственными такие звуко сочетания как *эö*, *оö*, *уы*, *аö*, *иы*. В словах с такими звуко сочетаниями наблюдается прогрессивная ассимиляция. Данное фонетическое явление может быть как внутри одной морфемы, так и на границе двух морфем (чаще всего), в которых (в морфемах) в результате фонетических изменений происходят преобразования и морфологического характера, когда меняется состав, форма суффикса.

Условные сокращения названий коми-пермяцких диалектов:

кос.-кам. — косинско-камский; *коч.* — кочёвский; *куд.-иньв.* — кудымкарско-иньвенский.

Библиографический список

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. 252 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки. М., 1982. 161 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средне-восточных говоров удмуртского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 376 с.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык. Кудымкар, 1962. 340 с.

Лобанова А. С. Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. Сыктывкар, 1955.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

В. М. Лудыкова (Сыктывкар)

Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке

По коммуникативной целеустановке все предложения делятся прежде всего на невопросительные и вопросительные. Последние занимают значительное место в системе любого языка, являясь одним из древних типов синтаксических конструкций.

Вопросительные предложения получили широкое развитие во всех языках, в том числе и коми. Они имеют разнообразные функции и значения. Однако такие конструкции до сих пор не нашли достаточно полного отражения в грамматиках коми и других родственных языков. Авторы большинства описательных грамматик, исследуя синтаксис простого предложения, анализируют в основном повествовательное предложение. О вопросительных же предложениях даются лишь сжатые сведения, не приводятся даже их основные структурно-семантические типы. В имеющихся работах по синтаксису коми языка традиционно выделяются собственно-вопросительные, вопросительно-побудительные, вопросительно-риторические предложения [Лудыкова 1991: 6; 1993: 19–21] и конструкции “включающие вопросительные слова” и без таких слов [СКЯ 1967: 23–24; Игушев 1980: 20–21], они подробно не анализируются. В грамматике удмуртского языка кроме собственно-вопросительных, вопросительно-побудительных и риторических приводятся еще вопросительно-утвердительные и вопросительно-отрицательные предложения [ГСУЯ 1970: 26–28]. Ю. С. Юфкин [1988: 94–101] в мокша-мордовском и удмуртском языках выделяет общевопросительные и частновопросительные предложения. Такую же классификацию вопросительных предло-

жений карельского языка дает В. П. Федотова [1990: 25–27]. Согласно точки зрения К. Е. Майтинской [1960: 112–114], вопросительные предложения бывают (а) без местоимений и местоименных наречий, (б) без вопросительных слов, но с вопросительной частицей, (в) с вопросительными словами и наречиями.

Но ни одна из приведенных классификаций не охватывает все многообразие функций и семантики вопросительных предложений.

В данной статье будет сделана попытка дать классификацию таких предложений коми языка с учетом их семантики и функций.

Назначение вопросительных предложений любого языка — это запрос информации. С помощью таких конструкций коммуникант выражает свое стремление узнать что-либо, получить новые знания, информацию, которой он не обладает, а также желание удостовериться в чем-либо. Такими конструкциями говорящий определенным образом воздействует на собеседника, который спрашивающему обязательно должен дать ответ-утверждение, согласие, отрицание, несогласие, уточнение и т. п. Выражение собственного вопроса, на который должен быть дан ответ, является первичной функцией вопросительных предложений.

Основной функцией вопросительных предложений коми языка также является запрос информации, выражение вопроса, на который собеседник обязан дать ответ.

Коммуникант определенной информацией может обладать в разной степени, ему может быть неизвестна ситуация в целом или же только какая-либо отдельная сторона известной в целом ситуации. В зависимости от этого цель задаваемого вопроса бывает также разной: спрашивающий стремится узнать о событии в целом или же только о частном аспекте. В соответствии с этим предложения можно разделить на общевопросительные и частновопросительные.

Первые из них используются тогда, когда цель коммуниканта состоит в том, чтобы узнать о речевой ситуации в целом. Спрашивающий в момент, когда он задает вопрос, не знает, не предполагает, будет ли ответ собеседника утвердительным или отрицательным. В зависимости от конкретных условий, обстоятельств и т. п. ответ на общий вопрос может быть и тем, и другим. Ответ может состоять только из одного слова, указывающего на подтверждение, согласие или несогласие, отрицание. В коми языке такими словами будут, напр., *да* 'да', *абу* 'нет', *ог* 'не (я)', *огй* 'не (мы)',

эг 'не (я)', эгöй 'не (мы)', оз, эз 'не (он, они)', в удмуртском – *бен, озьы 'да', уг, уд, уз, ум, эн 'не'* и др. Но ответ собеседника может быть выражен и полнозначными словами. Общевопросительные предложения образуются из повествовательных с помощью особой интонации. Именно интонация является главным признаком, отличающим названные конструкции: *Позяс пуксьыны. 'Можно сесть' – Позяс пуксьыны? 'Можно сесть?' Ывлаас шоныд. 'На улице тепло' – Ывлаас шоныд? 'На улице тепло?'*

Для обозначения вопросов такого типа в лингвистической литературе встречается термин *zero-вопросы* [Рестан 1969: 30].

В таких предложениях возможны частицы, которые служат для выражения общего вопроса, но не являются членами предложения. Они выделяют актуализируемое слово в вопросительной конструкции и стоят после этого слова. В коми литературном языке данное значение имеет частица *-ö 'ли'*, в диалектах такими являются частицы *э 'ли', я 'ли', о 'ли'* (в верхневычегодском), *эм, ам 'ли'* (в ижемском), *а 'ли'* (удорском и верхневычегодском) и т. п.: *Он-ö вись? 'Не болеешь ли?'; Оз-ö позь петавлыны недыр кешлö? 'Нельзя ли выйти ненадолго?' Бурбсь-ö тэнад ёртъясыд? 'Хорошие ли твои друзья?'; Колö-о тайö отыс тэныд? 'Нужен ли тебе этот платок?' [УД 1990: 94]; Позе-эм сы вылö ыштыны? 'Можно ли зариться на него?' [ИД 1976: 114]; Сапог паччер шöрин эм-э абу? 'Есть ли валенки на печке?' [ВВД 1966: 124].*

Частица *а 'ли'* имеется также в удмуртском языке, кроме того, в этом значении здесь употребляется частица *шат 'ли, разве'*: *Вет-лйд-а тон клубе? 'Ходил ли ты в клуб?' [ГСУЯ 1970: 27].* В общевопросительных предложениях близкородственного коми-пермяцкого языка используется частица *я 'ли'*, которая распространена и верхневычегодском диалекте коми языка: *Ой тö морт! Менчим вöв эн я аддзив? 'Эй ты, человек! Мою лошадь не видал-ли?'; Тö ошъезöс аддзивин я? 'Ты медведей видал ли?' [Рогов 1860: 140].*

В общевопросительных предложениях могут быть и частицы *но 'разве', öмöй 'неужели, разве', неужели 'неужели'* и т. п. Они вносят в предложение модальное значение удивления, сомнения, недоверия: *Он öмöй на тэ тöд та йылысь? 'Разве ты еще не знаешь об этом?'; Он öмöй талун мун удж вылад? 'Разве не идешь сегодня ты на работу?'; Неужели тэ некöр на эн аддзыв сйöс? 'Неужели ты его еще никогда не видел?'*

В диалектах такое значение имеют частицы *нэ 'разве', эмöй 'разве, неужели'* (в ижемском диалекте), *ом, олуй, öлуй 'разве,*

неужели' (удорском), *мыййа* 'разве' (среднесыольском), *разь*, *мой* 'разве' (лузско-летском) и т. п.: *Тан-ой вöлiн?* 'Разве ты здесь был?'; *Аб-ом жаль йшлöмьд?* [УД 1990: 94] 'Разве не жалко детей?' *Воин эмый нин?* [ИД 1976: 114] 'Разве ты уже пришел?'; *Он разве пылсьö?* [ЛЛД 1985: 108] 'Разве не будете мыться в бане?'; *Тэ мой сэн вöлiн?* 'Разве ты был там?'

В коми-пермяцком языке для выражения данного значения вопросительных предложений используется частица *разь* 'разве': *Мунам вуграсьны. – Кин-кö разь кокавö?* 'Пойдем удить. – Кто-то разве клюет?' [Рогов 1860: 140].

По способу выражения вопроса такие предложения являются неместоименными.

Коммуниканту может быть известна ситуация в целом, но он не знает частных аспектов этой ситуации. И с целью выяснения отдельных сторон события он задает вопрос собеседнику. Такие вопросы являются частными. Для оформления вопросов подобного типа используются специальные вопросительные слова, местоимения или наречия. Такими являются, напр., *кодi* 'кто', *мый* 'что', *мыйöн* 'чем', *мыйла* 'зачем, почему', *кöнi* 'где', *кытчö* 'куда', *кытысь*, *кысь* 'откуда', *кутшöм* 'какой, какая, какое', *кутшöма* 'как', *кор* 'когда' и т. п. Собеседник также обязан дать ответ на такие вопросы, как и на общие, и его ответ зависит от семантики конкретного слова или словосочетания, заключающего в себе вопрос. Частновопросительные предложения требуют ответа, состоящего из предложения: *Кор тэ локтiн гортад?* 'Когда ты пришел домой?' – *Рытын* или *Рытнас локтi*. 'Вечером' или 'Вечером пришел (я)'. На некоторые частные вопросы, типа *Кыдзи нин олан-вылан?* 'Как уже поживаешь?', *Мый нö лои?* 'Что же случилось?' и т. п., могут быть даны развернутые ответы, состоящие из нескольких предложений, минитекста.

Частновопросительные предложения могут быть средством выяснения коммуникантом места, направления действия: *А тэ кытчö, Мишка, ветлiн?* [Юхн., 35] 'А ты куда, Мишка, ходил?' *А тэ кытысь, Ода, локтан?* [Юшк. Тк., 39] 'А ты, Ода, откуда идешь?' *Кöнi олöны татшöм мича нывъясыс?* 'Где живут такие красивые девушки?'

Такие предложения могут заключать вопрос о времени совершения действия, проявления признака, качества предмета: *Кор тайö сьöкыд кадыс мунас?* [Кур., 113] 'Когда уйдет это тя-

желое время?' *Кор косьян уджтё помавны?* 'Когда хочешь закончить (свою) работу?'

Частный вопрос может содержать и значение цели, причины совершения действия, проявления признака: *А нылыс мяян мыйла сэтшюма шогсьё?* [Юхн., 242] 'А дочка наша почему так грустит?' *Тэ мыйла тан?* 'Ты почему здесь?' *Сы ыджда туиссё мый керны босьтан?* 'Такой большой туес с какой целью берешь?'

В частновопросительных предложениях могут быть вопросы о качестве, свойствах предмета: *Кутшюм тэнад уджыд?* 'Какая у тебя работа?' *Кутшюм шыёдчюм гижёма сійё?* 'Какое заявление он написал?'

В таких конструкциях спрашивающий может узнавать о действиях: *Аски мый кутан вёчны?* 'Завтра что будешь делать?' *А мый ті Ухтаас сэн вёчинныд?* 'А что вы там в Ухте делали?' [Юшк. Юв., 24].

Частновопросительные конструкции могут содержать и вопрос о деятеле, лице: *Ті кодъяс?* 'Вы кто?'

Предложения, в которых для выражения вопроса используются специальные вопросительные слова, относятся к местоименным вопросительным предложениям.

У вопросительных конструкций, кроме названных, могут быть и другие, вторичные, функции. Они не всегда используются с целью получения какой-либо информации, заданный вопрос не всегда требует ответа. Это бывает, например, в тех случаях, когда коммуникант стремится сообщить собеседнику определенную информацию, свои знания, убеждения, когда он желает констатировать об общеизвестных фактах, но при этом он использует не повествовательную конструкцию, а вопросительную. Такие предложения выполняют функцию повествовательных, но в отличие от них имеют сильную эмоциональную окраску. В них в форме вопроса говорящий с большой силой утверждает о чем-либо или выражает экспрессивно окрашенное отрицание, и такой вопрос не требует ответа, т. к. он заключен в самом вопросе. Это так называемые риторические вопросы.

Характерным является то, что положительные по форме вопросительно-риторические предложения выражают отрицательные по смыслу высказывание, и наоборот, отрицательные по форме конструкции обозначают положительные по смыслу высказы-

вание: *Коді оз тōд Тист Иванōс?! (Сав., 15) 'Кто не знает Тист Ивана?! (т. е. все знают)' Кыдз нō позис вунōдны та йылысь?* 'Как же можно было забыть об этом? (т. е. никак нельзя было забывать)'

Близким к риторическим вопросам являются встречные вопросы. На вопрос спрашивающего собеседник свой ответ может дать также в форме вопроса: *Мый нō татшōм лѣк кильчōдн олан-ныд? – Код миянлы бурсō вōчас? [Юшк. Чуг., 135]* 'Почему у вас крыльцо такое плохое (букв. почему с таким плохим крыльцом живете)? – Кто нам хорошее сделает?' *А сэсся нō? Сэтчō и колин? – Мыйла коли? [Юшк. Чуг., 16]* 'А что потом? Там и оставил (товарища)? – Почему оставил?'

Коммуникант нередко вопросы задает самому себе, обращаясь к себе с вопросами, и он сам является собеседником. Такие вопросы составляют особый тип вопросов. В индоевропейской лингвистике их называют рефлексивными [Рестан 1968: 113]. Такие вопросы часто используются при выражении внутренних размышлений, раздумий, они типичны для внутреннего диалога. Рефлексивные вопросы имеют модальные значения неуверенности, сомнения, колебания, нерешительности: *Колō мыйōнкō отсавны Иль-ялы. Но кыдзи да мыйōн? Корсьны мунны? Кытчō, кодарō? [Юхн., 155]* 'Надо чем-то помочь Илье. Но как и чем? Искать пойти? Куда, в какую сторону?' *Пияныс дум вылас усины. Кōн бара ветлōны сьōлōмшōр пиянōй-а? Ловъяōсь абу нин? Воласны оз коркō? (Чист., 75)* 'Вспомнил сыновей (своих). Где уж ходят мои дорогие сыновья? Живы ли? Приедут ли когда-нибудь?'

В диалогической речи широко используется особый тип вопроса – переспрос. Собеседник прежде чем ответить на вопрос спрашивающего сначала полностью повторяет вопрос: *Тэ тōдан тайō мортсō? – Тōда-ō ме тайō мортсō? Зэв бура.* 'Ты знаешь этого человека? – Знаю ли я этого человека? Очень хорошо'. Если собеседником вопрос повторяется полностью, то обязательным элементом в таких повторах является частица -ō: *Тэ кōсьян та йылысь унджык тōдны? – Кōсья-ō ме тōдны та йылысь унджык? – Гашкō.* 'Ты хочешь знать об этом больше? – Хочу ли я знать об этом больше? – Может быть'. *Тэ скōралан ме вылō? – Скōрала-ō ме тэ вылō? – Ог.* 'Ты сердисься на меня? – Сержусь ли я на тебя? – Нет'. Если ответ на вопрос повторяется не полностью, частица -ō не употребляется: *Жалитан-ō тэ мунōм йыв-*

сьыд? – Ме? – Ог. 'Жалеешь ли ты о своем уходе? – Я? – Нет'. Вопросительные предложения такого типа также выполняют вторичные функции.

К вторичным функциям вопросительных предложений относится и функция побудительности. Коммуникант форму вопросительности может использовать для выражения просьбы, требования. В этих случаях на заданный вопрос не требуется ответа собеседника, у него реакция на вопрос должна быть в форме действия. Вопросительное предложение выполняет функцию побудительного, они являются синонимами, но вопросительные конструкции обладают большей эмоциональной выразительностью, экспрессией. Временной план таких конструкций ориентирован на будущее: *Дугданныд сэсся ниньом абусь сёрнитны?! Мудзи нин кывзынысь.* 'Перестанете в конце концов болтать ни о чем?! (Я) уже устал слушать'. *Меным билетсь тшотш ньобан?* 'Мне билет тоже купишь?'

Для выражения просьбы в более мягкой форме могут быть употреблены модальные вводные слова со значением предположения, неуверенности (*гашкё, может* 'может' и т. п.), отрицательный глагол с частицей *-ö* (он-ö): *Гашкё, тыралан рытнас ме дорö?* 'Может, зайдешь вечером ко мне?' *Он-ö тырав рытнас ме дорö?* 'Не зайдешь ли вечером ко мне?' В коми языке вопросительные предложения могут употребляться в специфической функции, они могут выражать приветствие.

Можно привести и другие вторичные функции вопросительных предложений коми языка.

Предложенная здесь классификация требует дальнейшей разработки. Необходимо также детальное исследование структуры вопросительных конструкций в целом, средств выражения неизвестного в вопросе и т. д.

Условные сокращения источников

ВВД 1966 – В. А. Сорвачева и др. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

ИД 1976 – М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Кур. – И. А. Куратов. Менам муза. Сыктывкар, 1979.

ЛЛД 1985 – Т. И. Жилина. Лузско-летский диалект коми языка. Сыктывкар, 1985.

- Сав. – В. Савин. Луча // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. 15–26-ӧд лб.*
УД 1990 – В. А. Сорвачева, Л. М. Безноскова. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990.
Юхн. – В. Юхнин. Алӧй лента. Сыктывкар, 1981.
Юшк. Юв. – Г. Юшков. Югӧд вой, кӧка вой. Сыктывкар, 1975.
Юшк. Чуг. – Г. Юшков. Чугра. Сыктывкар, 1981.
Юшк. Тк. – Г. Юшков. Тури козин // Войвыв кодзув. 1996. № 8. 31–57-ӧд лб.
Чист. – В. Чисталев. Менам гора тулыс. Сыктывкар, 1980.

Библиографический список

- ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970.*
Игушев Е. А. Современный коми язык (синтаксис): Учебное пособие. Сыктывкар, 1980.
Лудыкова В. М. Коми кывйын прӧстой сёрникузя. Сыктывкар, 1991.
Лудыкова В. М. Ӧнія коми кывлӧн синтаксис. I юкӧн. Кывтэчас да прӧстой сёрникузя. Сыктывкар, 1993.
Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. III: Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Oslo – Bergen – Tromsø, 1968.
Рогов Н. Опыт грамматики пермяцкого языка. С.-Петербург, 1860.
Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990.
Юфкин Ю. С. К проблеме категории вопросительности в мокшанском языке // Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1988. С. 61–68.

С. А. Максимов (Ижевск)

Коми-пермяцко-удмуртские лексические параллели

Вопроса ареальных языковых явлений в пермских языках так или иначе касались многие учёные, занимавшиеся пермской филологией. Но обстоятельных работ, посвящённых названной проблеме, немного. Среди них в первую очередь необходимо назвать мо-

нографию Р. М. Баталовой "Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки)" [Баталова 1982], где рассматриваются различные языковые явления двух коми языков с точки зрения их территориального распространения. В одной из работ Т. И. Тепляшиной [1979], посвящённой лексическим коми-удмуртским соприкосновениям, приводятся примеры локально ограниченного употребления общепермских слов и их форм во всех трёх пермских языках. Имеется статья С. К. Белых [1995], в которой в ареальном аспекте рассматриваются некоторые фонетические и морфологические элементы пермских языков. Учёными отмечается наличие в коми-пермяцком и удмуртском языках общих элементов, которых нет в коми-зырянском. Так, Р. М. Баталова [1967], исследуя лексику двух рукописных словарей, в которых представлены материалы исчезнувших ныне коми-пермяцких диалектов, отмечает, что для некоторых слов имеются соответствия только в удмуртском языке, например: *берись* 'липа' ~ удм. *беризь*, *бырёт* 'накипь' ~ удм. *быректыны* 'вскипеть', *гёрд кушман* 'свёкла' ~ удм. *горд кушман* и т. д.

Несмотря на наличие некоторых публикаций, вопрос пермяцко-удмуртских параллелей нельзя считать решённым. Данная работа в этом отношении явится пусть небольшим, но шагом вперёд в решении названной проблемы. В ней рассматриваются общие лексические элементы, характерные только для удмуртского и коми-пермяцкого языков. Описываемые слова можно разделить на три группы по ареалам распространения.

1. Лексика, охватывающая коми-пермяцкие (и коми-язьвинский) диалекты и большинство удмуртских говоров.

Зын ~ кп. 'вонь, дурной запах, испорченный воздух, зловоние', *зыналыны* 'нюхать, понюхать' [КПРС: 151]. В удмуртском языке коми-пермяцким словам имеются аналогичные соответствия: *зын* 'запах; вонь', *зыньяны* 'понюхать, нюхать' [УРС 1983: 157]. В КЭСК [с. 108] коми-пермяцкое и удмуртское *зын* под вопросом сравнивается с мокшанским *шине* 'запах'. В коми-зырянском языке для выражения понятия 'запах' используется русское заимствование, которое, по-видимому, вытеснило исконное слово.

Комидз — кп., *ku miž* — кя. 'зелёный лук', 'трава лука'; удм. *кумызь* 'дикий лук' [ИВПЯ: 47]. Здесь же В. И. Лыткиным даны формы из шошминского диалекта со значением 'чеснок' и приводятся параллели из угорских языков. Нужно отметить, что слово

кумыз' с тем же значением зафиксировано в слободском говоре удмуртского языка [Архипов 1987: 89]. Кроме того, оно бытует в кукморском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта. В некоторых говорах южного наречия и частично в срединных говорах слово *кумыз'* используется для обозначения черемши (дикого лука). Вероятно, и прапермяне использовали данное слово для обозначения дикого лука, но в связи с изменившимися природными условиями ныне оно полностью вышло из употребления в коми-зырянском языке, сохранившись лишь в коми-пермяцких и частично удмуртских говорах.

Кõt: ~ *кучик* – кп. 'кожа на брюхе (животного)', *кõта* 'стельная', *мõсыс кõта* 'стельная корова' [КПРС: 191]. Названным словам мы находим соответствия лишь в удмуртском языке: ср. удм. *кõt* 'живот, брюхо', *кõто* 'беременная' [УРС 1983: 217]. В коми-зырянском языке подобные слова отсутствуют, в нём для обозначения понятия 'живот' используется слово *кынõм*. Последнее является обычным и для коми-пермяцкого языка.

Модз – кп. 'друг; подруга', *модзасьны* 'дружить (о девушках, женщинах)' [КПРС: 252]. В КЭСК [с. 172] пермяцкое слово сравнивается с удм. *музьы* 'подруга', сев. 'любовница'. Здесь же приводятся прибалтийско-финские и мансийские примеры. В то же время в коми-зырянском языке оно отсутствует.

Чõчы, чечы – кп. детск. 'что-либо вкусное, сладкое' [КПРС: 534, 543]. Наиболее близко к этим словам в удмуртском языке среднечепецкое *чэч(ч)ы* 'вкусное, сладкое, вкуснятина', употребляющееся в детской речи и при обращении к детям. В литературном языке также имеется похожее слово *чечым* – детск. 'сладкий, вкусный'; 'сладко, вкусно' [УРС 1983: 472]. Кроме того, в удмуртских диалектах и в литературном языке распространено слово *чечы* (диал. *чõчы*), близкое по семантике пермской лексеме.

šal'ag – кп. 'вид рыбы'; удм. *шалькко* сев. 'налим' [ИВПЯ: 167]. В словаре Т. К. Борисова [1991: 339] слово *шалькко* с пометой "северное" имеет значение 'линь'. Считаем, что сравнение пермяцкой лексемы с удмуртской вполне приемлемо.

2. Лексика, характерная для коми-пермяцкого языка и северного наречия удмуртского языка.

Будзгылясьны – кп. 'смотреть зло' [Баталова 1975: 211]. Баталова это слово относит к словам, специфичным для северного наречия коми-пермяцкого языка. Ему можно найти соответствия

в удмуртском языке: ср. быч: диал. ~ учкыны 'смотреть тайком' [УРС 1983: 65]; сч. бьччй учкйны 'смотреть пристально (тайком)'.

Йалдоргуби – удм. сч. 'опёнок настоящий' [Вахрушев 1987: 78]; это же слово в слободском говоре имеет значение 'луговой опёнок' [Архипов 1987: 89]. Оно состоит из трёх отдельных лексем: *йал* – сев. 'пень', *дор* 'у, около', *губи* 'гриб'. Соответствующим образом название опёнка образовано в коми-пермяцком языке: ср. кп. *мыр дор тшак* 'опёнок' [КПРС: 261]. Отдельные компоненты данного сочетания слов имеют значения, аналогичные составным частям удмуртского слова. В коми-зырянском сочетании слов *мыр выв тшак*, обозначающем 'опёнок, опята', второй компонент имеет значение 'поверхность, верх' [КРС]. В удмуртском литературном языке для обозначения этого же вида гриба применяется слово *лйялгуби* [УРС 1983: 258], состоящее из двух компонентов: *лйял* 'пень' и *губи* 'гриб'. Таким образом, в данных примерах структура северноудмуртского слова в наибольшей степени приближена к коми-пермяцкому словосочетанию.

Нюжтэм – удм. сев. 'шалун (о детях)', 'невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых)' [УРС 1948: 213]. Значение производящей основы затемнено. Среди других однокоренных слов в удмуртском языке нам известно только слово *н'ужтэм-йас'кйны* – сч. 'кривляться, гримасничать (о детях)'. Но мы находим соответствия в коми-пермяцком языке: ср. кп. *нёштём* 'некрасивый, непривлекательный; отвратительный', *нёштёмасьны* 'расквкаться', 'кривляться, гримасничать' [КПРС: 273]. Рассматриваемым словам имеются соответствия и в коми-зырянском языке, но семантика их достаточно далека от пермяцких и удмуртских слов. В КЭСК [с. 188] приводится общепермская основа названных слов и даются её значения, наиболее близкими из которых к корню вышеназванных слов являются 'упорядоченный', 'ладный', 'дельный'.

Сөр – кп. уст. 'мышца, мускул' [КПРС]. В удмуртском языке этому слову соответствуют слова *сөр*, *вирсөр* – сл. 'жила, кровеносный сосуд' [Архипов 1987: 86], удм. лит. *вирсэр* 'кровеносный сосуд; вена; артерия' [УРС], где *вир* имеет значение 'кровь'. Слово *вирсөр* 'кровеносный сосуд, жила' имеется также в верхневычегодском диалекте коми языка, территориально прилегающем к коми-пермяцким говорам. Лексема *сөр* по происхождению является финно-угорской [КЭСК: 264].

учэт – удм. сч. (д. Дондыкар) 'мало', *учэт на-а солэн кошкэ-мэз тьрыс'эн?* 'Разве мало времени прошло с тех пор, как он ушёл?' В КЭСК [110] в статье, где сравниваются пермские слова с основой *ич-*: кз. *ичёт* 'маленький', удм. *ичи* 'тж', имеются также слова с основой на *уч-* (*шч'*): *шч'ет* – кп., *шч'от* – кя. 'маленький', которые в значительной мере приближаются к удмуртскому диалектному слову. Это малораспространённое слово, ныне выходящее уже из употребления, могло быть заимствовано из коми-пермяцких говоров.

3. Лексика, характерная не только для двух исследуемых пермских языков, но и для южных коми-зырянских говоров.

Вон – кп., *ви н* – кя. 'брат', *von-men'* – лет. 'жена брата' (*men'* 'сноха') [ИВПЯ: 33]. Эти слова В. И. Лыткин сравнивает с удмуртским словом *вын* 'брат'.

Кин, *кинi* – кп. 'кто' [КПРС: 173]; удм. *кин* 'кто' [УРС 1983: 199]. Данному местоимению имеются соответствия в южных коми-зырянских говорах: *кин* – вс., лл., *кинi* – лет. 'кто' [ССКЗД: 158]. В других коми-зырянских диалектах вместо названных слов употребительны слова *код*, *кодi*, которым в удмуртском языке соответствует лексема *кудиз* с тем же самым значением [КЭСК: 124–126].

Пи – кп. 'пазуха' [КПРС: 337]; *пий* 'тж' [ИВПЯ: 181]; *пи* – сс., *пий* – вс., лл. 'тж' [ССКЗД: 286]. В большинстве других коми-зырянских диалектов к данной основе был добавлен элемент *-тишöг* – *пи-тишöг*. В удмуртском языке для обозначения понятия 'пазуха' так же, как и в коми-пермяцком языке и в южных зырянских говорах, употребительно слово *пи*. Слово финно-угорского происхождения [КЭСК: 441].

Таким образом, в удмуртском и коми-пермяцком языках немало общих слов, которые находят соответствия в южных коми-зырянских говорах. Имеющиеся общие черты коми-пермяцкого языка и южных и юго-западных коми-зырянских диалектов Р. М. Баталовой [1987: 60] объясняются не только наличием переходных говоров, но и миграционными процессами.

Кроме как на вышеприведённых примерах, хочется также остановиться на некоторых лексемах, в основе которых лежат звукоподражательные слова или сами являются таковыми.

Гичыр-гичыр – кп. 'подражание скрежету зубов' [КПРС: 99]. Сравните данное слово с удмуртским *гизьыр-гизьыр*: *пиньёсты* ~

карыны 'скрежетать зубами' [УРС 1983: 108]. В коми языке соответствующее слово звучит как *гирчканы* 'скрежетать, скрипеть' [КРС: 160].

Дзувиктыны — кп. 'визжать, завизжать (о поросятах)' [КПРС: 121]. Ср. удм. *Зуиктыны* 'визжать (о поросятах)' [УРС 1983: 163]. В коми-зырянском языке для выражения данного понятия употребляется слово *чирзыны* [РКС: 60].

Приведённые примеры могут, конечно же, вызвать возражения, что они в каждом языке могли образоваться самостоятельно. Это возражение вполне уместно. Но необходимо учесть то, что, во-первых, приведённым удмуртским и пермяцким примерам мы не находим соответствий в коми-зырянском языке; во-вторых, в большинстве современных пермских диалектов фонетический строй практически тождествен или близок. Но, несмотря на это, сравнивая звукоподражательные слова, можно заметить, что при одинаковом значении в большинстве случаев формы слов в разных пермских языках далеки друг от друга. Ко всему сказанному добавим, что многие изобразительные и звукоподражательные слова не являются общими даже для отдельно взятого языка.

Выше мы привели перечень и краткий анализ слов, большинство из которых является исконными общепермскими (или даже финно-угорскими) словами. Кроме того, в описываемых языках представляет интерес локально ограниченная заимствованная лексика. Исследователями отмечается [ОФУЯ: 218], что некоторые чувашские заимствования имеются в коми-пермяцком языке, но отсутствуют в коми-зырянском, например: удм. *кубо* // кп. *коба* 'прялка', *сугон* // *сугонь* 'лук', *сусо* // *суса* 'челнок' и т. д. В одной из своих работ В. И. Лыткин [1967] приводит 30 болгарских заимствований в коми языках. Из этого числа 8 встречается только в коми-пермяцких и коми-язьвинском диалектах. Каждому из этих восьми слов имеются соответствия и в удмуртском языке. Наличие локально ограниченных болгарских заимствований в коми-пермяцком языке Р. Ш. Насибуллин [1992: 87] объясняет тем, что "к восточному коми населению русские колонисты пришли относительно позже, чем к западной его части, что давало возможность здесь дольше сохранить свободные клетки для проникновения болгаризмов, чем в коми-зырянском языке...".

Таким образом, в удмуртском и коми-пермяцком языках обнаруживается немало лексических единиц, которые отсутствуют

в коми-зырянском языке. Кроме ареальных лексических соответствий, в исследуемых языках имеются параллели на морфологическом и фонетическом уровне, а также в системе постановки ударения. Выше уже отмечались некоторые причины подобных языковых схождений, но для заключения окончательных выводов необходимо проведение в данном направлении более тщательных исследований.

Условные сокращения:

вс. — верхнесысольский говор коми языка; *детск.* — детская речь; *кз.* — коми-зырянский язык; *кп.* — коми-пермяцкий язык; *кя.* — коми-язьвинский диалект; *лз.* — лузско-летский говор коми языка; *лет.* — летский говор коми языка; *сеа.* — северное наречие удмуртского языка; *сл.* — слободской говор удмуртского языка; *сс.* — среднесысольский говор коми языка; *сч.* — среднечепецкий говор удмуртского языка; *удм.* — удмуртский язык; *уст.* — устарелое.

Библиографический список

Архипов Г. А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 84–92.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки. М.: Наука, 1982. 167 с.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике: Извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания / Отв. ред. В. И. Алатырев; АН СССР. Ин-т языкозн.; Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при СМ УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. IV. С. 69–75.

Баталова Р. М. О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 60–68.

Белых С. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 3–17.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 396 с.

Вахрушев В. М. Названия грибов в удмуртских диалектах // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 75–84.

ИВПЯ – Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1964. 270 с.

КРС – Коми-русский словарь: Ок. 25000 / Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова; Под ред. В. И. Лыткина. М.: ГИС, 1961. 923 с.

КЛРС – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман; ИЯ АН СССР; Пермский ГПИ. М.: Рус. яз. 1985. 624 с.

КЭСК – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1961. 386 с.

Лыткин В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания / Отв. ред. В. И. Алатырев; АН СССР. Ин-т языкозн.; Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при СМ УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. IV. С. 131–142.

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // ВОРДСКЕМ кыл. 1992. № 2. С. 81–95.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи. М.: Наука, 1976. 464 с.

РКС – Русско-коми словарь: Ок. 50000 слов / Т. И. Жилина, Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова и др.; Под общ. ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. 777 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25000 слов / Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под. ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

Тепляшина Т. И. Лексические коми-удмуртские соприкосновения // Вопросы финно-угроведения: Языкознание: Тезисы докл. XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов; АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. Сыктывкар, 1979. С. 122.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ истории, языка, литературы и фольклора при СМ УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев и др.; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при СМ УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Структурные типы микропонимов бассейна реки Летка

Одной из важнейших теоретических и практических задач исследования топонимии является понимание структуры географического имени. В данной статье рассматривается словообразовательная структура микропонимов.

Синтаксическая классификация, предложенная финским топонимистом Куртом Циллиаксом, предполагает особый подход к исследованию структуры онима, к классификации структурных типов. Эта классификация ориентирована на природу топонима и опирается на синтаксическое взаимоотношение между частями топонима в рамках единого топонима, стремится к более адекватному отражению соответствующей реальной ситуации, т. е. ориентируется на реальный взгляд, на позицию имядателя, присваивающего географическое название. К примеру, пос. Якуньель, в названии которого имеются две знаменательные части, обозначающие в совокупности 'лесной ручей, принадлежащий Якову; лесной ручей Якова'. В результате метонимического переноса по смежности, гидроним становится названием поселка, расположенного на берегу данного ручья. С точки зрения синтаксической модели — это простое название, которое состоит из одного синтаксического элемента, выражающего местоположение: 'поселок у лесного ручья Якуньель' и не содержит в себе никакого указания на разряд объекта. Сложными они становятся тогда, когда добавляется к общему названию детерминант с целью необходимого уточнения географического объекта.

Все микропонимы по количеству входящих в них компонентов можно разделить на простые (односоставные); сложные, которые состоят из детерминанта, указывающего на разряд называемого географического объекта, и определяющего его атрибут; и эллиптированные (названия-эллипсисы).

1. Простые непроеизводные микропонимы — это названия, в составе которых нет детерминанта. Простые географические названия — совершенно своеобразное явление, которое объясняется особым способом словопроизводства. Класс простых микропонимов не однороден, в его качестве может выступать:

1) апеллятив. Переход апеллятива в оним, т. е. онимизация. Онимизации подвергаются прежде всего местные географические

термины, напр.: *Вад* < *вад* 'лесное озеро, непроточное озеро (находящееся вне поймы реки); озеро с топкими берегами (образовавшееся в старом русле реки)', *Яг* < *яг* 'сосновый лес, сосновый бор, сосняк (на сухом месте)', *Керös* < *керös* 'возвышенность, гора', *Грезд* (совр. Корольки) < *грезд* 'село, небольшая деревня', *Ключ* < *ключ*, *Нюр* < *нюр* 'болото; болотистый', *Йир* < *йир* 'омут', *Пач* < *пач* 'глубокое место в реке, омут', *Жут* < *жуöd* 'болотистое место, заболоченная лесная чаща, низина';

2) оним (топоним или антропоним). К этой группе, кроме личных имен, прозвищ и фамилий, относятся названия птиц и животных, деревьев и растений. Например: д. *Цапля* (коми *Чап-ля*) – от прозвища человека, основавшего населенный пункт, поч. *Сюзь* – от прозвища старика по имени *Сюзь Илья*, ур. *Гурей* – от имени *Гурий*, руч. *Копачёв* – от фамилии *Копачёв*, руч. *Юшков* – от фамилии *Юшков*, д. *Петруниха* – от имени *Петр* (*Петруниха* – жена Петра).

Онимизация географических апеллятивов возможна лишь в том случае, если топоним закрепляется за единственным в своем роде на определенной микротерритории или особо важным географическим объектом.

К числу простых микротопонимов относятся и метонимические микротопонимы, когда название одного географического объекта распространяется по смежности на другой: Например, пок. *Филяшор* < руч. *Филяшор*, пос. *Гуляшор* < руч. *Гуляшор*, пок. *Сімшор* < руч. *Сімшор*, д. *Тымыш* < оз. *Тымыш*. В подобных онимах имядатель, создавая название, воспользовался готовым топонимом, перенеся его целиком, в качестве единой неразложимой единицы, на смежный объект.

II. Простые производные микротопонимы – это названия, которые образуются от соответствующих производных основ с помощью аффиксов. Аффиксация занимает незначительное место в коми топонимообразовании. Сюда относятся микротопонимы, образованные от существительных посредством аффиксов:

1) *-овка*, *-евка*, *-ка*, напр.: с. *Прокопьевка*, с. *Гурьевка*, с. *Ивановка*, с. *Потатьевка*. В данном случае наблюдается типичный способ словообразования ойконимов, когда антропоним участвует в образовании простых метонимических названий;

2) *-ин* (*-in*) (указывает на место): *баддяин* 'место, где растет ива', *льöмпуаин* (*льöмпу* 'черемуха (дерево)') 'место, где растет

черемуха', *бузганін* (от глагола *бузгыны* 'шуметь, бурлить') 'место, где шумно';

3) *-ла* (древний финно-угорский суффикс со значением места): *гõстила* 'гостиное место, гостиный двор';

4) *-идз* (указывает на местность с преобладанием чего-либо, иногда на местонахождение объекта): *йиридз* 'река, с изобилием омутов';

5) *-õг (-эз)* (указывает на признак, присущий предмету, выраженному производящей основой): *кыджег* < *кõджõг* 'место у излучины';

6) *-а (-я)* (указывает на место, изобилующее чем-либо): *льõмпуа* (*льõмпу* 'черемуха (дерево)'), *козъя* (*коз* 'ель'), *чериа* (*чери* 'рыба').

Как видно из примеров, модель образования географических объектов при помощи аффиксов на исследуемой территории ограничена.

III. Сложные микротопонимы.

Сложные микротопонимы, состоящие из двух или более компонентов. Связь слов в сложных названиях осуществляется синтаксическим способом, т. е. по модели **определение + определяемое**. Такие топонимы состоят из определительного слова (атрибута) и определяемого (детерминанта). В роли детерминанта выступают апеллятивы, обозначающие различные виды географических объектов. Атрибут сложного микротопонима может быть выражен существительным (собственным или нарицательным), прилагательным, числительным, наречием, глаголом (в форме причастия). Среди структурных моделей наиболее распространены двусоставные названия. В роли второго компонента выступают апеллятивы-детерминанты, выраженные существительным в номинативе ед. числа и указывающие на разряд называемого географического объекта. По структуре сложные микротопонимы делятся на типы:

1) с атрибутом, выраженным существительным (собственным) в номинативе ед. числа: руч. *Филяшор* (*Филя* – от имени *Филипп*), руч. *Евкашор* (*Евка* – от имени *Евстахий*), поч. *Паняпочинок* (*Паня* – от имени *Пантелеймон*), руч. *Иванёль*, руч. *Иваншор*, поч. *Степанпочинок*, поч. *Петырпочинок*, руч. *Якунёль* (коми *Якунь* < *Яков*), д. *Ручкерёс* (*руч* 'лиса', *керёс* 'гора, возвышенность'), поч. *Хохолпочинок*;

2) с атрибутом, выраженным:

а) качественным прилагательным: *важкурья* (*важ* 'старый', *курья* 'залив, заводь'), *ыджыдвиск* (*ыджыд* 'большой', *виск-* (*вис*) 'пролив, протока, исток'), *мичаэль* (*мича* 'красивый', *эль* 'небольшая лесная речка'), *кушнюр* (*куш* 'голый', *нюр* 'болото, топкое место');

б) относительным прилагательным, образованным при помощи суффикса полного обладания *-а* (*-я*): ур. *Гуакөддж* (*гу* 'яма, берлога', *көддж* 'излучина'), *Пожёмаяг* (*пожём* 'сосна', *яг* 'бор, сухое место'), *Кораэль* (*кор* 'лист', *эль* 'небольшая лесная речка'), *Тусялог* (*туся* (*тусяту*) 'можжевельник', *лог* 'ложбина, лощина'), *Льёмтуалог* (*льёмту* 'черемуха'), *Изъяэль* (*изъя* 'каменистый');

в) прилагательным русского происхождения: *Сельповской* *поляна*, *Каменной* *лог*, *Беглой* *вож*;

3) с атрибутом, выраженным количественным числительным: *Кыкшор* (*кык* 'два', *шор* 'ручей'), *Куимвожа* (*куим* 'три', *вож* 'приток, развилина'), *Кыккёчкакост* (*кык* 'два', *кёчка* 'кочка', *кост* 'промежуток');

4) с атрибутом, выраженным причастием на:

а) *-ём*: *Пөрөмшор* (*пөрөм* 'с завалами');

б) *-ан*: *Кынманишор* (*кынман* 'мерзнувший, замерзающий' от глагола *кынмыны* 'мёрзнуть, замерзать'), *Октанишор* (*октан* от глагола *октыны* 'срубить, свалить (о дереве)').

IV. Многосоставные микропонимы.

1. Существительное (антропоним) + существительное + детерминатив: *Федördуреньпөчинок*.

2. Прилагательное + существительное + детерминатив: *Чуклявидзюр* (*чукля* (*чукульт*) 'изгиб, извилина, поворот, излучина', *видз* 'луг, покос, сенокос', *нюр* 'болото').

3. Существительное (антропоним) + причастие (Пр₁) + детерминатив: *Ульянавөйөмты* (*Ульяна*, *вөйөм* (от глагола *вөйны* '(у)тонуть'), *ты* 'озеро').

4. Существительное (антропоним) + существительное + причастие (Пр₂) + детерминатив: *Васькаошкыянтуй* (*Васька* (< *Василий*), *ош* 'медведь', *кыян* (от глагола *кыйны* 'ловить, охотиться'), *туй* 'дорога').

Среди сложных названий значительную группу составляют микропонимы, апеллатив которых выражен лексическими единицами локально-пространственного значения. Они локально-пространственного значения указывают на местонахождение вну-

три, вне, впереди, позади, в середине, сбоку, сверху, около, внизу, напротив, в промежутке между чем-либо и т. д., для чего употребляются следующие апеллятивы:

1) *бõж* 'хвост, нижний конец острова, косы (по течению) реки': *Лыакõсабõж* (лыа 'песок, песчаный', *кõса* (рус. *коса*), *Мельничабõж*;

2) *мыш* 'задняя сторона': *Буткамыш*, *Тымыш*, *Севермыш*, *Гаражмыш*, *Свинарникмыш*;

3) *йыв* (диал. *йыл*) 'вершина, верховье, исток': *Чоййыл* (чой 'гора, холм, возвышенность'), *Таличайыл* (рус. *талица* 'незамерзающий родник, не покрываемый льдом ручей, река, озеро'), *Лэтийыл*, *Филяшорйыл*;

4) *пон* (диал. *пом*) 'конец чего-либо': *Слудкапон*;

5) *ув* (диал. *увт*, *улт*) 'низ, место под чем-либо': *Ыбулт* (ыб 'холм, гора, возвышенность'), *Слудаулт* (*слуда* 'крутой, песчаный берег; гряда в сосновом бору'), *Кулигаулт* (*кулига* 'лужайка');

6) *кост* 'промежуток, расстояние, интервал, дистанция': *Кыккõчкакост*, *Кõчкакост*;

7) *дор* 'место возле, около чего-либо': *Лэтьюдор*;

8) *вом* 'устье': *Сьõдвомыншор* (*сьõд* 'темный, черный', *вом* 'устье', *шор* 'ручей').

Особую группу сложных микропонимов составляют конструкции с глагольным компонентом, представленные причастиями на *-ан* (*-ян*) и *-õм* (диал. *-õма*, *-õма*). Они по структуре напоминают законченные предложения, в которых отражается традиционный быт и повседневная жизнь народа коми, напр.: *Вõрõнечõкаянтуй* (*Вõрõнеч* (рус. *Воронцы*) < коми *Вõранёдз* (*вõр* 'лес', *нёдз* 'овраг, ложбина', уд. *нёзь* 'сырая лесистая ложбина'), *каян* (от глагола *кайны* 'подниматься, добираться'), *туй* 'дорога, просека'); *Вийсьõмшордорлог* (*вийсьõм* (от глагола *вийсьыны* 'биться'), *шор* 'ручей', *дор* 'около', *лог* 'ложбина').

К сложной модели называния относятся и так называемые вторичные микропонимы. Это смежные разнородные объекты, известные под одним общим географическим названием: *Лывина* ('затопляемый паводковыми водами луг') – это наименование и урочища, и озера, и ручья, и излуины. Для точного обозначения объекта, к общему названию присоединяется географический термин, обозначающий разновидность выделяемого географического объекта, напр.: оз. *Лывинаты*, руч. *Лывинашор*, ур. *Лывина*, *Лывинакõдж*.

V. Эллиптированные названия. Многие односоставные микропонимы не являются простыми по происхождению. Они представляют собой итог трансформации сложных топонимов в результате усечения одной из составных частей сложного названия. Эллипсису может подвергаться и атрибут, и детерминант. Это возможно в том случае, если микропоним будет сохранять обособленность от аппеллятива, иначе может нарушиться возможность быть названием. Детерминант полностью принимает на себя функции названия, т. е. как и при онимизации географических терминов, когда названия географических объектов крайне редко встречаются на исследуемой территории или же сам микропоним представляет особую важность.

Система эллиптирования в коми топонимии недостаточно разработана. Из работ, наиболее полно раскрывающих эту проблему, можно выделить статью А. И. Туркина [1980: 28–32]. Автор анализирует предыдущие работы Е. И. Овчинниковой [1970: 8–17] и З. П. Ануфриевой [1979: 98–110].

По формальным признакам усеченные названия можно разделить на несколько групп:

1) эллипсис, выраженный существительным: *Осиновка* < *Осиновкашор*, *Дзодзёга* < *Дзодзёгаты* 'гусиное озеро', *Гыбад* < *Гыбадшор* 'ручей, протекающий по лесистой местности', *Медвежка* < *Медвежья гора*;

2) эллипсис, выраженный причастием на -*ом*: *Пөрём* < *Пөрёмин* 'место с завалами', *Буждём* < *Буждомин* 'место с обвалами'.

Процесс образования названий-эллипсисов продолжается до сих пор. Огромную роль в этом сыграл русский язык. К примеру, *д. Ураки* < *Ураксикт* (от древнерусского имени *Урак*), на языке коми *Ураксик* < *Ураксикт*; аналогично *Казань* < *Казаньчой* (ка-зань 'гора, возвышенность'). Эллиптированные названия характерны и для других финно-угорских народов.

Таким образом, все микропонимы, выявленные на территории бассейна реки Летка делятся на простые, сложные и эллиптированные. Как и в других финно-угорских языках, на исследуемой территории преобладают сложные двусоставные названия. Простые микропонимы в количественном отношении уступают сложным. Их число возрастает за счет метонимического переноса по смежности, что легко можно объяснить с позиций топонимии.

Эллиптированные названия представлены в летской микротопонимии в меньшей степени.

Условные сокращения:

д. — деревня; *лет.* — летский диалект; *оз.* — озеро; *пок.* — покос; *пос.* — поселок; *поч.* — починок; *руч.* — ручей; *с.* — село; *ур.* — урочище.

Библиографический список

Ануфриева З. П. Морфологическая структура коми топонимов // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979 (= Труды Института языка, литературы и истории. № 22). С. 98–110.

Овчинникова Е. И. Коми топонимия в лексической системе русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1970. С. 8–17.

Туркин А. И. Эллиптированные названия в коми топонимии // СФУ. 1980. № 1. С. 28–32.

Г. А. Некрасова (Сыктывкар)

Функционирование прапермских аффрикат в современных коми диалектах

В системе консонантизма коми языка прапермские аффрикаты, различавшиеся (различающиеся) по глухости/звонкости ($\text{č}/\text{ž}$, $\text{č'}/\text{ž'}$) и велярности/палатальности ($\text{ž}/\text{ž'}$, $\text{č}/\text{č'}$), сохраняют свою фонематичность. Наличие палатализованных вариантов всех четырех аффрикат отмечается лишь в ижемском диалекте, что имеет более позднее происхождение. По сравнению с другими прапермскими согласными аффрикаты в разные периоды развития коми языка были наиболее подвержены фонетическим изменениям, среди которых могут быть выделены следующие: 1) озвончение глухих аффрикат; 2) палатализация велярных аффрикат; 3) деаффрикация; 4) веляризация палатальных аффрикат. В результате указанных фонетических процессов развилось междиалектное корреспондирование аффрикат между собой, а также с щелевыми и смычными согласными.

Озвончение смычных, щелевых и аффрикат, начавшееся в прапермский период [Лыткин 1968], продолжалось, видимо, вплоть до формирования и развития современных диалектов коми языка. Процесс озвончения коснулся велярных и палатальных

аффрикат и протекал во всех позициях фонетической структуры слова, чаще всего в анлауте, напр.:

уд. (Гл.) *дзодзув*, вв. (Крч.), печ. *дзодзул*, печ. *ёсь дзодзул*, л. *дзодзыл*, лл. *кузь дзодзыл*, вв. (Бог.), вым., иж. *дзодзуу*, л. (Об.) *чодзыв*, л. (Ловл.) *чодзыл*, нв. *чодзив*, *чодзув*, вым. *чодзуу*, кп. *дзодзыв* 'ящерица', кя. *дзудзөл*, *чудзөл* 'маленькая несъедобная рыбка' < общек. **črǝzl* (< оп. ? **črǝʒzl*) < доп. **č̣ṛč̣zl*- 'ящерица' [ССКЗД: 198; КПРС: 121; КЯД: 117; КЭСК: 91];

вс., вым., нв., печ., скр., сс. *джагыд*, вв. *джагид* 'труднопроглатываемый', кп. *джагыт* 'терпкий', удм. *čакыт*, *čакмыт* 'терпкий; обросший' < оп. **čakit* 'сухой, труднопроглатываемый (о пище)' [ССКЗД: 100; КПРС: 117; УРС: 483; КЭСК: 88];

вым., нв., печ., скр., сс., уд. *питишөг*, вв. *питшиег*, иж. *пиджег* 'пазуха' < *пи* 'пазуха' + *тишөг* 'застежка' < оп. **čeg* или **č̣eg* 'кол, упор, гвоздь, стойка' [ССКЗД: 286; КЭСК: 222, 290];

вв., нв., печ., скр., сс., уд. (Мез.), кп., вс. *пырыдз*, кя. *пөридз*, удм. *пырич* < оп. **pürič* 'пешня' [ССКЗД: 313; КЯД: 169; КПРС 391; УРС: 373; КЭСК: 236].

В современных коми диалектах наблюдается две разновидности деаффрикации: 1) переход аффрикат в щелевые и 2) переход аффрикат в смычные. Первая разновидность деаффрикации, имевшая место еще в прапермский период (см.: [Кельмаков 1987]), проявляется в коми-пермяцких, а также в ряде коми-зырянских, в основном южных диалектах — верхнесысольском, лузско-летском, присыктывкарском, среднесысольском, а также печорском. В остальных диалектах встречаются обе разновидности. Следует отметить, что в удорском и ижемском диалектах преобладает переход аффрикат в смычные, только в редких случаях наблюдается переход в фрикативные согласные. Сужение сферы функционирования аффрикат отмечается во всех позициях фонетической структуры слова, но чаще всего данное явление проявляется в инлауте или на стыке слов перед шумными согласными, особенно перед *d*, *t*, *n*, *k*, *l*, напр.:

вв., скр., сс., уд. (Гл.) *ыджда*, вв., вс., вым., иж., лл., сс. *ыжда*, вым., нв., скр. *ыжта*, уд. *ыдда* 'величина, с величиной', кп., вк. *ыжыт*, кя. *өджөт* 'большой' < оп. **ič̣*- 'большой' [ССКЗД: 442; КПД: 61; КЯД: КЭСК: 328];

л. (Об.), нв., скр. *позявны*, лет., печ., сс., вв. (Крч.) *позялны*, вв. (Бог.), уд. *подзавны*, вс., л. *подзалны*, вым., иж. *подзооны*, кп.

появны, кя. *подзалнө*, удм. *пузыны* < оп. **poʒal*- 'неметь' [ССКЗД: 290; КЯД: 166; КПРС: 353; УРС: 362; КЭСК: 224];

вв. (Дер., Крч., скр., сс. *лэчтан*, вв. (Бог.), вым., печ. *лэсьтан*, иж. *лесьтан* 'лопатка, точильный брусок' < оп. **leʃ*:- **leʃit* или **leʃid* 'острый' [ССКЗД: 210; КЭСК: 165];

вс., вым., л. (Об.), скр., сс. *тшем*, лет. *шем*, вв. (Крч.), иж., уд. (Гл.) *штшем* < оп. ? **ʃet* (**ʃeŋ*) 'густой, частый' [ССКЗД: 385; КЭСК: 290].

Во всех диалектах коми языка деаффрикация имеет нерегулярный характер. Случаи вариативного употребления аффрикат и щелевых/смычных отмечается не только в пределах одного диалекта, но и нередко в пределах одного и того же говора, напр.:

лл. (Лет., Об., Ч.) *кӧзьдӧдны*, (Лет., Сл.) *кӧдздӧдны* 'похолодать';

лл. (Лет., Об., Пор., Сл., Ч.) *возьти*, (Гур., З., Лет.) *водзти* 'раньше' [ЛЛД: 19];

уд. *видьлӧм*, *визьлӧм* (< *видзлӧм* 'поношенный (о платье)') [УД: 19];

вс. (Кг.) *лашкыдик*, *латшкыдик* 'низкорослый, невысокий' [ВСД: 55].

Синтагматическое ограничение функционирования аффрикат проявляется только в удорском диалекте, где в конце слога перед согласными возможны только твердые аффрикаты [УД: 19].

В большинстве диалектов коми языка произошла палатализация анлаутных велярных аффрикат в позиции перед -*Vš*(-) и -*Vž*(-), что объясняется диссимилятивным влиянием щелевых на аффрикаты [Лыткин 1957: 116–119], напр.:

лет., уд. *тиуж*, вв., вс., вым., л., нв., скр., сс., кп., кя. *чуж*, удм. *ӧужсьем* 'солод' < оп. **ʃiž* 'солод' [ССКЗД: 418; КПРС: 544; КЯД: 196; УРС: 488; КЭСК: 312];

иж., лет. *тиышкыны*, вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. (Гл.), кп. *чышкыны*, вв. *чышкині*, уд. *чишкыны*, кя. *чөшкинө*, удм. *ӧушкыны* 'вытереться, утереть, потереть' < оп. **ʃiʃ*- 'убирать, вытирать' [ССКЗД: 423; КЯД: 196; КПРС: 550; УРС: 489; КЭСК: 316].

Веляризация прапермской глухой палатальной аффрикаты наблюдается в анлауте ряда слов удорского диалекта, напр.:

вс., лл., нв., печ., скр., сс., кп. *чангыль*, вв. *чангиль*, вым. *чангыр*, уд. *тиангыр*, уд. (Венд.) *тиигыр*, удм. *чандрес*, *чандырес* < оп. **ʃaŋ*- 'изогнутость, сгиб' [ССКЗД: 404; КПРС: 526; УРС: 467; КЭСК: 301];

вс., вым., иж., лл., печ., скр., сс., кп. *чирзыны*, вв. *чирзіні*, уд. *тишрзыны*, иж., печ. *чарзыны*, вв. (Крч.) *чарзіні*, уд. *тишарзыны*, уд. *тишарксыны*, нв. *чиргыны*, кя. *чиргинэ*, удм. *чиргетыны* 'петь, верещать, стрекотать' < оп. **čir-* < доперм. **čšre-* [ССКЗД: 413; КПСР: 536; КЯД: 195; УРС: 475; КЭСР: 307].

Замена *č* аффрикатой *č* происходит в более поздних русских заимствованиях не только в удорском, но и в ижемском диалекте, напр.:

вс., вым., л. (Об.), лет., нв., скр., сс. *числѡ*, вв., иж. *число*, л. (Пор.), уд. *тишислѡ*, иж. *тишислэ* 'число';

вс., л., скр. *точнѡй*, вв., вым., нв. *точнэй*, уд. (Гл.) *тотинѡй*, уд. *тотинэй*, лет. *тѡчнѡй* 'точный' [ССКЗД: 414; 373].

Явление веляризации палатальной глухой аффрикаты, видимо, объясняется иноязычным влиянием: наличием в севернорусских говорах твердого ч, которая "по своему качеству однотипна ... также с десновой аффрикатой (*ти*) в коми языке" [Лисенкова 1964: 27].

Изменения прапермских аффрикат в диалектах коми языка произошли в результате различных синтагматических фонетических процессов и иноязычного влияния, как и в диалектах удмуртского языка (см.: [Кельмаков 1987]).

Условные сокращения языков и диалектов:

вв. – верхневычегодский диалект, *вв.* (Бог.) – говор с. Богородск, *вв.* (Крч.) – говор с. Керчемья; *вк.* – верхнекамский диалект; *вс.* – верхнесысольский диалект, *вс.* (Кг.) – говор с. Койгородок; *вым.* – вымский диалект, *доп.* – допермский язык-основа; *иж.* – ижемский диалект; *кп.* – коми-пермяцкий язык; *кя.* – коми-язьвинское наречие; *л.* – лузский говор лузско-летского диалекта, *л.* (Ловл.) – говор с. Ловля, *л.* (Об.) – говор с. Объячево, *л.* (Пор.) – говор с. Поруб; *лет.* – летский говор лузско-летского диалекта; *лл.* – лузско-летский диалект, *лл.* (Гур.) – говор с. Гурьевка, *лл.* (Лет.) – говор с. Летка, *лл.* (Ч.) – говор с. Читаево, *лл.* (Сл.) – говор с. Слудка, *лл.* (З.) – говор с. Занулье; *нв.* – нижневычегодский диалект, *нв.* (Жеш.) – говор д. Жешарт; *общек.* – общекоми язык-основа; *оп.* – общепермский язык-основа; *печ.* – печорский диалект; *скр.* – присыктивкарский диалект; *сс.* – среднесысольский диалект; *уд.* – удорский диалект, *уд.* (Венд.) – говор д. Вендинга, *уд.* (Гл.) – говор с. Глотова, *уд.* (Мез.) – говор на Мезени; *удм.* – удмуртский язык.

Библиографический список

ВСД – Т. И. Жилина. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.

Кельмаков В. К. Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // СФУ. 1987. № 1. С. 34–44.

КПД – Р. М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

КПРС – Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КЭСК – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

КЯД – В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Лисенкова Д. Т. Консонантизм в говоре села Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. Сыктывкар, 1964.

ЛЛД – Т. И. Жилина. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Часть 1: Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.

Лыткин В. И. К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках // СФУ. 1968. № 4. С. 19–25.

УД – В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова. Удорский диалект коми языка. М., 1990.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Б. И. Осипов, О. Г. Никонорова (Омск)

О программе ознакомительного спецкурса по финно-угорским языкам для студентов-русистов

Кафедра общего языкознания Омского государственного университета задумала проведение на факультете русского языка и литературы семестрового ознакомительного спецкурса для студентов, специализирующихся по языкознанию. Спецкурс планируется проводить на материале венгерского и удмуртского языков. Его программу мы хотели бы предложить вниманию коллег.

Конечно, ни продолжительность курса, ни кадровый состав кафедры не позволяют ставить перед ним большие задачи. В практическом плане мы рассчитываем научить наших студентов читать и переводить со словарем несложные тексты. Основная задача спецкурса – расширить языковедческий кругозор наших студентов, дав им представление о языках, достаточно далеких от русского и

от изучаемых в наших вузах европейских языков как генеалогически, так и типологически. Поэтому наиболее подробно будут рассматриваться те особенности системы предлагаемых вниманию языков, которые наиболее необычны для носителей русского языка.

Спецкурсу предполагается предпослать общий обзор состава финно-угорских языков, территории их распространения и типологических особенностей, присущих им всем.

Затем предполагается краткое знакомство с фонетической системой удмуртского языка, его письменностью и с основными особенностями грамматики, из которых наибольшее внимание будет уделено наличию падежей, отсутствующих в русском, послелогам, особенностям глагольных форм (в особенности отличиям в выражении модальности: категории фиктивности и нек. др.), многообразию отрицательных частиц, а в области синтаксиса — порядку слов.

В области фонетики и графики наибольшие трудности для русских составляют отсутствие в русском аффрикаты *č*, *ž*, *ž* и средняяязычная артикуляция мягких согласных, а также некоторые особенности удмуртских гласных: отсутствующий в русском языке *o*, более задний характер *a* и *y*, более открытый характер *э*, отсутствие качественной редукции в безударных слогах. Меньшую трудность представляют собой звонкие на конце слова, но и они требуют постоянного внимания при чтении удмуртского текста. В области интонации требует внимания четкая противопоставленность в удмуртском повествовательной и повествовательной интонации (тогда как в русском противопоставлены вопросительная и невопросительная).

В области морфологии существительных потребуют разъяснения значения разделительного, лишительного, соответственно, входного, исходного, отдалительного, переходного, направительного, предельного падежей. Кроме того, необычным для русского студента является агглютинативный характер числовых и падежных показателей и наличие простого и притяжательного склонений. Система прилагательных и числительных, существенно отличаясь от русской, является в удмуртском более простой и, по-видимому, потребует меньших усилий. Значительное внимание придется уделить местоимениям, разряды которых не совпадают с русскими. Как и во многих языках, большие сложности представляет глагол: кроме упомянутых уже особенностей мо-

дальных и отрицательных форм, существенное своеобразие имеется в области вида, залога, сложности есть в образовании причастных и деепричастных форм.

Программа спецкурса по венгерскому языку предполагает подачу материала каждой лекции комплексно, или блоками, включающими в себя (после изучения алфавита, графики и фонетических особенностей) грамматический материал (в первую очередь, сложные морфологические явления венгерского языка), лексический (новые слова), ряд упражнений для закрепления изученного и текст для перевода и разбора. Такой подход должен помочь студентам усваивать материал постепенно и с повторением основ грамматики.

В области фонетики и графики основное внимание предполагается уделить наличию долгих и кратких гласных и согласных, своеобразие многих фонем (например, краткий огубленный *a*; гласные *o*, *u*, *ő*, *ü*; аффрикаты; междусвязочный *h* и другие), закону гармонии гласных, интонации вопросительных предложений, существованию надстрочных знаков, одно-, дву- и трехзначных букв.

Наиболее важные, интересные и необычные для русских студентов грамматические, словообразовательные и синтаксические явления венгерского языка:

- отсутствие грамматической категории рода;
- образование множественного числа при помощи показателя *-k*;
- выражение отношений обладания и принадлежности с помощью лично-притяжательных окончаний и притяжательных признаков, присоединяемых к существительным, прилагательным и т. д. непосредственно (а не с помощью притяжательных местоимений),
- категория определенности/неопределенности предмета или лица, являющаяся важным различительным признаком, от которого зависит употребление артикля, безобъектного или объектного спряжений, порядок слов и т. д.;
- использование множества падежных окончаний (порядка 25), присоединяемых к основе существительных и прилагательных, и послелогов, стоящих после них. Неразличение падежных окончаний единственного и множественного числа;
- порядок слов (место глагола в предложении; определение всегда стоит перед определяемым словом и не согласуется с ним);

– употребление глаголов (объектное и безобъектное спряжение; спряжения глаголов разных типов основ; образование форм прошедшего и будущего времени; условное наклонение в настоящем и прошедшем времени; повелительное наклонение, употребляющееся во всех лицах настоящего времени; приставочные глаголы как самостоятельные лексические единицы, место приставки: приставки могут стоять перед глаголом и писаться с ним слитно, могут стоять после глагола и писаться отдельно, могут отделяться от него вспомогательным глаголом; потенциальные глаголы (с суффиксом “возможности”); каузативные глаголы, или понудительные);

– наличие суффиксов (“лишительных”, “обладания”, обозначающих круг родных и близких) и другие.

Мы, разумеется, не рассчитываем на сколько-нибудь активное овладение всеми этими формами (в лучшем случае можно, видимо, ожидать узнавания их в переводимом тексте), но мы хотели бы на конкретном материале показать, как значения, в одном языке выражаемые лексически, в другом выражаются грамматически, и наоборот. Европейские языки дают в этом смысле довольно мало (главным образом это категории определенности-неопределенности и иная система глагольных времен, но то и другое студенты-русисты встречают и в истории славянских языков, когда изучают старославянский и древнерусский).

Вряд ли на кратком спецкурсе удастся сколько-нибудь подробно остановиться на лексике и фразеологии, однако по мере возможности хотелось бы показать своеобразие языковой картины мира в языках разных систем, сформировавшихся к тому же в разных общественных и географических условиях.

Л. Г. Пономарева (Ижевск)

Употребление фонем *ö* и *э* в первом слоге слова в говоре д. Тайга верх-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка

В коми-пермяцком литературном языке и в его современных диалектах (кроме коми-язьвинского) в первом слоге слова довольно широко представлен неогубленный гласный *ö*. Однако в верх-лупьинском диалекте пермяцкого языка общеупотребительная фонема *ö* первого слога нередко может заменяться звуком *э*.

Для выявления употребительности фонем *ö* и *э* в первом слове в исследуемом нами ареале был собран материал методом сплошной выборки из 9 небольших по объему диалектных текстов разного жанра, собранных мною в полевых условиях.

Фонемы *ö* и *э* в указанной позиции нами зафиксированы в составе или качестве следующих морфем:

1) в суффиксах глагольных форм II (неочевидного) прошедшего времени, напр.: *ты'рöм* '(он) заполнился, оказывается', *бы'рöма* '(он) изнашивался, оказывается', *ги'жöм* '(он) написал, оказывается' (всего 7 примеров) ~ *по'лз'эмас'* '(они) испугались, оказывается', *лэ'птис'эма* '(он) поднялся, оказывается', *благос'лови'млэ-мас'* '(они) благословили, оказывается' (8 случаев);

2) в показателях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени, напр.: *ви'дö* 'ругает', *го'рзö* 'плачет', *с'ы'lö* 'поет' (всего 16) ~ *су'лалэ* 'стоит', *гö'тралэ* 'женит', *ви'дзэны* 'держат' (всего 10);

3) в суффиксах 3-го лица множественного числа I (очевидного) прошедшего времени, напр.: *ло'ктисö* '(они) пришли', *кит-сал'исö* '(они) позвали', *стри'чайтисö* '(они) встречали' (всего 7) ~ примеров с *э* не обнаружено;

4) в показателях 3-го лица множественного числа будущего простого времени, напр.: *вэ'штасö* 'заплатят', *и'гналасö* 'запрут', *бы'ттасö* 'вырастят' (всего 6) ~ примеров с *э* не зафиксировано;

5) в суффиксах 2-го лица множественного числа повелительного наклонения положительного и отрицательного спряжения, напр.: *примэ'т'и'тö* '(вы) приметьте', *э'нэ му'нö* '(вы) не идите' (всего 3) ~ *дзэ'бэ* '(вы) похороните' (всего 1);

6) в показателях множественного числа отрицательных глаголов повелительного наклонения, напр.: *э'нэ* '(вы) не' (2 раза) ~ примеров с *ö* не обнаружено;

7) в составе суффиксов понудительного залога, напр.: *бы'рöти* '(я) изнашивал', *пукс'ö'тисö* '(они) посадили' (всего 5) ~ *лэ'ччэ'тöны* 'спускают', *мис'с'э'тны* 'вымыть', *вунэ'тны* 'забыть' (всего 5);

8) в дееспричастных показателях, напр.: *тö'дэмöн* 'зная', *о'к-лас'эмöн* 'качаясь' (всего 2) ~ примеров с *ö* не зафиксировано;

9) в словообразовательных суффиксах, напр.: *гымалд'мыс* 'гром', *гажжотны* 'веселить' (всего 2) ~ *дзо'лгэмыс* 'журчание', *вэ'лэ'тлэмис* 'из-за хождения' (всего 3);

10) в лично-притяжательных суффиксах 1-го лица единственного числа, напр.: *ван'ук'ой* 'мой Ванечка', *зо'ной* 'мой сын' (всего 2) ~ *ны'л'эээй* 'мои дочери', *ба'б'йэээй* 'мои бабушки', *ба'т'э* 'мой отец' (всего 4);

11) в показателях следующих падежей:

а) аккузатива, напр.: *мэ'нө* 'меня', *тэ'нө* 'тебя', *си'йө* 'его' (всего 15) ~ *ми'йанэс* 'нас', *ва'н'эс* 'Ваню' (всего 3);

б) адессива, напр.: *ны'лөн* 'у них' (всего 1) ~ *пу'лэн* 'у дерева', *шо'рлэн* 'у реки' (всего 3);

в) аллатива (датива), напр.: *йө'злө* 'народу', *зо'нкалө* 'мальчику' (всего 4) ~ *ны'лэ* 'им' (всего 1);

г) инструменталю, напр.: *н'а'т'өн* 'грязью', *па'с'өн* 'шубой', *вө'й'ээдз* 'лошадьми' (всего 7) ~ *ша'т'эн* 'вицей', *вө'лэн* 'лошадью', *н'а'н'эн* 'хлебом' (всего 4);

д) комитатива, напр.: *ба'т'ыткөт* 'с твоим отцом', *а'ннакөт* 'с Анной' (всего 2) ~ примеров с э не обнаружено;

е) иллатива, в том числе и в структуре послелого, напр.: *ба'н'аө* 'в баню', *война вы'лө* 'на войну', *шор до'рө* 'к реке', *па'с'с'ээз вы'лө* 'на шубы' (всего 6) ~ *кэ'ркаэ* 'в дом', *д'эрэ'ви'аз* 'в деревню', *лу'нэ* 'в день' (всего 3);

ж) пролатива, напр.: *йө'рдөт'т'ис* 'через тот забор' (всего 2) ~ примеров с э не зафиксировано;

з) терминатива, в том числе и в наречных формах, напр.: *три'ццэт' л'э'төдз* 'до тридцати лет', *ө'нөдз* 'до настоящего времени' (всего 2) ~ *о'йшорэдз* 'до полуночи', *с'о'рэдз* 'допоздна', *ы'лэдз* 'до дальних мест' (всего 5);

12) в корне слова, напр.: *э'шө* 'еще', *кы'мөр* 'облако', *дө'рөм* 'рубашка' (всего 5) ~ *кэ'рэсын* 'на горе', *учэт'ик* 'маленький', *сэтэр* 'смородина' (всего 4).

Весь собранный материал по рассматриваемому вопросу в фонетическом отношении можно представить в виде таблицы (см. с. 145).

Исходя из приведенных в таблице данных, можно сделать следующие выводы:

1. В употреблении фонем *ө* и *э* в первом слове слова наибольшую частотность имеют примеры с *ө* (в 92 из 150).

2. Сохранение звука *ö* в непервом слове слова в большинстве случаев (в 69 из 92) наблюдается после твердых согласных.

Фонетическая позиция	Гласный <i>ö</i> в непервом слове	Гласный <i>э</i> на месте <i>ö</i> в непервом слове
После велярных согласных	69	18
После палатальных согласных	14	30
Перед палатальными согласными	5	6
Между палатальными согласными	—	2
После гласных	3	2
Всего	92	58
Итого	150	

3. Замена общеупотребительного *ö* непервого слога звуком *э* в большей степени (в 30 случаях из 58) происходит после палатальных согласных. Это позволяет предположить о существовании в исследуемом нами ареале некоторой тенденции перехода *ö* непервого слога в *э* под влиянием предшествующего палатального согласного.

А. Н. Ракин (Сыктывкар)

Спланхнонимическая лексика в пермских языках:

Синхронно-лексикографический анализ

Синхронно-лексикографический анализ спланхнонимической* лексики проводится на материале трех словарей современных пермских языков – Коми-русского словаря (КРС), Удмуртско-русского словаря (УРС) и Коми-пермяцко-русского словаря (КПРС). Эти издания, несмотря на то, что первый из них появился более тридцати лет назад, а два других – в 80-е гг., являются

* *Спланхноним* – слово, обозначающее какой-либо внутренний орган (от греч. *splanchna* 'внутренности' и *опута* 'имя'); *спланхнонимия* – совокупность названий, обозначающих внутренние органы.

однотипными и на сегодняшний день наиболее полно отражают словарный состав современных коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского литературных языков.

Основная масса спланхнонимических названий в анализируемых словарях является исконной. К словам иноязычного происхождения в словаре коми-зырянского языка относятся только два спланхнонима – индоиранское заимствование *вõрк* 'почка, почки' и русское заимствование *мошня* 'мошонка'. В словаре коми-пермяцкого языка иноязычная лексика представлена одной группой заимствований – названиями русского происхождения. В качестве самостоятельных спланхнонимических обозначений здесь даны следующие заимствования: *брюшина*, *желудок*, *кишечник*, *лёгко* 'лёгкие' и т. д. В сочетании с исконными словами даны: *веськыт почка* 'правая почка' (*веськыт* 'правый'), *ковтинь* 'клык (у человека)' (*тинь* 'зуб') и т. д. В словаре удмуртского языка иноязычную лексику составляют две группы названий: русские и тюркские заимствования. Самостоятельными анатомическими обозначениями являются: *железа* 'железа', *коронка* 'коронка', *матка* 'матка', *казылык* 'сальник', *пакар* 'желудок, брюшина', *урт* 'ротовая полость' и т. д. В сочетании с исконными словами даны *пиньлэн эмалез* 'эмаль зуба', *шокан органъёс* 'дыхательные органы', *ангес улысь без* 'подчелюстная железа' (*ангес* 'подбородок') и т. д.

В составе спланхнонимической лексики в анализируемых словарях самую многочисленную группу составляют названия, являющиеся обозначениями пищеварительных органов. Сюда относятся 65 удмуртских, 39 коми-пермяцких и 35 коми-зырянских номинативных единиц: удм. *ан* 'нёбо', *пинь* 'зуб', *жюш* 'желудок'; кз. *вом пытикõс* 'полость рта', *кынõм* 'желудок'; кп. *одзись пинь* 'резец', *мус* 'печень' и т. д. К обозначениям органов дыхания относятся 12 удмуртских, 11 коми-зырянских и 10 коми-пермяцких названий: удм. *ныр пуш* 'полость носа', *гульым выжы* 'гортань'; кз. *лов горш* 'трахея', *ты* 'лёгкие'; кп. *чушыктан горш* 'трахея', *морос пытик* 'грудная полость' и т. д. К обозначениям мочеполовых органов относится 9 удмуртских, 6 коми-пермяцких и 4 коми-зырянских названия: удм. *пекля* 'почка', *пуз* 'яичко'; кп. *кудз гадь* 'мочевой пузырь', *кõль* 'мошонка'; кз. *вõрк* 'почка', *яндзим* 'половой орган' и т. д.

В словаре коми-зырянского языка 33 объекта номинации имеют по одному названию, например: внутренности – *гырк пытшкӧс*, преддверие рта – *вомкӧтиш* и т. д. Для 5 объектов номинации даны по два обозначения: корень языка – *кыв вуж*, *кыв дін* и т. д. Четыре обозначения имеет трахея – *горш*, *гольган*, *лов горш*, *сера голя*. В словаре удмуртского языка по одному названию имеют 24 объекта номинации, например: подъязычная железа – *кыл ул без*, плацента – *нылти жоб* и т. д. Для 16 объектов номинации дано по два обозначения, напр.: ротовая полость – *урт*, *ым пуш*, десна – *пинь ан*, *пинь сіль* и т. д. Для четырех объектов номинации дано по три обозначения, напр.: нёбо – *ан*, *ымбак*, *ымвогыри*. Для двух объектов номинации дано по пять обозначений: гортань – *голѣ*, *гульым*, *гульым выжы*, *ныылон*, *ныылон выжы*. Восемь обозначений имеет брюшина – *бадӟым жсуш*, *бадӟым кӧт*, *жсуш*, *зӧк кӧт*, *кӧт казы*, *кӧтку*, *кӧтпыдэс*, *пакар*. В словаре коми-пермяцкого языка по одному названию имеют 24 объекта номинации, например: зуб – *пинь*, глотка – *тарган* и т. д. Для девяти объектов номинации дано по два обозначения: молочный зуб – *гичпинь*, *йӧв пинь*, трахея – *лолалан горш*, *чушыктан горш* и т. д. Для трех объектов номинации дано по три обозначения: брюшная полость – *гырк*, *гырк пытшк*, *кынӧм пытшк* и т. д. Четыре наименования имеет кишка – *кишка*, *сюв*, *сю*, *сӧв*.

Вся спланхнонимическая лексика, содержащаяся в анализируемых словарях, сосредоточена в 139 словарных статьях. Больше всего словарных статей с названиями внутренних органов в УРС – 60, в КПРС – 45 словарных статей, в КРС – 34. В 96 словарных статьях спланхнонимы даны в качестве заглавных слов. Заглавные слова по своей структуре являются либо одночленными несоставными названиями, либо двухкомпонентными обозначениями в слитном написании, либо устойчивыми сочетаниями. В словаре коми языка представлены только два структурных типа заглавных слов. Заглавные слова в виде устойчивых, несвободных словосочетаний здесь отсутствуют. За исключением спланхнонима *вомкӧтиш* 'за щекой', представляющего собой сложное слово, все заглавные слова в КРС относятся к несоставным лексическим единицам. В КПРС также преобладают заглавные слова, состоящие из одного компонента: *гырк* 'брюшная полость, внутренности', *ныылас* 'пищевод' и т. д. К группе заглавных слов, состоящих из двух компонентов, относится 6 названий: *гичпинь*

'молочный зуб', *тиньяй* 'десна' и т. д. Устойчивым словосочетанием является одно заглавное слово: *сӧз*: *тинь сӧз* 'десна'. В словаре удмуртского языка к группе несоставных одночленных названий относятся следующие спланхнонимы: *без* 'железа', *гульым* 'глотка, гортань' и т. д. К группе двухчленных заглавных слов в слитном написании относятся: *бызпуы* 'мочевой пузырь', *кылвыжы* 'корень языка' и т. д. Группа заглавных слов, являющихся устойчивыми словосочетаниями, состоит из трех спланхнонимов — *казы*: *кӧт казы* 'брюшина', *лучек*: *лучек тинь* 'молочные зубы', *пыдсо*: *пыдсо сюл* 'слепая кишка'.

Составные названия, состоящие из двух и более слов, расположены внутри словарных статей. В КРС внутри словарных статей даны 23 составных спланхнонима, в УРС — 32 названия, в КПРС — 28 названий. В словарях коми языков к данной категории спланхнонимических названий относятся названия, состоящие только из двух слов, в УРС — как двухкомпонентные, так и трехкомпонентные обозначения, напр.: *ангес улысь без* 'подчелюстная железа', *берло потэм йыртинь* 'зуб мудрости' и т. д. Большая часть спланхнонимических составных названий содержится в таких статьях, в которых заглавными словами выступают анатомические названия, напр.: кз. *ичӧт кыв* 'язычок' — в статье на *кыв* 'язык', удм. *бадӟым кӧт* 'брюшина' — в статье на *кӧт* 'живот, желудок', кп. *кыв пон* 'кончик языка' — в статье на *кыв* 'язык' и т. д.

В словарных статьях с неанатомическим заглавным словом спланхнонимических названий значительно меньше: кз. *веськыд сюв* 'прямая кишка' — в статье на *веськыд* 'прямой', удм. *пулсо сюл* 'двенадцатиперстная кишка' — в статье на *пулсо* 'щелистый', кп. *ныр пыс* 'ноздря' — в статье на *пыс* 'ушко'. В словарных статьях с неанатомическим заглавным словом, как правило, содержится не больше одного составного спланхнонимического названия. Характерной особенностью подобного рода примеров является то, что многие из них находятся в заромбовой части словарной статьи. В словарных статьях с анатомическим заглавным словом также содержится одно или два составных обозначения, но есть и примеры с тремя, четырьмя и пятью номинативными единицами: удм. *сюл* 'кишка', *векчи сюльӛс* 'тонкие кишки', *пыдсо сюл* 'слепая кишка'.

Во всех трех словарях пермских языков одни и те же спланхнонимические названия иногда даются в разных словарных статьях. В КРС таких обозначений 14, в КПРС — 10, в УРС — 6. Примеры

показывают, что при подаче одних и тех же спланхнонимов в разных словарных статьях не всегда соблюдается принцип единообразной подачи материала. В словаре коми-зырянского языка, например, такие названия полностью совпадают только в пяти случаях, в словаре коми-пермяцкого языка – в трех случаях, в словаре удмуртского языка – в двух случаях: *азь пинь* 'резец, передний зуб' [УРС: 22, 342], *ым пуш* 'полость рта' [УРС: 368, 516]. Во всех остальных случаях спланхнонимы, содержащиеся в разных словарных статьях, не совпадают. Следует отметить, что разнобой в подаче одних и тех же спланхнонимов имеет место как в исходной, так и в переводной части названий. Часть названий одновременно дается либо как заглавное слово, либо как незаглавное слово и, соответственно, различается орфографически, напр.: кп. *пиньяй* 'десна' [КПРС: 342] и *пинь яй* 'десна' [КПРС: 342], удм. *ныртысы* 'ноздря, ноздри' [УРС: 307] и *ныр пысы* 'ноздря' [УРС: 374].

Некоторые названия различаются месторасположением: в одном случае спланхноним оформлен как свободное словосочетание, в другом случае как устойчивое сочетание, находящееся в ромбовой части, например: *лов горш* 'дыхательное горло' [КРС: 166] и *лов горш* 'дыхательное горло' [КРС: 378]; *пичи кыл* 'язычок' [УРС: 240] и *пичи кыл* 'язычок' [УРС: 340] и т. д.

Разная подача переводной части наблюдается у следующих спланхнонимов: кз. *кыв вуж* 'основание языка' [КРС: 140] и *кыв вуж* 'корень языка' [КРС: 346], кп. *ом пытишк* 'полость рта' [КПРС: 393] и *ом пытишк* 'ротовая полость' [КПРС: 305] и т. д. У некоторых названий различается как исходная, так и переводная часть, напр.: кп. *пиньсöz* 'нижняя часть зубов (под дёснами)' [КПРС: 342] и *сöz: пинь сöz* 'десна' [КПРС: 44].

Несоответствие между одними и теми же названиями в разных словарных статьях проявляется также в снабжении пометами, в одном случае они не маркированы, например: удм. *пичи кыл* 'язычок' [УРС: 240], в другом случае – маркированы: удм. *пичи кыл* анат. 'язычок' [УРС: 344]. Как и в других отраслях антропотоминимической лексики, рассмотренные выше спланхнонимические примеры следует признать как недостаток в лексикографической подаче анатомических названий пермских языков, ибо один и тот же материал должен быть представлен по единому принципу независимо от того, содержится ли в одной или нескольких словарных статьях.

16 составных названий, содержащихся внутри словарных статей, расположены за знаком ромб, т. е. в той части, которая является местом подачи фразеологической лексики: кз. $\Diamond$ *лов горш* 'дыхательное горло', удм. $\Diamond$ *пичи кыл* 'язычок', кп. $\Diamond$ *йёв пинь* 'молочный зуб' и т. д.

Анализ приведенной группы спланхнонимических названий показывает, что большинство из них (12 из 16) содержится в словарных статьях с неанатомическим заглавным словом. Именно это обстоятельство является, видимо, одной из причин того, что данные названия оказались за знаком ромб. С другой стороны, определенная часть этих названий дублирует спланхнонимы в других словарных статьях без знака ромб, т. е. свободные словосочетания, ср. кп. *йёв пинь* 'молочный зуб' – в статье на *пинь* 'зуб, зубной', удм. *пичи кыл* 'язычок' – в статье на *кыл* 'язык'. Такие примеры свидетельствуют в пользу того, что подобного рода спланхнонимические названия собственно фразеологизмами не являются и повторная подача их со знаком ромб является излишней.

Для спланхнонимической лексики, содержащейся в анализируемых словарях, в целом характерны моносемантические обозначения, которые имеют одно значение и указывают на один объект номинации. Как полисемантические названия, обозначающие несколько анатомических объектов, даны спланхнонимы: кз. *горш* 'глотка; гортань; зев; трахея', кп. *гырк* 'брюшная полость; внутренности', удм. *гырпи* 'коренной зуб; зуб мудрости' и т. д. К числу многозначных коми-зырянских названий следует отнести также спланхноним *ан* 1. 'нёбо', 2. 'десна, дёсны', который в КРС представлен как моносемантическая единица, т. е. только со значением *ан* 'нёбо'.

1. *Кывтё колё вылё лэптыны и топодны пинь анас и пытшкёссяныд лолыштігад кывтё лэдзны улё и сразу артмас "лө". И "рө"-ыд артмё, кор пёльыштігмозыд кыв йывнад жё анад инмёдчылан, быттё сынодсё крукышталан* (Б. Шахов. Тшөтшъяс). 'Язык надо вверх поднять и прижать к десне, и при выдохе язык опустить вниз и сразу получится "эль". И "эр" получится, если при выдохе тоже концом языка соприкасаешься к нёбу, словно воздух задерживаешь'.

2. *Ставыс кынём сайын. Бура кө уджалё кынём, мортлы нинём оз ло. Сёмын бөрря кадас менам кынёмлы эз ло лёсьыд. Дай анъяс личавны кутісны, быд вой вир сөдзөдчө* (В. Юхнин. Алёй

лента). 'Все зависит от желудка. Если хорошо работает желудок, ничего не случится. Только в последнее время моему желудку стало нехорошо. И дёсны ослабли, каждую ночь кровь сочится'.

Основная масса спланхнонимов является общеупотребительной, поэтому никаких примет при себе не имеет. Небольшая часть названий маркирована специальными пометами. Для маркировки спланхнонимической лексики в анализируемых словарях используется пять видов помет: *анат.* (анатомия), *диал.* (диалектизм), *мед.* (медицина), *разг.* (разговорное слово), *уст.* (устаревшее слово). В КРС используется только помета *анат.*, которой отмечено 6 спланхнонимов. В КПРС пятью видами помет отмечено 23 спланхнонима. В УРС тремя видами помет отмечено 24 спланхнонима.

Среди маркированных спланхнонимов преобладают названия с пометой *анат.* (40 единиц), больше половины из них (22) содержится в УРС. Часть названий, имеющих данную помету, являются моносемантическими единицами, часть — полисемантическими. При моносемантических названиях, имеющих всего одно значение, помета *анат.*, как правило, дает дополнительную информацию о принадлежности маркированных лексем к анатомической лексике, напр.: кп. *кага места* анат. 'детское место', удм. *пичи кыл* анат. 'язычок'. При полисемантических спланхнонимах помета *анат.* выполняет семантико-дифференцирующую функцию, т. е. служит для разграничения того значения, которое указывает на анатомический объект, от других, как правило, к сфере анатомической лексики не относящихся: удм. *калта* 1) 'кисет'; 2) анат. 'мошонка' 3) 'кошелек, сумка, сумочка'. Таковую же функцию, т. е. семантико-дифференцирующую, имеет помета *анат.* при омонимах, напр.:

ты I 'озеро';

ты II анат. 'легкое, легкие' (см.: [КРС: 705; КПРС: 499; УРС: 432]).

почка I бот. 'почка'.

почка II мед. 'почка' [КПРС: 362].

Последние два примера являются заимствованиями. Как и коми-зырянское *вөрк* анат. 'почка, почки' и удм. *некля* анат. 'почка', коми-пермяцкое *почка* 'почка' обозначает анатомический объект, поэтому более правильным было бы снабдить его пометой *анат.*, а не пометой *мед.* Хотя следует отметить, что исходное слово в языке-источнике, т. е. в русском языке, как и его омоним, не маркиро-

вано, ср. рус. *почки* (*почка*) 'парный орган образования и выделения мочи у человека и животных' [СРЯ – 3 1984: 345] и *почка* 'зачаток побега, листка или соцветия' [СРЯ – 3 1984: 344].

Помету *диал.* при себе имеют десять удмуртских спланхнонимов: *казылык* диал. 'сальник', *катанчи* диал. 'диафрагма', *кол* диал. 'клык' и т. д. В словаре коми-пермяцкого языка вместо пометы *диал.* для маркировки спланхнонимов применены пометы *сев.* (северное наречие) и *юсьв.* (юсьвинский говор), напр.: *гыркпытшик* сев. 'внутренности', *жовдок* юсьв. 'желудок'. Анализ перечисленных диалектных спланхнонимов показывает, что многие из них в словаре удмуртского языка, как и в словаре коми-пермяцкого языка, дублируют названия литературного языка, ср. кп. лит. *гырк* 'внутренности' и сев. *гыркпытшик* 'внутренности', удм. лит. *ым туш* 'полость рта' и *урт* диал. 'полость рта'. Кроме того, следует отметить также, что в составе диалектных спланхнонимов многие названия являются заимствованиями, проникшими либо из русского языка, напр.: кп. *желудок*, либо из тюркских языков, напр.: удм. *казылык*, *катанчи*, *накар*, *урт*.

Спланхнонимические названия с пометой *уст.* содержатся только в одном из трех анализируемых словарей – в КПСР: *сөв* уст. 'кишка', *сю* уст. 'кишка', *ты* уст. 'легкое, легкие'. Такое явление, т. е. переход исконной лексики в пассивный словарный запас, характерно не только для спланхнонимов коми-пермяцкого языка, но и для сомонимов и остеонимов, ср. *сой* уст. 'рука (от кисти до плеча)', *сюрги* уст. 'позвонок'. Вместо маркированных данной пометой спланхнонимов в активном запасе употребляют заимствования *кишка* 'кишка', *лёгко* 'легкое'. Приведенные выше примеры показывают, что данные исконные лексические единицы становятся менее употребительными не по причине выхода обозначаемых ими понятий из повседневной сферы общения, а из-за небрежного отношения к ресурсам родного языка и восприятия иноязычных названий как более престижного средства номинации анатомических объектов. В результате такого подхода к собственным словам они могут полностью выпасть из словарного состава, как это случилось с древним названием *вөрк* 'почка', вместо которого в современном коми-пермяцком языке широко используется русское название *почка*.

Среди трех анализируемых словарей наиболее высокой степенью обеспеченности спланхнонимической лексики иллюстративными примерами обладает КРС. Здесь из 23 словарных статей

с названиями, обозначающими внутренние органы, иллюстрации в виде различных сочетаний слов даются в одиннадцати. Например: *горш* 'глотка; гортань; зев; трахея', *лов горш* 'дыхательное горло', *лов горшö веськавы* 'попасть в дыхательное горло', *горшö лы сатшис* 'в глотку вонзилась рыба кость'. В словаре коми-пермяцкого языка иллюстративные примеры отсутствуют в 31 словарной статье, в словаре удмуртского языка – в 47 словарных статьях. Следует отметить, что современный уровень художественной литературы, особенно ее крупные жанры, дает возможность подобрать цитатный материал почти для всех названий, данных в нормативных словарях пермских языков без иллюстративных примеров. Значительное количество дополнительно выявленного материала может быть использовано и для увеличения самого корпуса анатомической лексики в анализируемых словарях. Для включения в словарь коми-зырянского языка, например, можно рекомендовать не менее 65 спланхнонимических обозначений: *вом лöсас* 'ротовая щель', *ан лёдзяс* 'поперечные нёбные складки', *пинь визь* 'зубная дуга', *пинь пытшкöс* 'полость зуба', *пинь пытшкöс небыд* 'пульпа зуба', *кыв вез* 'уздечка языка', *сюв чаль* 'аппендикс', *ныр пытшкöс розяс* 'хоаны носа', *ловгорш выв гöч* 'надгортанный хрящ', *ловгорш кöя* 'киль трахеи', *ты кень* 'плевра', *кы ты кост* 'средостение' и т. д.

Сравнительный лексикографический анализ, таким образом, свидетельствует, что для трех рассмотренных словарей, являющихся наиболее полными источниками лексики соответствующих литературных языков, характерны единые принципы подачи анатомической лексики, хотя имеются и некоторые различия. Так, например, в словарях коми языков большинство заглавных слов является одночленными несоставными структурными единицами, в то время как в удмуртском словаре преобладают двухкомпонентные названия в слитном написании. Дialectных названий, имеющих соответствующую маркировку, намного больше в составе коми-пермяцкой и удмуртской антропотоминимии, чем в коми-зырянском словаре, что вполне объяснимо – при отсутствии специальных диалектологических лексикографических источников словарь литературного языка является единственной возможностью отразить лексические богатства общенационального языка. Результаты исследования также показывают, что имеются зна-

чительные резервы для пополнения словаря литературного языка как в отношении иллюстративного материала, так и самого корпуса анатомических названий.

Библиографический список

КПРС – Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985.

КРС – Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.

СРЯ – Словарь русского языка / АН СССР. Ин-т рус.яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой; 2-е изд. испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.

УРС – Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983.

Джек М. Рютер (*Хельсинки*)

Хельсинкиса университетын кыв туялысь

Ижкарын перымса кывъяс симпозиум вылын лыддьöмтор

Финляндияса академия отсöгöн Хельсинкиса университетын вöчöны ичöт войтырлöн кывъяс гижöд чукöрлысь проект, кодi лöб Войвыв Муясса öтувъя проектлöн юкöнöн. Öти боксянь, Хельсинкиса университетын эмöсь перымса кывъяс туялысь йöз. Мöд боксянь, танi эмöсь и йöз, кодъяс уджалöны тöдан машиналысь кыв туялöмын. Сидзи, лингвистика кафедраса профессор Киммо Коскенниемилöн UNIX вылын лöсьöдöм TWOЛ уджтасяс отсöгöн гижöд чукöр проектын лöи позянлун артмöдны и кывчукöр юкöн.

Öнi аслам проектын вöчöма нин вель уна – кывчукöрын дас сюрс сайö кыв да кыв артмöдан 95 ордым, кодъяс серти петкöдчö кывсикасяслöн артмöм да вежласьöм. Воис кад, кор позьö лыддьöдлыны компьютерса коми кывкудлысь сьöкыдлунъяс.

Тöдан машинаö медводз колö пыртны газет-небöг гижöдъяс. Кöть öнiя кадö газет-небöгтö лэдзöны тöдан машинаөн, UNIX-ын уджалiгöн ковмис и материалсö мöд ногöн пуктавын, медым кужны лыддьынысö. Та могысь ковмис кириллича шыпасъяс пыдди лöсьöдны торъя анбур. Эска, мый матысса кадö позьö кириллича шыпасъяс лыддьыны веськыда UNIX вывсьыс.

Өні верман лыддыны сөмын куим лыдакывъя пасъяс, шуам: а = \340, б = \341, в = \342 да св.

Отарсянь кӧ, омӧль, мӧдарсянь кӧ, бур. Кириллича пыдди артмӧдӧм системасӧ позьӧ лыддыны мушар пасъта быдлаын: а = а, б = b, в = v, г = g да с. в. Эмӧсь и сэтшӧм пасъяс, кодъясӧс ковмис мӧд ногӧн вӧчны: ю = u1, ё = o1, я = a1, i = i2, э = e2, ы = i3, ӧ = e3, ж = z4, ч = c4, ш = s4, щ = s5, ь = w, ь = y.

Водзӧ сета материалсӧ кирилличаӧн, тӧдса гижанногсӧ кок-ниджык лыддынысӧ.

Кӧть тӧдан машинаса материалсӧ босътан веськыда небӧг-газет лӧдзанинысь, колӧ тӧдны, кыдзи гижны кывъяссӧ.

1-кӧ, эм Молодцовлӧн гижанног, код подув вылын кывъяс-сӧ позьӧ гижны шуанног серти. Оз ков гижны *область* роч ног, позьӧ и коми ногӧн, *область* артмас, мый Молодцов серти роч кирилличаӧн, *морковь* водзті моз лоас *морков*. Литератураын эм и *гӧрд вуж*. Кывчукӧрад колӧ пыртны и выль формаяс.

2-кӧ, коми газетъясын, рекламаясын эм уна материал, кодӧс комиӧдӧма роч да мукӧд кыв вылысь, мый вӧсна паныдасъ-лӧ интӧм, абу стӧч коми кыв: *экономикаса министерство* (колӧ: *экономика министерство*), *челядь сӧянін* (колӧ: *челядьлӧн сӧ-янін*).

3-кӧ, коми кывйын эмӧсь шыяс, кодъяс вежласъӧны либӧ ты-далӧны сӧмын сӧк, кор на бӧрын мунысь вежлӧг либӧ мукӧд си-кас кывйыв заводитчӧ гора шыӧн: *вӧв + ыс : вӧлыс; кыв + ын : кывйын; син + ас : синмас* да с. в.

Тадзи кывчукӧр гижигӧн колӧ кутны тӧд вылын, кутшӧм веж-ласъӧмъяс паныдасълӧны. Сьӧкылдунъяс лӧсны к да л шыяскӧд.

Выль кывъясас найӧ озджык вежласъны, шуам с бӧрын: *воск : воскыс = вос : воскыс = вос : восыс*. Мукӧддырйи кывпомса л либӧ в шыяс кольӧны вежласътӧг, шуам: *зал : залыс* либӧ *ов : овыс*; видз. *ов : оvas = ов : олас*. Та вӧсна и колӧ содтыны кык пас: б лыдпасӧн кӧ, *кб* да *лб*.

4-кӧ, шы вежласъӧмъясысь кындзи эмӧсь и мукӧд гижан сьӧ-кылдунъяс, шуам кык да куим юкӧна кывъяс, кодъясӧс ӧтувтан-визьӧн гижӧны: *мам-бать : мам-батьлы = мамы-батьлы*.

Корсюрӧ кык юкӧна кывйын кывйыв содӧ бӧръя юкӧн по-мас. Тайӧ тшӧкылджыка паныдасълӧ коми кывйын. Корсюрӧ кык юкӧна кывйын содтӧма кывйивъяс воддза и бӧръя юкӧн помас, костаныс пуктӧма ӧтувтан визь.

Видзѡдлам коми гижысь Иван Тороповлысь кыв, кодi уна нога да аслыспѡлѡс:

1 *ыши-пошиасьны* (Торопов 1995, 10 лб.)

2 *козья-пиуа-пожѡма вѡрын* (9 лб.)

3 *венѡ-кошьѡ* (10 лб.)

4 *вердысь-удысьясѡн* (17 лб.)

1 колѡ пыртны кывчукѡрѡ. *Ыши-* оз овлы торья кывйѡн, став татшѡм кык юкѡна кывсѡ пуктам аслас местаѡ.

2 оз ков пыртны кывчукѡрѡ. Пыртам кѡ, позьѡ эськѡ пуктыны нѣльѡд юкѡн, витѡдѡс тшѡтш – дженьыдджыка +а- = 'и': вѡр, кѡнi эм и коз, и пипу, и пожѡм и с. в.

3-ыс сьѡкыдлуна. Кыкнан кывйыс овлѡны торйѡн. Кыкнан юкѡныс вежласьѡны, мый тѡдан машинаыдлы вывтi сьѡкыд гѡ-гѡрвоны. Сѡмын контекст серти тѡдан, эм-ѡ налѡн торья вежѡртас.

4 пыр кокниджык, кор кык юкѡна кадакывсьыд артмѡ эмакыв, сы вѡсна мый танi сѡмын веськыд юкѡныс артмѡдѡма. Колѡ-ѡ 3 да 4 пыртны кывчукѡрѡ, тѡдѡ сѡмын велѡдчѡм коми кывья морт. Танi колѡ кутны тѡд вылын, мый тѡдан машинаыд сѡмын компьютер – 'артасян'.

Водзѡ коми кыв правилѡяс йывсьыс, кодьясѡс лѡсьѡдѡма тѡдан машиналы:

шыпасчукѡр: а б в г д е ё ж з и i й к кб:к л лб:л м н о ѡ пр ст у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я #:0 %- %_:0 ;

диакритическѡй пас: %+ ;

торья чукѡрьяс

! став согласнѡй

С = б в г д ж з й к л м н пр ст ф х ц ч ш щ ъ ь;

! ь-(небыд пас) кындзи став согласнѡй

С1 = б в г д ж з й к л м н пр ст ф х ц ч ш щ ъ;

! став согласнѡй, кодьяс бѡрын вермас лоны сѡмын и

С2 = б в г ж й к м пр ф х ч ш щ;

! гора шыпасьяс

V1 = а е ё и i о ѡ у ы э ю я;

! шыпасьяс

Segm = б в г д ж з й к л м н пр ст ф х ц ч ш щ ъ

ь

а е ё и = о ѡ у ы э ю я;

! кыв су (ѡтувтѡм чукѡрьясын, торйѡн гижѡм кывьясын)

WB = # %- % _;

Гижан правилбяс

"л:в" л:в <=> V1 _ [WB: | %+: C1:];

"м:0" м:0 <=> н _ [WB: | %+: C1:];

"к:0" к:0 <=> [с | ш | с ь | ч] _ [WB: | %+: C1:];

"т:0" т:0 <=> п _ [WB: | %+: C1:];

"ы:0" ы:0 <=> V1: + C:* _ %+: V1;

"л:0" л:0 <=> л _ ь [WB: | %+: C1:];

"д:0" д:0 <=> д _ [ь | з] [WB: | %+: C1:];

"й:0" й:0 <=> V1 _ [б | в | г | д | ж | з | к | м | н | п | р | т] _ [WB: | %+: C1:];

"бяс:бяс" ь:ь <=> [д: з: | :ч:0*] %+: _ я с;

"бяс:яс" ь:0 <=> [V1 (й:)| ь] %+: _ я с;

"ь+а:00я, й+а:ъ0я да с. в (1)"

X:Y <=> [[:з | :ч] | \:д:з] [ь: | й:] V1:0* %+: _;

X (а о у)

Y (я ё ю);

"ь+а:00я да с. в. (2)"

ь:0 <=> _ V1:0* %+: _ [а: | о: | у: | и:];

"й+а:ъ0я да св (2)"

й:ъ <=> C1 _ V1:0* %+: [а: | о: | у:];

"й+а:00я да с. в. (2)"

й:0 <=> V1 _ V1:0* %+: [а: | о: | у:];

"і:и" і:и <=> [V1 | C2 | ь: | д з] :0* %+: _;

Prof. Kimmo Koskenniemi-лөн уджтасъяс йылысь:

AUTOMATA komitwol.aut

43 Characters in the Alphabet (102)

15 Automata Read In: 979 Transitions (9000)

113 Rows (10000) 124 Columns (5000)

59 Aligned Pairs (155)

DICTIONARY komi.lex

30098 Branches (240000)

96 Sublexicons (1000)

9389 Entries (65000)

85177 string characters (120000)

Кык асшөр кыв, налөн вежортас, артмөдөм, английскöй вы-
лө вуджөдөм:

вöв

"<вѳв>"

"вѳл#" V ENG [be] V CONNEG SG3

"вѳл#" V ENG [be] V CONNEG SG2

"вѳл#" V ENG [be] V CONNEG SG1

"вѳл#" N ENG [horse] NOM SG

вѳвтѳмтор

"<вѳвтѳмтор>"

"вѳл+тѳм+торй#" V ENG [be] V CAR1 DA-торй N
[thing] NOM SG

"вѳл+тѳм+торй#" V ENG [be] V CAR1 DN-торй N
[a little] NOM SG

"вѳл+тѳм+торй#" N ENG [horse] V CAR DA-торй N
[thing] NOM SG

"вѳл+тѳм+торй#" N ENG [horse] V CAR DN-торй N
[a little] NOM SG

Мый могысь позьѳ вѳдитчыны татшѳм кывчукѳрѳн?

Ѳт-кѳ, сійѳс позьѳ используйтны кыдзи коми-английскѳй-
фин кывкуд.

Мѳд-кѳ, тѳдан машинаса материал подув вылын позьѳ лѳ-
сьѳдны коми кывлысь стѳч гижанног петкѳдлысь уджтас, мый се-
тас ѳсѳг газет-журналын уджалысьяслы, гижысьяслы да уна му-
кѳд йѳзлы, кодьяслѳн эм та вылѳ коланлун. Ѳз позь вунѳдны,
мый татшѳм уджтас лѳ лѳсьѳдѳма абу озырмѳдчѳм вылѳ, а сѳ-
мын коми кыв сѳвмѳдѳм могысь. Мед кѳть татшѳм уджтас дась-
тѳм вылѳ позяс судзѳдны ѳсѳг ѳтувья удж нуѳдан кѳсйѳмьяс
серти Рытыввыв Европаясь.

Коймѳд-кѳ, кор лексикаѳ чукѳрмас 60.000 кыв да сійѳ мате-
риалыс шымыртас озыр коми кывья классикьясѳс, лѳѳ позянлун
лѳсьѳдны сѳдз шусяна торйѳдлана кыввелѳдѳм (Constraint Gram-
mar). Кута лача, мый татшѳмсяма ѳтувья удж вѳчны кѳсйѳм лов-
зяс Комиын.

Рѳскодьясѳѳ вермас чинтыны небѳг-газет лѳдзанѳн да кыв
туялан учрежденнѳ костын кутшѳмкѳ сѳрнитчѳм кырымалѳм.
Шуам, тѳдан машинаѳ пыртѳм газет гижѳдьяс да художества
уджьяс, туялан текстьяс позьѳ видзны дискетаяс вылын. Дискета-
ясѳн вѳдитчѳм тшѳтш лѳѳ тѳдчымѳн донтѳмджык гижѳда мате-
риал вылысь пырталѳм дорысь. Позьѳ мѳвпавны, мый став коми
кывья художества гижѳдыс тѳрас некымын CD ROM вылѳ.

Апеллятивы русского происхождения в микротопонимии Верхней Чепцы

В ходе исторического развития удмуртский этнос вступал в различные контакты с другими народами. Из всего многообразия этнокультурных контактов, по мнению многих исследователей [Владыкин 1976: 65; Фотеев 1978: 69], наибольшую значимость имеют удмуртско-тюркские и удмуртско-русские связи, причём последние начинают приобретать больший вес. С вхождением удмуртов в состав Российского государства, этнокультурное воздействие со стороны русского народа постепенно возрастает. С этого времени создаются наиболее благоприятные условия для проникновения русских слов в удмуртский язык. “Русские слова начинают проникать не только через русских крестьян-соседей, но и через государственно-чиновничий аппарат, судебно-бюрократические органы, через солдатчину, через торгово-менные операции на торгах российских базаров и ярмарок, через насильственную христианизацию коренного населения” [Насибуллин 1995: 42]. “При языковых контактах обычно заимствует тот язык, число носителей которых меньше, а сами они не имеют государственного и культурного приоритета” [Заимов 1980: 47]. В процессе взаимодействия языков также и микротопонимическая номенклатура пополнялась за счёт русских заимствований.

Собранный в полевых условиях материал позволяет говорить о том, что апеллятивы русского происхождения в составе названия в микротопонимических системах данной территории представлены широко.

По участию апеллятивов русского происхождения в составе названий можно выделить такие группы микротопонимов:

1. Микротопонимы-апеллятивы, т. е. апеллятивы в самостоятельном топонимическом значении: *д'эл'анка*, *загоротка*, *казна*, *колдэч*, *кул'ига*, *нас'эка*, *податной*, *пожарн'ик*, *поскот'ина*, *пос'олок*, *потс'эка*, *починка*, *пролка*, *прос'олка*, *прос'эк*, *проход* ~ *прокод*, *пруд*, *рос'с'иска*, *рошша*, *ул'ча* и т. д. “Онимизация апеллятива – это древнейший способ создания собственных имен. Порывая с классом апеллятивов, такие имена в дальнейшем подвергались своим собственным онимическим перестройкам. Возникая для обозначения одного объекта, имя нередко переходило на иной объект” [Теория... 1986: 42]. Поэтому не-

обязательно соответствие названия с географическим реалием: *д'эл'анка* – название леса; *рошша* – название поля; *пас'эка* – название леса и т. д.

К этой же группе относим метафорические апеллятивы, возникшие на топонимическом уровне. Географический объект получает образное название на основе сходства с чем-либо. В случае, когда “ландшафт местности повторяет сходную форму несколько раз, то готовый образ дублируется” [Рут 1992: 76]. Но высокой частотностью употребления данные микротопонимы не обладают и в основном дублируются в разных микротопонимических системах: *болдыри* (А, Кб, Лв) – гора, лог, поле; *башмак* (Сн) – делянка; *гулбеч* (ЛС) – гора; *обушка* (Бб) – поле, угор. Подобные микротопонимы встречаются на территории русского Севера: *Булдырь*, гора, пок., поле; *Гобец*, омут; *Обух*, *Обушное*, *Обушница*, поле, пок. [Рут 1992: 78–80]. Данные апеллятивы заимствованы из русского языка как названия каких-либо географических объектов. На рассматриваемой нами территории было много русских деревень. Поэтому неудивителен факт распространения заимствованных образных названий.

2. Микротопонимы, состоящие из детерминанта и атрибута:

а) детерминант выражен апеллятивом русского происхождения: *вылыс'/поскот'ина* ‘верхняя поскотина’, *выл'/пруд* ‘новый пруд’, *вуш'/пруд* ‘старый пруд’, *дурин'чи/починка* ‘осиновый починок’, *тупал'/рошша* ‘заречная роща’, *улыс'/оскот'ина* ‘нижняя поскотина’, *чорык/сад* ‘букв. рыбий сад’, *шор/починка* ‘средний починок’ и т. д.;

б) атрибут выражен апеллятивом русского происхождения: *ул'ча/н'ук* (н'ук ‘лог’), *кутор/н'ук* (н'ук ‘лог’), *пролка/ошмэс* (ошмэс ‘родник’), *пруд/н'ук* (н'ук ‘лог’), *ул'ча/с'ик* (с'ик ‘лес’);

в) атрибут и детерминант выражены русскими лексемами:

ка'мэнной лог, *йэл'цо'ва пол'а'на*, *с'ибирской трак*, *каба'цкий лог* и т. д. Широко представлены микротопонимы, указывающие на порядок расположения географических объектов: *пэ'рвый лог*, *фторо'й лог*, *трэ'т'ий лог*, *чэ'тв'ортой лог*, *пэ'рвой д'эл'анка*, *фторо'й д'эл'анка* и др.

Необходимо отметить, что в последние годы идет тенденция роста таких микротопонимов, в которых употребляются названия различных объектов хозяйственного и культурного назначения, так как они становятся более значимыми в жизнедеятельности че-

ловека, чем другие характеристики микрообъекта: *гараш/пруд*, *завод/ошмэс*, *виском/пруд*, *контора/азбар*, *кузн'ица/выж*, *масло-бойн'а/н'ук*, *фэрма/пруд*, *фэрма/н'ук*, *школа/вырйыл*, *школа/н'ук*, *часовн'а/азбар* и т. д.

Подобные названия встречаются в микротопонимических системах многих населенных пунктов Верхней Чепцы. Известно, что микротопонимы “возникают и функционируют в узком синтагматическом контексте, употребляющихся лишь в пределах одной микросистемы и ограниченной одним населенным пунктом” [Воробьева 1987: 59]. Повторяемость же микротопонимов обуславливается общностью восприятия окружающей действительности, общностью психологии коллектива.

Любые заимствования попадая в иную языковую систему “претерпевают более или менее существенные трансформации по сравнению с их прежним обликом. Характер этих трансформаций частично определяется спецификой дающего и принимающего языков, частично зависит от времени заимствования” [Теория... 1986: 133]. На более ранних этапах в заимствованных словах фонемы или сочетания фонем, нетипичные для языка-приемника, заменяются наиболее близкими по звучанию либо отбрасываются: *колдэч*, *рос'с'иска*, *рошша*, *трак*, *ул'ча* и т. д.

В настоящее время в микротопонимии происходят серьезные изменения. Большое влияние на микротопонимические системы оказывают экстралингвистические факторы. Колхозное землепользование привело к тому, что “лесоучастки разделены теперь на кварталы, которым присваиваются номера. Вместо прежних клочков обрабатываемой земли появились обширные колхозные поля, которые нередко различаются с помощью порядковых числительных” [Мамонтова 1980: 311]. С развитием науки и техники мелкие географические объекты перестали быть значимыми для человека, что и стало причиной исчезновения многих микротопонимов.

Результаты анализа микротопонимов Верхней Чепцы показывают, что роль апеллятивов русского происхождения в формировании названий постепенно возрастает за счет роста числа таких микротопонимов, в которых употребляются названия различных хозяйственных и культурных объектов, и за счет забвения названий многих мелких микрообъектов.

Условные сокращения населенных пунктов:

А – Альцы; *Лв* – Леваньгурт; *Бб* – Бибаньгурт; *ЛС* – Лып-Селяны; *Кб* – Кибатурт; *Сн* – Сенькагурт

Библиографический список

Владыкин В. Е. Проблемы этнокультурного сотрудничества удмуртов с народами Поволжья // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1976. С. 62–68.

Воробьева И. А. Ономастика в школе: Уч. пособие / Изд-во Алт. ун-та. Барнаул, 1987. 256 с.

Заимов Й. Этногенез болгарского народа по данным болгарской топонимии // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 45–48.

Мамонтова Н. Н. Роль русского языка в формировании топонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район) // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 306–312.

Насибуллин Р. Ш. Динамика русских заимствований в удмуртском языке дооктябрьского периода // Вестник Удмуртского университета / Изд-во Удм. ун-та. Ижевск, 1995. № 5. С. 38–44.

6. *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с.

Теория... 1986 – Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. 256 с.

О. А. Сергеев (Йошкар-Ола)

К вопросу о периодизации истории марийской диалектологии

Сбор марийских диалектологических материалов имеет давнюю традицию. Его начало можно отнести к 30-м гг. XVIII века. И он непосредственно связан с именем русского историка В. Н. Татищева, который много сделал для изучения языка, истории и культуры всего нерусского населения Российского государства. По поручению же В. Н. Татищева собирает лексический материал и готовит словарь учитель Екатеринбургской латинской школы Кириак Кондратович. Им составлено несколько лексиконов по финно-угорским языкам. К сожалению, они до нас не до-

шли, по-видимому, “разделили участь прочих книг и бумаг Татищева, ставших жертвой пожара” [Булич 1904: 441].

Большой размах в сборе, систематизации и научной публикации диалектологических материалов достигнут ко 2-ой четверти XVIII века. Он связан с открытием Санкт-Петербургской Академии наук. В течение XVIII века Академия наук снаряжала и отправляла в Поволжье, на Урал и в Сибирь целый ряд экспедиций, которым наряду с другими заданиями “всех чужих языков пробы собирать велено”. В эту трудоемкую работу включились как отечественные, так и зарубежные ученые – финно-угроведы. Среди них можно отметить таких исследователей, как Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Табберт (Страленберг), Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, П.-С. Паллас, И. Георги, И. П. Фальк, И. И. Лепехин, П. И. Рычков и др., многие материалы которых, представляющие неопределимое значение для современной диалектологии и диалектографии, лежат в рукописных фондах разных архивов и библиотек России и зарубежья. При сборе полевого материала существенную помощь оказали и толмачи из мари. Собранные ими материалы в виде отдельных глоссариев хранятся ныне также в рукописных фондах гг. Санкт-Петербурга, Кирова и Нижнего Новгорода.

Начало научному исследованию марийских диалектов положила статья немецкого лингвиста Х. Габеленца [Gabelentz 1841], где компаративно рассматриваются луговое и горное наречия.

Серию публикаций транскрибированных текстов на различных марийских диалектах продолжает профессор Казанского университета Михкель Веске. Летом 1888–1889 гг. он организует научные поездки в марийские населенные пункты Ветлужского, Малмыжского, Козьмодемьянского, Уржумского и Яранского уездов с целью изучения языка мари. Результатом этих экспедиций явилась монография “Исследование о наречиях черемисского языка” – одна из лучших книг по марийской диалектологии.

Со 2-ой половины XIX века к сбору и систематизации фольклорно-диалектологических текстов, отдельных лексических единиц с параллельным переводом их на русский язык приступают представители марийского народа. Эта работа особенно оживляется после образования переводческой комиссии при братстве святителя Гурия в Казани. Особо следует указать таких собирате-

лей-исследователей, как А. Канцеровский, М. Кроковский, А. Смирнов, Г. Яковлев, П. Ерусланов и некоторые другие, уникальные записи которых в виде двуязычных словарей и фольклорно-этнографических очерков хранятся в Отделе рукописей и редких книг библиотеки Казанского госуниверситета и архиве СПО АН России. А богатейшие и ценнейшие материалы Т. Евсеева, И. Молярова содержатся в Архиве финно-угорского общества г. Хельсинки.

Большую работу в фиксации и публикации оригинальных лингвистических материалов делало Финно-угорское общество Хельсинки. Первым из финнов, приехавшим в научную командировку к марийцам, был В. Поркка. Прибыв в наши края, он в 1885–1886 гг. записал богатый полевой материал в Моркинском районе. А. Генец в 1887–1888 гг. собирал фольклорно-диалектологический материал на территории распространения восточных мари. Результаты его поездки нашли отражение в изданиях, вышедших в 1889 г. В этих же краях побывал следующий финский лингвист Х. Паасонен. В конце XIX в. среди горных мари побывал Г. Рамстедт. Свои наблюдения он издал в 1902 г. в Хельсинки.

Весьма плодотворной была поездка к марийцам крупнейшего финно-угроведа Ю. Вихманна. Он в 1905–1906 гг. собирал фольклорно-диалектологический, этнографический материалы на территории распространения горного, северо-западного и лугового наречий марийского языка. В частности, он дважды (1905, 1906) побывал в с. Еласы Горномарийского района, в д. Лумпанур Сернурского района, в д. Азъял Моркинского района и в д. Большой Кильмез Кильмезского района Кировской области. Ему в этой весьма трудной работе помогала его супруга Юлия Вихманн. Ю. Вихманн в отличие от других своих соотечественников, собиравших материал по какому-нибудь одному наречию марийского языка, охватил для сравнительного анализа несколько наречий.

Работу по сбору и публикации диалектологических данных продолжали и венгерские финно-угроведы. В числе первых, оказавшихся на марийской земле, был А. Регули. Он по пути в Сибирь к хантам и манси ехал через марийский край и собрал довольно большой лексический материал. Продуктивной оказалась и деятельность Й. Буденца.

Поистине великим собирателем диалектологических текстов марийского языка был академик Э. Беке. В годы первой мировой войны, пользуясь услугами 29 информантов – военнопленных-марийцев, представлявших все марийские диалекты, он записал весьма большое количество текстов различного содержания. Свои бесценные материалы Э. Беке издал в более чем 10 книгах в Венгрии, Финляндии, Эстонии, Норвегии и Германии. Издания венгерского ученого Э. Беке являются поистине энциклопедией из жизни мари; по охвату диалектных разновидностей, по богатству фактического материала занимают почетное место не только в марийском языкознании, но и во всем финно-угроведении.

Таким образом, в течении первого периода истории марийской диалектологии усилиями многих отечественных и зарубежных ученых, простых марийских толмачей собран и опубликован большой корпус фольклорно-диалектологических и этнографических материалов. С точки зрения диахронии они являются уникальным сокровищем не только для диалектологии, но и ареальной лингвистики, лингвогеографии и ареалогии. Исследователями были охвачены абсолютно все марийские диалекты.

Второй период истории марийской диалектологии связан с открытием в 1930 г. Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. С открытием МарНИИ – первого научного центра республики – с новой силой возобновляются диалектологические экспедиции с охватом всех этнотерриториальных групп марийского населения.

Третий этап в истории марийской диалектологии отличается тем, что в этот период марийские диалекты, главным образом периферийные, стали изучаться синхронно с привлечением диахронии. В связи с этим готовился и целый ряд монографических исследований, описывающих морфологию отдельных локальных групп. Подобную серию открывает кандидатская диссертация И. Г. Иванова “Фонетика тоншаевского говора марийского языка” (Тарту, 1965). К аналогичным трудам относятся и исследования Д. Е. Казанцева по йошкарولينскому говору (Тарту, 1965), Г. М. Тужарова по яранскому говору (Тарту, 1966), Г. И. Лаврентьева по волжскому говору (Тарту, 1967), З. В. Учаева малмыжскому говору (Йошкар-Ола, 1959), А. Н. Куклина по красноуфимскому говору (Тарту, 1983), Е. И. Коведяевой по кунгурскому го-

вору и отдельные статьи И. С. Галкина, Л. П. Грузова, А. А. Саватковой, Н. И. Исанбаева и некоторых других по луговому, восточному, горному и северо-западному наречиям.

Успехом в области диалектологии следует считать возобновившуюся в последнее время серию научных публикаций образцов диалектной речи. Такие тексты сопровождаются кратким введением, в котором даются сведения об истории изучения говоров, территории их распространения, некоторые фонетические и морфологические особенности.

Библиографический список

Булич О. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). СПб., 1904. 1248 с.

Беске М. Исследование о наречиях марийского языка. 1. Казань, 1889. 50 с.

Gabelentz H. C. Vergleichung der beiden tscheremissischen Dialekte // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 4. 1841. S. 122–139.

Genetz A. Ost-tscheremissische Sprachstudien. Helsinki, 1889.

Ramstedt G. J. Bergtscheremissische Sprachstudien // SUST. XVII. 1902. 219 S.

И. В. Тараканов (Ижевск)

Есть ли в пермских языках флексия (окончание)?

Пермские языки (коми и удмуртский) относятся к языкам агглютинативным. Практически под агглютинацией понимают с некоторыми поправками “механическое присоединение однозначных стандартных суффиксов к неизменяемым корням” [Реформатский 1955: 212]. При этом допускается мысль о том, что “аффиксальные морфемы в абсолютном большинстве своем возникли из некогда самостоятельных слов”. В подтверждение этого положения сошлемся на мнение известного тюрколога А. М. Щербака [1957: 19], который писал: “Мысль о развитии агглютинативных показателей из самостоятельных слов не вызывает никаких сомнений вплоть до настоящего времени”. Сторонники указанной гипотезы ссылаются обычно на следующие, по их мнению, важные аргументы: 1) грамматическая однозначность аффиксов; 2) прозрачность (легкая членимость) морфо-

логической структуры слова – “морфемы почти никогда не теряются в агглютинативном слове”; 3) неразвитость процессов фузии, “явления опрощения редки” [Кононов 1971: 109]. Приведенная аргументация хотя и не всегда является бесспорной (так как и в агглютинативных языках нередки и элементы фузии [Кононов 1971: 115–116]), но в основе своей она характерна для грамматического строя многих тюркских и финно-угорских языков, в том числе и для удмуртского и коми. К сожалению, несмотря на агглютинативный характер грамматического строя удмуртского языка, в ранних исследованиях отдельных лингвистов грамматические явления рассматриваются сквозь призму индоевропейских флективных языков, особенно сквозь призму русской грамматики. Так, например, следы влияния русской грамматической схемы нашли свое отражение в первой грамматике удмуртского языка [Соч. 1775: 5–12], где вместо 15 падежных форм в удмуртском языке выделены, как и в русском, лишь 6 падежей. В школьных учебниках по удмуртскому языку аффиксы падежей отнесены к флексиям [Яковлев 1931: 19; Поздеева 1949: 76–78; Никольская и др. 1981: 48–49; Вахрушева 1992: 74; Никольская, Тараканов 1995: 57–58], несмотря на то, что в притяжательном склонении т. н. флексии (окончания) оказываются закрытыми суффиксами притяжательности и числа обладателя, ср.: *ки-ос-ысьт-ым-ы* ‘из рук наших’.

Имена прилагательные по типу и подобию прилагательных русского языка необоснованно подразделяются на качественные и относительные. Между тем профессор Г. А. Ушаков выделение качественных и относительных прилагательных считает нецелесообразным, поскольку они не являются строго прикрепленными к своим лексико-грамматическим разрядам [Ушаков 1984: 5–17]. В результате механической трансплантации теоретических положений грамматики русского языка в удмуртскую до последнего времени остались не рассмотренными также формы ослабления и усиления степени качества имен прилагательных [Тараканов 1998: 216–220], числительные на *-тон*, *-дон* оказались отнесенными по составу к сложным числительным [Кельмаков 1984: 20–21]. Классификация разрядов местоимений русского языка в какой-то мере оказала влияние и на классификацию разрядов местоимений в удмуртском языке и как следствие – остались незамеченными послеложно-личные местоиме-

ния типа *вылам* 'на мне', *дорам* 'у меня', *азяз* 'перед ним', а обобщительно-личные местоимения *ваньмы* 'все мы', *ваньды* 'все вы', *ваньзы* 'все они' были включены в состав обобщительно-определительных местоимений [Тараканов 1993: 16]. Весьма специфической категориальной системой обладает в удмуртском языке и глагол. К сожалению, его грамматические категории пока разработаны далеко не полно, ввиду чего отдельные из грамматических категорий глагола оказались совершенно не описанными. Например, в системе наклонения, на наш взгляд, следует особо выделить желательное наклонение (оптатив), как это делалось в ряде работ различных авторов, особенно в грамматиках, составленных в 20–30-е годы [Глезденев 1921; Яковлев 1931: 49–50; Бабинцев и др. 1932: 17; см. также: Fuchs 1954: 156]. На наш взгляд, в системе глаголов более полного освещения и уточнения требуют и категории залога, вида, времени, аналитические формы выражения грамматических значений, предикативные слова типа *вань* 'есть', *öwöl* 'нет', *кулэ* 'надо, нужно, необходимо' и т. д.

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что в анализе морфологической структуры слов, относящихся к различным частям речи, обнаруживается большой разнობой, обусловленный различными причинами. Среди них главной причиной является механическое привнесение теоретических положений флективных языков, в частности, русского, в удмуртскую грамматику. В этом отношении уместно напомнить слова известного тюрколога А. Н. Самойловича [1916: 2], который утверждал: "Граматику изобрести нельзя, ее можно открыть и обнародовать. Никакому языку нельзя произвольно навязывать грамматику и никакой язык в такой грамматике не нуждается, имея свою природную грамматику с момента своего возникновения".

В свете данного высказывания следует считать неправомерным и выделение в составе морфологической структуры удмуртских слов, относящихся к именам существительным флексий (т. е. окончаний), как это делается в ныне существующих учебных пособиях и учебниках [Никольская и др. 1975; Никольская, Тараканов 1995; Поздеева 1949]. Механическое использование термина "флексия" (окончание) в удмуртском языке непозволительно и потому, что в притяжательных склонениях аффи-

ксы имен существительных творительного, местного, входного, исходного, отдалительного, переходного и предельного падежей оказываются в середине морфологической структуры слова, за ними последовательно располагаются лично-притяжательные аффиксы. Совершенно идентичное явление наблюдается и в родственных коми-зырянском и коми-пермяцком языках. При этом в некоторых случаях определенно-притяжательный и падежный аффиксы как бы слились в одно целое (местный, вступительный, исходный – в удмуртском языке, и винительный, творительный – в коми языках). Для наглядности приводим парадигму притяжательного склонения по всем трем родственным языкам с указанием тех падежей, в которых аффиксы оказались в середине слова (таблицы заимствованы из: [ГСУЯ 1962: 38–39; КПА 1962: 202; СКЯ 1955: 151]).

Таблица

склонения имен существительных с притяжательными суффиксами в удмуртском языке (сущ. *уж* 'работа')

Падежи	Формы индивидуального обладания		
	мой	твой	его (ее)
Творит.	<i>уж-еным</i>	<i>уж-еныд</i>	<i>уж-еныз</i>
Местный	<i>уж-ам</i>	<i>уж-ад</i>	<i>уж-аз</i>
Входный	<i>уж-ам</i>	<i>уж-ад</i>	<i>уж-аз</i>
Исходн.	<i>уж-ысьтым</i>	<i>уж-ысьтыд</i>	<i>уж-ысьтыз</i>
Отдалит.	<i>уж-ысеным</i>	<i>уж-ысеныд</i>	<i>уж-ысеныз</i>
Переходн.	<i>уж-етйм</i>	<i>уж-етйд</i>	<i>уж-етйз</i>
Предельн.	<i>уж-озям</i>	<i>уж-озяд</i>	<i>уж-озяз</i>

Падежи	Формы коллективного обладания		
	наш	ваш	их
Творит.	<i>уж-енымы</i>	<i>уж-еныды</i>	<i>уж-енызы</i>
Местный	<i>уж-амы</i>	<i>уж-ады</i>	<i>уж-азы</i>
Входный	<i>уж-амы</i>	<i>уж-ады</i>	<i>уж-азы</i>
Исходн.	<i>уж-ысьтымы</i>	<i>уж-ысьтыды</i>	<i>уж-ысьтызы</i>
Отдалит.	<i>уж-ысенымы</i>	<i>уж-ысеныды</i>	<i>уж-ысенызы</i>
Переходн.	<i>уж-етймы</i>	<i>уж-етйды</i>	<i>уж-етйзы</i>
Предельн.	<i>уж-озямы</i>	<i>уж-озяды</i>	<i>уж-озязы</i>

Таблица

склонения имен существительных с притяжательными суффиксами в
коми-пермяцком языке (сущ. зон 'сын')

Падежи	Формы индивидуального обладания		
	мой	твой	его (ее)
Винит.	зон- ѓс	зон- тѓ	зон- сѓ
Творит.	зон- нам	зон- нат	зон- нас
Местный	зон- ам	зон- ат	зон- ас
Исходн.	зон- сим	зон- сит	зон- сис
Вступит.	зон- ам	зон- ат	зон- ас
Переходн.	зон- ѓттям	зон- ѓттят	зон- ѓттяс
Предельн.	зон- ѓдзям	зон- ѓдзят	зон- ѓдзяс

Падежи	Формы коллективного обладания		
	наш	ваш	их
Винит.	зон- нымѓс	зон- нымтѓ	зон- нымсѓ
Творит.	зон- наным	зон- нанымт	зон- нанымс
Местный	зон- аным	зон- анымт	зон- анымс
Исходн.	зон- синым	зон- синымт	зон- синымс
Вступит.	зон- аным	зон- анымт	зон- анымс
Переходн.	зон- ѓттяным	зон- ѓттянымт	зон- ѓттянымс
Предельн.	зон- ѓдзьяным	зон- ѓдзьянымт	зон- ѓдзьянымс

Таблица

определенно-притяжательного склонения имен существительных в
коми-зырянском языке (сущ. чер 'топор')

Падежи	Формы индивидуального обладания		
	мой	твой	его (ее)
Винит.	чер- ѓс	чер- тѓ	чер- сѓ
Творит.	чер- нам	чер- нат	чер- нас
Местный	чер- ам	чер- ат	чер- ас
Исходн.	чер- сьым	чер- сьыд	чер- сьыс
Вступит.	чер- ам	чер- ат	чер- ас
Переходн.	—	чер- ѓдыд чер- тыд	чер- ѓдыс чер- тыс
Предельн.	—	чер- ѓдыд	чер- ѓдыс

Падежи	Формы коллективного обладания		
	наш	ваш	их
Винит.	<i>чер-нымс</i>	<i>чер-нытѳ</i>	<i>чер-нысѳ</i>
Творит.	<i>чер-наным</i>	<i>чер-наныѳ</i>	<i>чер-наныс</i>
Местный	<i>чер-аным</i>	<i>чер-аныѳ</i>	<i>чер-аныс</i>
Исходн.	<i>чер-сьыным</i>	<i>чер-сьыныѳ</i>	<i>чер-сьыныс</i>
Вступит.	<i>чер-аным</i>	<i>чер-аныѳ</i>	<i>чер-аныс</i>
Переходн.	<i>чер-ѳдным</i>	<i>чер-ѳдыѳ</i>	<i>чер-ѳдыс</i>
	—	—	—
Предельн.	<i>чер-ѳзным</i>	<i>чер-ѳзныѳ</i>	<i>чер-ѳзныс</i>

Как видно из приведенных таблиц, во всех трех родственных языках при склонении происходит вставка суффикса ряда падежей перед определенно-притяжательными суффиксами.

Морфемная структура слова еще более осложняется в субстантивированных формах имен существительных, в таких как *гуртысь-ѳс-ыз-лы* 'тем, которые из деревни'. В приведенном примере аффикс исходного падежа располагается перед аффиксами множественного числа, выделительности и падежа.

Нельзя пользоваться, на наш взгляд, термином "окончание" (т. е. флексия) и при спряжении глаголов настоящего, прошедшего и будущего времен. Убедившись в том, что в пермских языках действительно отсутствует флексия (окончание) как таковая, мы еще в 1975 году [Никольская и др. 1975: 123] отказались от употребления грамматического термина "окончание" и предложили пользоваться термином суффиксы, представив парадигму изменения глаголов первого и второго спряжений в учебнике "Удмурт кыл" для 5–6 классов (Ижевск, 1975) в виде следующих таблиц.

1-е спряжение
(глагол *мыныны* 'идти')

Ли- цо	Али дыр			Вуоно дыр			Ортчем дыр		
	Дыр	Лицо	Лыд	Дыр	Лицо	Лыд	Дыр	Лицо	Лыд
1	<i>-ысько</i>	—	—	<i>-о-</i>	—	—	<i>-й-</i>	—	—
2	<i>-исько</i>	<i>-ѳ</i>	—	<i>-о-</i>	<i>-ѳ</i>	—	<i>-й-</i>	<i>-ѳ</i>	—
3	<i>-э</i>	—	—	<i>-о-</i>	<i>-з</i>	—	<i>-й-</i>	<i>-з</i>	—

1	-йсько	-м	-ы	-о-	-м	-ы	-й-	-м	-ы
2	-йсько	-д	-ы	-о-	-д	-ы	-й-	-д	-ы
3	-о	—	—	-о-	-з	-ы	-й-	-з	-ы

2-е спряжение
(глагол *ужаны* 'работать')

Ли- цо	Али дыр			Вуоно дыр			Ортчем дыр		
	Дыр	Лицо	Лыд	Дыр	Лицо	Лыд	Дыр	Лицо	Лыд
1	-сько	—	—	-ло-	—	—	-й-	—	—
2	-сько	-д	—	-ло-	-д	—	—	-д	—
3	—	—	—	-ло-	-з	—	—	-з	—

1	-сько	-м	-ы	-ло-	-м	-ы	—	-м	-ы
2	-сько	-д	-ы	-ло-	-д	-ы	—	-д	-ы
3	-ло	—	—	-ло-	-з	-ы	—	-з	-ы

К сожалению, учителя родного языка данную парадигму спряжений глаголов не восприняли, и второе и последующие издания данной книги мы вынуждены были дать по старому, объединив все три аффикса – времени, лица и числа – в одно понятие “окончание” (кылпум), с чем мы до сих пор не можем смириться.

Безоговорочному отнесению глагольных формативов первого спряжения настоящего времени к аффиксам несколько мешают лишь формы 3-го лица -э единственного числа и -о множественного числа I спряжения, а также нулевая форма и аффикс -ло в глаголах 3-го лица II спряжения, где указанные форманты одновременно выражают форм времени, лица и числа, как во флективных языках, но это не является, на наш взгляд, помехой для отнесения формативов глаголов I и II спряжений к суффиксам, т. к. в агглютинативных языках имеются и некоторые элементы фузии (А. Н. Кононов, А. М. Щербак). Поскольку в пермских языках ведущим способом словообразования и, безусловно, словоизменения является аффиксация, т. е. образование новых слов и словоформ производится с помощью аффиксов, то говорить о наличии флексии и пользоваться данным термином, безусловно, нельзя. Не случайно поэтому исследователи старшего поколения Ф. И. Видеманн [Wiedemann 1851: 17–44] и А. И. Емельянов [1927: 117, 159] в своих работах пользовались термином

“суффикс”, а не окончание. А. И. Емельянов пишет: “Для выражения отношений объектов к действию язык пользуется падежными суффиксами”. Из исследователей-удмуртов С. В. Соколов [1996: 71–74] написал специальную теоретическую статью, где он отрицает наличие флексии (окончания) в грамматических системах имен существительных и глаголов. Обосновывая свои выводы и приводя цитаты о сущности агглютинации и флективности из лингвистических словарей, автор прямо утверждает, что “в удмуртском языке (также в других агглютинативных языках) чистого окончания нет. Включенные в состав окончаний аффиксы, фигурирующие в школьных и научных грамматиках, являются формообразовательными суффиксами. Но данный вопрос требует еще более основательного исследования”. Мы вполне солидарны с выводами автора.

В структурном отношении слово в пермских языках состоит из морфем двух разрядов: неслужебных (полнозначных) и служебных (неполнозначных).

К первым относятся корни (основы), которые вычленяются в ряде слов, неразложимы в синхронном плане и являются базой для образования слов и их форм.

Ко вторым принадлежат формальные единицы – аффиксы. Аффиксальные морфемы по значению и функции делятся на словообразовательные, формообразовательные и словоизменятельные.

Аффиксы словоизменения, как и формообразования, соединяясь с основой, образуют словоформу, входящую в парадигматический ряд. При словоизменении форма и лексическое значение исходной основы остаются неизменными, у существительных – это категория числа и склонения, у глаголов – категория времени и наклонения. В результате формообразования меняется и форма и значение основы, но в чисто грамматическом плане. Возникает новая основа, выражающая скорее не лексическое, а новое грамматическое значение. К таким формам грамматического словообразования относятся: у существительных – категория принадлежности, определенности/неопределенности и числа, у прилагательных – степени сравнения, формы ослабления и усиления качества (т. н. степени качества), выделительности, у числительных – порядковая форма, у глаголов – залоговые, видовые, модальные формы, причастия и деепричастия. Функцию словоизменения в пермских языках

выполняют у существительных – падежные суффиксы, у глаголов – суффиксы времени, лица и числа в совокупности.

Библиографический список

Бабинцев А. С., Тронин Т. Г., Чирков К. И. Удмурт кылы дышетскон книга. Иж кар: УдГИЗ, 1932.

Вахрушева А. И. Удмурт кыл. Куинетй класслы. Ижевск: Удмуртия, 1992.

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962.

СКЯ 1955 – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / Коми филиал АН СССР. Сыктывкар, 1955.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1927.

Кельмаков В. К. О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1984. С. 18–24.

Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971.

Никольская и др. – Г. Н. Никольская, А. А. Поздеева, И. В. Тараканов, Р. И. Яшина Удмурт кыл. 5–6 классъёслы. Ижевск: Удмуртия, 1975.

Никольская Г. Н., Тараканов И. В. Удмурт кыл. 6–7 классъёслы. 2-й издание. Ижевск: Удмуртия, 1995.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. 1-тй люкетэз: Фонетика но морфология. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1955.

Самойлович А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Петербург, 1916.

Соколов С. В. Вань-а удмурт кылын кылпум? // Вордскем кыл 1996. № 2. 71–74-тй б.

Соч. 1775 – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Санктпетербургъ. 1775.

Тараканов И. В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1998.

Тараканов И. В. К вопросу о несоответствии отдельных грамматических форм и терминов в школьной и научной литературе по удмуртскому языку // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6.

Ушаков Г. А. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного // Вопросы грамматики удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1984. С. 5–17.

Щербак А. М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // ВЯ. 1957. № 1.

Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян (Элементарная грамматика удмуртского языка). Ижевск: Удкнига, 1931.

Fuchs D. R. Grammatikalischer Abriss // Y. Wichmann. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Zweite ergänzte Auflage. Helsinki, 1954.

Wiedemann F. J. Grammatik der Wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851.

Г. И. Тираспольский (Сыктывкар)

Коми-зырянские и удмуртские стативы как часть речи

Стативы (категория состояния, безлично-предикативные слова, безличные предикативы, вербоиды, предикативные наречия, неглагольные предикативы) стали предметом исследования с середины XX в. на материале русского языка. Посвященные им работы малочисленны и ограничены рамками преимущественно научных статей. Подступом к исследованию коми-зырянских стативов является статья В. М. Лудыковой [1989], освещающая историю вопроса применительно к некоторым финно-угорским языкам, в том числе и удмуртскому, и содержащая наблюдения над лексической семантикой и грамматическими свойствами коми-зырянских стативов. В статье отмечается, что коми-зырянские стативы не следует отождествлять с наречиями, прилагательными и другими частями речи. По мнению автора, стативы в коми-зырянском языке составляют “особую группу слов” [Лудыкова 1989: 43].

Решение вопроса о статусе коми-зырянских стативов как части речи, судя по всему, не входило в задачу указанной статьи. Определение частеречного статуса этих слов между тем важно как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Обратимся сначала к некоторым общетеоретическим положениям. Части речи представляют собой наиболее важный, но не единственный структурно-семантический тип слов. К таким рядам относятся также местоимения, служебные слова, модальные слова, междометия, звукоподражания и ритуальные слова (подробнее см.: [Тираспольский 1978]). К особому структурно-семантическому типу можно причислить также категориально недифференцированные слова. Возможно, с течением времени перечень структурно-семантических типов слов будет уточнён и расширен. Однако при этом всегда останется бесспорным стержневое назначение частей речи: без них невозможно ни одно связное высказывание.

Слова, объединяемые в ту или иную часть речи, имеют три главных общих признака: 1) категориальное (понятийное) значение; 2) морфологические и 3) синтаксические свойства.

Категориальное (понятийное) значение является более обобщённым, чем лексическое, и охватывает все лексические значения слов, входящих в данную часть речи. Так, категориальным значением существительного служит значение предметности, отражающее свойство предметов и явлений быть относительно самостоятельными и устойчивыми во времени и в пространстве. Благодаря этому, напр., слова *близна* и *бег* воспринимаются как существительные, хотя первое называет качественный признак, а второе – процесс.

Морфологические свойства разных частей речи, как правило, различны и объединены в особенный для каждой части речи набор морфологических категорий. Наряду с этим бывают случаи, когда морфологическая противопоставленность различных частей речи невелика. Так, русские глаголы прошедшего времени (восходящие к действительным причастиям) не изменяются по лицам, но имеют родовые формы, сближаясь тем самым с прилагательными. Несклоняемые русские существительные типа *метро*, *пальто*, *кенгуру* морфологически мало отличаются от наречий. Эти и подобные случаи являются выражением асимметрии (несоразмерности) частей речи. Она состоит в наличии у каждой из частей речи центра (ядра) и периферии. Центр (ядро) данной части речи образуют слова с типичными для неё лексическими значениями и грамматическими свойствами. Для русских существительных, например, – это склоняемые слова с

предметным лексическим значением типа *дом, стена, поле*. Слова же типа *бег, метро* и подобные находятся на периферии существительных, в зоне синкретизма. Здесь свойства языковых единиц разного качества накладываются друг на друга, противоречиво пересекаются. Несмотря на нетипичность, лексические значения слов, входящих в зону синкретизма, составляют с ядром части речи неразрывное единство. Оно обеспечивается процессами взаимодействия лексических и грамматических свойств в кругу частей речи.

Наличие у частей речи ядра и периферии сказывается и на их синтаксических свойствах. Так, для существительных типичной является синтаксическая функция подлежащего, а для глагола – сказуемого. Однако нередки случаи, когда сказуемое выражается существительным (напр.: *Он – инженер*), а подлежащее – глаголом (напр.: *Жить – значит бороться*). Подобное происходит и с другими частями речи.

В истории флективных и агглютинирующих языков обособление большинства частей речи обеспечивалось прежде всего тем, что они вырабатывали свои морфологические категории. В первую очередь морфологизировались те слова, которые составили ядро соответствующих частей речи, позднее морфологизация охватила периферийные слова, иногда не все из них. В ряде случаев морфологизация осталась незавершённой (как у русских глаголов прошедшего времени) либо сменилась деморфологизацией, т. е. частичной или полной утратой прежних морфологических признаков. Так, в русском языке деморфологизации подверглись, напр., краткие прилагательные, утратившие склоняемость, и краткие действительные причастия (нынешние деепричастия), которые утратили склоняемость и перестали изменяться по числам и родам. В случае с наречием происходило обратное: наречие получило статус части речи благодаря именно деморфологизации тех слов, которые из других частей речи переходили в состав наречий.

Таким образом, общепризнанные части речи синтетических языков состоят из двух групп: 1) морфологизованных частей речи (существительное, глагол, иногда прилагательное), имеющих тем самым сильный статус, и 2) неморфологизованных частей речи (наречие, иногда прилагательное), имеющих слабый статус.

Как средство противопоставления разных частей речи морфологические категории более выразительны, чем их отсутствие. И если в языке возникает какая-либо новая часть речи, имеющая свое категориальное значение и синтаксические особенности, но не выработавшая яркого морфологического облика, её возможности выделиться на фоне других частей речи невелики. Так, стативы и прилагательные морфологически идентичны и различаются лишь благодаря категориальному значению и синтаксическим свойствам в таких, напр., конструкциях, как кз. *меным шоныд* 'мне тепло' и *шоныд лун* 'тёплый день', *меным гажтѳм* 'мне скучно' и *гажтѳм юѳр* 'печальное известие', удм. *туннэ шуныт* 'сегодня тепло' и *шуныт дисяськыны* 'тепло одеться', *мыным жѳож* 'мне печально' и *жѳож адѳиськыны* 'печально выглядеть'. Это нередко приводит к отождествлению стативов с другими частями речи. В этих условиях важно выделить лексико-семантическое ядро стативов, в состав которого входят слова, не имеющие омонимов в кругу других частей речи. В коми-зырянском языке к таким стативам относятся диалектные лексемы *муторнѳ* 'неприятно, беспокойно, тревожно', *жалѳ* 'жаль', *любѳ* 'любо', *забеднѳ* 'обидно' и некоторые другие [Лудыкова 1989: 45].

Категориальным значением стативов является семантика состояния (статальности) как безличного, неопределенного по времени и месту признака, существующего вне процессуальности либо представляющего собой результат действия в прошлом. Этот признак тесно связан с психофизическими состояниями человека и поэтому обычно сопряжен с эмоциональной окраской. Наиболее отчетливо категориальное значение безличной статальности выражается стативами, составляющими лексико-семантическое ядро этой части речи. Другие стативы выражают это категориальное значение с теми или иными расхождениями и смысловыми оттенками.

Синтаксическая роль стативов – это главный предикативный член безличного предложения, или монопредикат. Он не сводится ни к подлежащему, ни к сказуемому. Выражая особое категориальное значение безличного состояния, статив другие синтаксические функции не выполняет. Этим он существенно отличается от остальных частей речи, способных в той или иной степени брать на себя разные синтаксические роли.

Таким образом, коми-зырянские и удмуртские стативы могут быть признаны самостоятельной частью речи, вместе с наречиями и прилагательными имеющей слабый статус.

Дальнейшим шагом на пути исследования коми-зырянских и удмуртских стативов могло бы стать уяснение того, как на становление этой части речи повлиял русский язык.

Библиографический список

Лудыкова В. М. Безлично-предикативные слова в коми языке // Грамматика и лексикология коми языка Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1989.

Тираспольский Г. И. Типы слов и части речи. Сыктывкар. 1978.

Н. И. Ураськина (Ижевск)

Анализ языка и стиля районных газет (Дебесского и Игринского районов)

Язык газеты всегда вызывал к себе крайне противоречивое отношение. "Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Аввакума, но только не наш газетный", — писал Лев Толстой. А современный писатель А. Проханов говорил: "Мы называем его суконым. Но этот стиль универсален, незаменим и, если хотите, изыскан: он отшлифован, экономичен, он прошел отсев, отбор временем, которое убрало из него все лишнее" [Литературная газета. 1974. 9 янв.].

Что же рождает столь противоречивые оценки? Может быть, язык газеты действительно плох? Может быть, он и в самом деле относится к "низшим областям" литературной речи, как полагал крупный ученый-языковед А. М. Пешковский?

Думается, причины нередко резко отрицательного отношения к языку газеты коренятся не в нем самом. Это связано, во-первых, с недооценкой его природы и специфики, во-вторых, с тем, что критики исходят, по-видимому, из неправомерного сравнения газетной речи с языком художественной литературы. Судить же о качествах языка газеты следует по его собственным законам.

В чем же заключаются эти законы, точнее — особенности, выделяющие язык газеты как разновидность публицистического стиля среди других стилей литературного языка?

Главной особенностью следует назвать социальную оценочность языка газеты. Средства массовой информации мобилизуют все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства читателей. В отличие от других стилей литературного языка, в газетно-публицистическом убеждение выступает как главная функция языка, причем оно имеет агитационный характер.

Важно отметить, что принцип оценочности имеет не индивидуальный характер, а социальный. Ведь слово в газете принадлежит не только автору, но и редакции, а также общественной группе, организации, чье мнение выражает газета как коллективный агитатор и организатор.

Газетно-публицистическая речь призвана прежде всего воздействовать на массы, поэтому она максимально учитывает интересы читателей.

Важной особенностью языка газеты является его общедоступность. “Особенность газетного слова, — писал известный советский журналист Л. Заславский, — заключается в том, что оно обращено ко всем, всем, всем. Газету читают учителя и рядовые рабочие, старики и молодые, инженеры, врачи... Газету читает народ. Через газету можно говорить о самых важных политических, хозяйственных, культурных вопросах, в том числе и о художественной литературе. Поэтому газетное слово, обладает способностью очень ясно и очень точно выражать самые сложные понятия” [Литература и жизнь. 1969. 3 июля].

Газетно-публицистическому стилю свойственен особый характер экспрессивности. Эмоциональность и экспрессивность достигаются соединением разностилевых элементов публицистического стиля и разговорной речи. Вот почему в публицистике (как и в художественной литературе) столь важна проблема выбора точного и яркого, выразительного слова.

Главным принципом публицистической речи, основой ее организации выступает прямое, непосредственное выражение авторского “я”. В публицистике авторское “я” выступает открыто, это обусловлено жанром и тоном повествования. Поэтому большое значение здесь приобретает индивидуальность публициста,

богатство его чувств, мыслей, идей, а речевой строй публицистики носит эмоционально-личностный характер. В художественном тексте возможно перекрещивание нескольких речевых слоев (образы автора, рассказчика, персонажей). В публицистике же мы имеем один стилистический слой – речь от автора. Однако одноплановость публицистической речи не признак бедности. Напротив, именно в этом свойстве заключается ее выразительность и сила.

К особенностям газетно-публицистической речи следует отнести и особый характер ее стандартизованности. Не следует думать, что стандарт – исключительное и характерное свойство языка газеты.

Специфика газетно-речевой стандартизации заключается прежде всего в социально-оценочном ее характере. Газета во многих своих жанрах ориентируется на стандарт – агитирующий, пропагандирующий, оценивающий, рассчитанный на многократное использование и, нередко, на эмоциональное воздействие. Любое выражение, особенно то, которое рассчитано на эмоциональное, экспрессивное воздействие, с течением времени теряет свою выразительную силу, – превращается в штамп и подлежит замене или обновлению.

А что можно сказать о языке районных газет? Соблюдаются ли эти особенности и как они представлены на газетных полосах. Чтобы ответить на те или иные вопросы, нам необходимо было просмотреть язык и стиль районных газет: Дебесского – “Байгу-резь” и Игринского – “Вакут” (“Время”). В каждой из анализируемых газет выдерживались следующие жанры: очерк, корреспонденция на бытовые темы, фельетон. Наиболее яркие примеры брались и из собственно-информативных жанров: информация, передовая, новости сельского хозяйства.

Специфика районных газет такова, что они теснее, чем центральные, связаны с массами трудящихся, с носителями языка местности, ведут с ними разговор о фактах и примерах, понятных каждому читателю. Поэтому районная газета не может не ориентироваться на речевые навыки своих читателей. Отсюда местная газета имеет определенный фонд основных средств разговорного (или экспрессивного) синтаксиса. Сюда входят односоставные предложения, среди которых предложений наибольшее количество составляют:

1) определенно-личные: *Ветлйськом. Котыр пеймыт. 'Ходим. Кругом темно'* (газета "Байгурезь");

2) неопределенно-личные: *Ушгьяны туж ик ӧз ушгьялэ, сэре ӧз но куаретэ. 'Хвалить слишком-то и не хвалили, да и не ругали'* (газета "Вакут"). Частота употребления данных предложений объясняется тем, что говорящий рассказывает о себе, о коллективе, в котором работает, о людях, которые не называются, но известны и говорящему, и слушателю;

3) довольно распространены в газете "Вакут" и безличные предложения, преимущественно в описаниях явлений природы: *Педлон туж кезьыт вал. Котырак чал-чал. 'На улице было очень холодно. Кругом тишина'*. В газете "Байгурезь": *Кизёны толалтэ ик дасяськоно. Машинаосты но жоггес тупатъяно. 'К посеву зимой же надо готовиться. И машины скорее отремонтировать'*;

4) в 28 номерах за 1998 год анализируемых газет "Вакут" и "Байгурезь" удалось выявить сравнительно небольшую группу обобщенно-личных предложений – в тех случаях, когда в речи были использованы пословицы: *Гужем дӱдъы дася, Толалтэ – уробо. 'Летом готовь сани, Зимой – телегу'*.

Анализ показал, что наибольший процент среди элементов разговорного синтаксиса составляют эллиптические конструкции. Обилие эллиптических конструкций объясняется стремлением к экономии языковых средств. Разговорная речь строится так, что в ней опускается все, что можно опустить, остается стержень мысли, ее языковое ядро. Поэтому сжатые формы разговорной речи не могли не найти отражения в языке газет. Мы уже считаем неотъемлемой частью наших газет такие заголовки, как "*Кизёны дасесь*" ("К севу готовы"), "*Пудоослы сиён*" ("Корм – скоту").

В газете "Вакут" важную роль в экспрессивном оформлении материала играют эллиптически построенные по законам диалога реплики: *Ма вуром? – Дэрэм. 'Что сшить? – Платье'. Материалэд сьӧрад-а? – Ӗвӧл. 'Материал с собой? – Нет'*.

Особенно активно используется на страницах районной газеты "Вакут" инверсия. Например, при акцентировании внимания на наречии, оно выдвигается в начало предложения, перетягивает на себя логическое ударение: *Трос вал ву кылем арын. 'Много было воды в прошлом году'*.

Из сложных предложений чаще встречаются предложения с союзом *ке*, с придаточным времени.

В языке районной газеты сравнительно мало неполных предложений, что объясняется небольшим количеством диалогов. Отсутствие диалогов снижает стилистические качества некоторых газетных материалов. Прямая речь, диалог должны применяться в целях речевой характеристики человека, о котором идет речь.

Таким образом, язык газеты – это особая разновидность литературного языка, имеющая свои ресурсы выразительности, эмоциональности, обладающая собственным эстетическим идеалом.

С. Хяникаяйнен (*Ижевск – Турку*)

Россиысь финн-угор калыкъёс пöлын финн кыллы но культуралы дышетон

Россиысь финн-угор калыкъёс пöлын финн кыллы но культуралы дышетон луэ Финляндиысь Дышетонъя министерстволэн бадзым эскерон программаезлэн оглюкетэз. Оглом со юрттыны кулэ Россиысь финн-угор калыкъёслы дышетонзэс но культуразэс азинтон удысын. 1992-тй арын Финляндилэн но Россия Федерацилэн кивалтэтъёссы гожтйзы огкыл, кудйз луэ та программалэн инъетэз. Отын чакламын вал юрттэт сётыны Россиысь финн-угор калыкъёслы культуразэс утён удысын, озыы ик чакламын вал культуразэс утыны Россиысь вуэм калыкъёслы Финляндиын.

Куинь аръем эскерон программа кутскиз ужаны 1993/1994-тй дышетскон арын. Кыче ужрадъёс пуктэмын вал азыпал радэ? Кыллы дышетон, дышетöсьёсты элькунъёсы ыстон, стипендиос висъян, финн кылъя но культура гужем курсъёс радъян, наука удысын но библиотекаос куспын огкылысь ужан; озыы ик культура удыся пöртэм ужрадъёс: симпозиумъёс, концертъёс, адзйтонъёс но мукет.

Куинь арскын люкамын вал дышетон материалъёс, радъямын пöртэм дышетон программаос, трос пол ортчытямын вал Финляндиын но Россиын финн кылъя гужем курсъёс, сюэн-сюэн висъямын вал стипендиос дышетскисьёслы но тодосчиослы, кылдытэмын калык библиотекаосын финн литература нимысьтыз фондъёс, ортчытямын культура удысын трос пöртэм ужрадъёс. Озыы ик радъямын вал финн кыллы но культуралы ныль

элькунысь университетъёсын дышетон (Мордваын, Комиын, Марий Элын но Удмурт шаерын).

Финляндиясь Дышетонъя министерстволэн малпамезъя, финн кыллы но культуралы дышетоно вал университетъёсысь вордскем кылзэс дышетісь студентъёсыз но аспирантъёсыз, со сяна, озьы ик пöртэм удисъёсысь тодосчиосыз, дышетісьёсыз но öнерчиосыз. Озьыен, чакламын вал дышетыны сыңе адямиосты, кудъёсыз куинь ар куспын быгатысалзы финн кыллы дышетсконзэс ас кожазы азинтыны – яке гужем курсъёсын Россиын, яке, стипендиат луыса, Финляндиын. Котькудиз ик соос пöлысь одно ик уз лу финн кылъя дышетісь яке специалист, но кылзэс тодон соослы юрттыны кулэ ас удиссыя тодон-валанзэс будэтыны.

Кызы бен удалтиз малпам ужрад? Нылыз ик университетъёсын финн кыллы но культуралы дышето финн-угор кафедраосын. Ваньмыз сямем дышетскисьёс тодо анай кылзэс. Та радын висъяське Коми университет, кудаз финн кылзэс дышето регионоведение шуон группаын но. Отын тросзэс дышетскисьёс зуч кылын вераськисьёс луо. Арлы быдэ котькуд университетын шорлыдын 35 мурт дышетске. Нош ик татын пусйыны кулэ Коми университетзэ, кудаз финн кыллы сюлэсь ятыр мурт дышетске.

Мордва университет вераськон ужпуммы ласянь тужгес но азыпала потэмын. Финн кыллы но культуралы дышетон татын кутскиз 1993-тй арысен ик, сйзбыл, кукес усьтйськизы финн но венгер кылъёсыя факультативъёс. Со дыре ик кылдиз финн-угор отделение. Куинь ар ёже дышетісь ужаз 2 группаен гинэ. Финн кыллы но культуралы арнялы быдэ висъямын вал 6–8 час. Озьы, кылем дышетскон арын нылетй курсысь куд-ог студентъёс педпрактиказы дыръя школаосын финн кыллы дышетйзы. Оскыны луэ, таяз аре финн кылъя нырысетй диплом уж гожтэмын луоз шуыса. Пусйыны кулэ созэ но: Мордва университетын лыктэм дышетісен артэ финн кылъя ужаны кутскизы интыгись тодосчиос но. Соос тыршо кыллэн кутскон инъетэзлы дышетыны.

Вераны кулэ тани мае но: финнъёс эрзяосын но мокшаосын кемалась юн кусыпъёс тупатйзы ини, малы ке шуоно, пусъем ныль кылъёс пöлысь тужгес но матын финн кыллы луо ёапак эрзя но мокша. Кылзэс эскеронъя программаосыз быдэстон понна Мордва университетысь тодосчиослы тужгес но трос стипендиос висъямын вал.

Коми шаерын дышетон кутскиз сйзыл 1994-тй арын. Татын финн дышетйсьлы арлы быдэ вьль но вьль группаен ужаны кутсконо луылйз. Университет радьямья финн кылэз одно ик дышетыны кулэ ваньзы анай кыллы дышетскисьёс, озьы ик “регионоведение” группа (татын дасяло кивалтйсьёсты но вуоно дипломатьёсты). Озьыен, али Коми университетын финн кыллы дышето ваньзэ сямен курсёсты, но арняяз группалы быдэ 2 час гинэ усе. Соин финн дышетйсьлы одйг темаез ньыль пол (!) вераны кулэ вал.

Марий Элын югдур секытгес. Порьёслэн по финньёслэн кусыпъёссы кемалась тупатэмын ини, соин ик 1993-тй арын сйзыл финн кылэз дышетон тужгес по бадзым осконэн кутскемын вал. Татын вал ини асьсэлэн финн кылэз умой тодйсьёссы, кудъёсыз быгатысалзы сётыны финн кыллэсь инъетсэ пор студентъёссы. Нош Финляндиысь лыктэм дышетйсь быгатысал тодон-валанъёс-сэс муромытыны. Озьы ке но, финн дышетйсьлы аслыз кутсконысен радьяно луиз вьль группаосын ужез. Арнялы быдэ финн кыллы висъямын вал 4 час. Жаляса верано луэ, Мари университетын мукет шуг-секутыёс но кылдйзы на, кылсярысь, лыктэм дышетйсьлэн улон интыез но уждуныз ласянь. 1994/95 дышетскон арын та университетэ Финляндиысь дышетйсь ёз вуы. Туэ но ёвёл.

Удмурт шаерын финн кыллы но культуралы дышетон кутскиз 1994-тй арын сйзыл, куке финн но венгер кылъёсты татын факультатив амалэн дышетыны ёдъязы. Жаляса верано луэ, соку татын дышетон план рос-прос радьямын ёй вал: трос пёртэм группаос кылдытэмын вал, нош котькуд группалы висъямын вал туж ёжыт часъёс, аудиториос но ёй вал. Тужгес ик бадзым малпанъёс герзаськемын вал куинетй курсэн: 12 студентлы арнялы быдэ 4 час висъямын вал. Но кык ар ортчыса, со группаысь одйг адыми гинэ кылиз. Со дыре ик кыкетй курслы но факультативъёс радьямын вал. Нырысь-валысь часъёс но, дышетскон материал но ёжытгес ке но вал, куинетй курсэн ёшатыса, соослэн азинсконысьсы шёдскымонэсьгес вал. Кыкетй араз гинэ та уж каллен-каллен кутскиз ёраз пырыны.

Туж жаляса верано луэ тани мае: соос пёлысь, кинъёс нырысетй араз финн кылэн тунсыкъяськыны кутскизы вал, кык куиньмосэз гинэ дышетсконзэс азинтйзы. Куинетй араз соос жыныез но ёз кыле ни. Уноез отын аспирантъёс, дышетйсьёс, тодосчиос но

мукет өнерчиос. Озы ке но, шумпотыса верано: куд-ог азьвыл дышетскемъёс табере асьсэос финн кыллы дышето, озы ик Финляндие мынымъёсыз но вань.

Кылем дышетскон арысен кутскыса, финн/венгер кылэз но культураез дышетон мукетгес өре выжиз, куке университетамы усьтиськиз финн-угор шуон отделение. Отын удмурт кылэн артэ валтйсь дышетон дисциплинаос луо финн но венгер кылъёс. Дышетйсьёслэн мылкыд каремзыя, татын нырысетй курсысен озы ик интыгысь тодосчиос но ужазы (финн/венгер кыллы арняяз висьям 8 час люкемын вал жыныез лыктэм дышетйсьлы, жыныез – интыгысь дышетйсьлы). Кутскыкумы таёе люконлы кафедра но, факультет но пумитгес ке но вал, берло адзиськиз, талэн трос гинэ умоез вылэм шуыса. Кутсконлэсь аспöртэмлыко шуг-секытёссэ ортчеммы бере, дышетон чырмытгес азылань мынйз. Табере кыкетй курс лыктэм дышетйсьёсын гинэ ужа ини, нош туз нырысетй курсэ пырем студентъёс – интыгысь дышетйсьёсын. Жаляса верано луэ, али тодмо öвöл на, шöдске, мар карозы та ёзлюкетысь (отделениысь) студентъёс вуоно арёсы.

Озыен, та куинь орчем арёсья вераны луэ, шуг-секытёс трос ке но вал, малпам ужрад шоро-куспөгес ке но, удалтйз кадъ. Вылаз ик тодйськомы, таёе шуг-секытёс ваньмаз сямен ныйль университетёсын огкадесъ шуыса.

Тужгес но азыпал радэ потйсь ужпум – дышетсконэз планъян но радъян. Соин валче таёе юанъёс кылдо:

Дышетомы-а финн кылэз финн-угор кыл чотын яке кунгож-сьöр кыл чотын? Дышетомы-а, кылэз сяна, озы ик шаертодонэз: культураез, историез, литератураез но мукет?

Кинэ дышетоно? Малы? Кин дышетоз?

Кытын дышетсконо?

Кыёе ужан материалъёс кулэ? Мар луыны кулэ студентлэн ки улаз дышетскон дыръяз?

Финн-угор адямиос пöлын финн кылэз кулэ вал нырысь ик финн-угор кыл чотын дышетыны. Со кулэ каре студентёслэсь анай кылэс умой тодэмзэс но анай кыллы матын луись кыллэсь аспöртэмлыкэс шöдэмзэс (кыллэсь историез, пушгерзётьёссэ).

Котьку сямен кылэз дышетонэн артэ луо на шаертодонъя курсёс, яке студентъёс асьсэ коже тодматско литератураен. Россиясь финн-угор студентъёс понна туж кулэ вылэм: соос кыл бордын гинэ медаз ужалэ – мукет удысьёсья но өнерчи луыны

мед тыршозы. Вылаз ик улон возматэ: вылез но тунсыкоез чегес кылдэ кык яке тросгес наукаослэн артэ вуон гердазы.

Лыктэм дышетйсьлэн ужез луэ нырысь ик сыңе студентъёсты бюджетон, кудъёсыз кыллэсь кутскон инъетсэ тодо ини, соин ик кутскон уж бордын тыршыны кулэ интыысь тодосчиос. Финляндиысь Дышетонъя министерстволэн чакламеъя, дышетйсьёсыз кулэ өвёл келяны нырысетй курсъёс понна. Россиысь университетъёсы пырыкузы студентъёс пиналэсьгес луо на. Соос туж öжыт тодо ай асьсэзыз: мар понна уло, малы дышетско, кин луозы соос азыланяз.

Нырысетй курсын соосыз дышетоно ай, кызы кулэ пайдаё дышетскыны. Соин но, оло, баджымгес курсъёсын соос ас кожазы туж öжыт тунсыкъясько, азгынэсь аджисько. Таиз но, дыр, лыктэм дышетйсьлэн ужез өвёл, куке арысь аре со доры одйг аспирантъёс лыкто – выльысь но выльысь одйг мае ке кутскон понна. Интыысь финн кылъя дышетйсьёс кулэ. Малы тодосчиос но аспирантъёс, кудъёсыз нырысь-валысь пырысько дышетсконэ но гужем курсъёсы ветло, нош бератаз дышетсконзэс жыныё аналто, куспетй каро? Но интыюсысь финн кылэз умой тодйсьёс вань ке но, соос кафедраосын малы ке но өвёл. Семья но таза-лык ласянь мугъёс валамонэсь, нош мукетъёсыз валэктонъёс муг өвёл – ньом гинэ. Финн-угор ёзлюкетъёслэн чуказе нуналзы луоз соку гинэ, куке дышетыны быгатозы факультетъёсысь ас специалистъёс.

Дышетскон инты, аудиториос ласянь шуг-секытъёс пумиськыло котькытын, Европаысь университетъёсын но, озыы ке но, та ужпумез арысь аре аналтыса кельтыны уг яра. “ТА РОССИЯ” шуыса валэктон – со валэктон өвёл. Дышетскон уз йылпумъяськы, куке лыктэм дышетйсьёс өвёл. Элькунъёсын угось тодосчиос вань ини. Ужан материал но вань гинэ. Но дышетсконлы вуз пум, куке өвёл дышетскон инты. Озыы ик өвёл инты, кытчы люканы луысал удыся литератураез. Сыңе интыын нуналмысь кулэ луись книгаос котьку луысалзы студентлэн ки улаз но, со быгатысал татын ас кожаз дышетскыны.

Таиз дышетскон ар бере Финляндиысь Дышетонъя министерстволэн эскерон программаез йылпумъяське. Но Россиысь финн-угор калыкъёслэсь культуразэс жутон уж уг дугды. Министерстволэн малпамезъя, мытэм дышетон ужез одно ик азинтоно,

но соку ик пусйиське, та пумысен золгес сюлмаськыны кулэ вы-
лэм Россия ласянь, шонергес вераса, финн-угор калыкъёс.

Кулэ-а финн-угор калыкъёслы лыктэм дышетйсьёс, кыл-
сярысь, Финляндиысь? Кулэ ке, киньёслы? Кыче планъя ужаңо?
Быгатозы-а университетъёс соосты калык радъя пумитаны? Евро-
палэн синмыныз учконо ке, улонни ласянь но уждун ласянь уж-
пумъёс дышетон ужен одйг радын сылыны кулэ. Сюрес усьтйсь-
кемын, но выль кивалтйсьёс медаз кельтэ вал огназэс финн-угор
кафедраосыз но факультетъёсыз. Кылсярысь: ку меда сётозы ин-
тернет-кусыпъёс финн-угор факультетъёслы но?

Оскыны кулэ, Россиысь финн-угор калыкъёс пöлын финн
кылэз но культураез дышетон азинскоз но муромоз, уката ик му-
ромоз. Россиысь ваньмаз выль дышетсконниосын бадзымесь
воштйськонъёс ортчо. Мон оскисько, пичи гинэ Финляндия но
пичи финн кыл быгатозы та ласянь но кылдытыны выль луон-
лыкъёс. Соосыз шедьтон понна кулэ уртче огкылысь ужаны —
факультетъёсын но институтъёсын ёош, культура дэменлыкъ-
ёсын но кивалтэтысь комитетъёсын валче. Али бен кулэ улонэн
герзаськем нимысьтыз огъя ужпумъёс, нимысьтыз чаклам планъ-
ёс. Соос уз быдэсме, ёз луэ ке огъя кыл шедьтыны но кыл кутыны
быгатйсь адямиос.

Е. А. Цыпанов (Сыктывкар)

О статусе каузативных глаголов в коми языке

Прежде чем приступить к изложению темы, необходимо
кратко очертить сам предмет рассмотрения, каузативные глаго-
лы, т. е. что под ними понимается. В целом есть два основных
восприятия их: широкое, принятое в типологических исследова-
ниях языков разных систем, и узкое, наблюдаемое в грамматиче-
ской традиции пермских, других финно-угорских, тунгусо-мань-
чжурских языков. Так, в монографии "Типология каузативных
конструкций. Морфологический каузатив" под каузативным под-
разумевают все глаголы, выражающие каузативную ситуацию
или причинно-следственное отношение между двумя микроситу-
ациями, напр.: *Его поступок заставил нас уйти* [Типология 1969:
6]. В статье рассматриваются лишь такие вычленяемые в коми

грамматиках глаголы, которые традиционно считаются носителями каузативного или понудительного залога и имеют морфологический показатель в коми-пермяцком литературном языке *-ӧт*, коми-зырянском *-ӧд* с озвончённым согласным, напр.: *вурӧтны*, *вурӧдны* 'заставить кого-то что-либо сшить'. В удмуртском языке каузативным суффиксам соответствует суффикс *-т*, этимологически восходящий к прауральскому деривационному форманту **-t*, напр.: *вурытыны* 'заставить шить', *урытыны* 'заставить полоть' [ГСУЯ: 228]. В коми языке есть два суффикса, ведущие своё происхождение от прауральского **-t*, это *-т* и *-ӧд*, *-ӧт*, последний из которых отличается от первого вокалической огласовкой *-ӧ-* и озвончённым переднеязычным *-д* в коми-зырянских диалектах. В коми языке глаголы с суффиксом *-т* не несут каузативной семы и являются просто переходными или непереходными, напр.: *свѣтны* 'встать', *пыртны* 'внести', *куртны* 'сгребать', *тыртны* 'наполнить' и т. д. Поэтому эти глаголы в число рассматриваемых здесь не включаются.

По установившейся в 50-е годы коми грамматической традиции, как правило, все глаголы с суффиксом *-ӧд*, *-ӧт* считаются носителями понудительного залога, т. е. характеризуются как каузативные. Мы здесь намеренно не ставим вопроса о правомерности вычленения каузативного/понудительного залога, т. к. этот вопрос в современных исследованиях по теории залога является спорным. Важным представляется другой подход – выяснить, являются ли все глаголы, оформленные формантом *-ӧд*, действительно понудительными. В учебнике для вузов "Коми-пермяцкий язык" Р. М. Баталова выделяет следующие критерии глаголов понудительного залога:

- 1) понудительная форма имеет суффикс *-ӧт*, *-ӧд* или *-т*;
- 2) понудительная форма является всегда переходным глаголом, т. е. имеет при себе прямой объект;
- 3) субъектом, к которому относится действие глагола понудительной формы, является обычно лицо, очень редко неодушевленные предметы;
- 4) понудительная форма выражает понуждение кого-нибудь совершить действие [КПЯ: 267–268].

Как показывает материал грамматик, в ряде случаев семантика многих глаголов не укладывается в рамки перечисленных критериев. Более того, выделяемая группа глаголов под назва-

нием 'понудительно-транзитивные" вообще характеризуется следующим образом: понуждение выражается здесь не вполне отчетливо или даже весьма смутно, напр.: *бырöдны* 'уничтожить', *орöдны* 'оборвать', *кусöдны* 'погасить' и т. д. [СКЯ: 232]. Кроме того, довольно большое количество отымённых и отглагольных глаголов, образованных также с помощью суффикса -*öд*, вообще является непереходными или же употребляются в непереходном значении, напр.: *ветлöдлыны* 'ходить', *кöдз-дöдны* 'холодать', *бледöдны* 'бледнеть', *петкöдлыны* в предложении *Телевизорным петкöдлö омöля* 'Телевизор наш показывает плохо'. Рассматривая весь корпус словоупотреблений глаголов с формантом -*öд*, с очевидностью можно отметить, что далеко не все глаголы несут каузативную сему. Иными словами, в определении статуса каузативных глаголов главенствовали формальные критерии (наличие суффикса, переходность, одушевленность субъекта). Далее попытаемся выявить основные условия реализации каузативной семы у глаголов с формантом -*öд* и путь транзитивации, возникновения чисто переходных значений у глаголов.

Предпринимавшиеся исследования глаголов с суффиксом -*öд* прежде всего обращали внимание на выражение понудительного значения как реализации каузативной семы, которая заключается в репрезентации опосредованного двусубъектного действия, напр.: *Ваня вурöдis гач вурсьысылы* 'Ваня сшил у портного брюки'. Первый субъект-подлежащее (*Ваня*) побуждает, чтобы второй субъект-дополнение (*вурсьысы*) совершил действие, указанное глагольной основой. Такие же синтаксические конструкции есть в удмуртском, марийском, венгерском, других финно-угорских языках, во многих тунгусо-маньчжурских языках, что давало повод полагать о дальнем родстве этих языковых семей. Так как морфологический каузатив реализуется в определенных логико-синтаксических конструкциях, выделим основные типы таких конструкций, которые выражают различные соответствия между актантами и партиципантами, т. е. между единицами синтаксического и логико-семантического уровней. Всего каузативная сема реализуется в трёх основных соответствиях.

Первое соответствие можно назвать как двубъектно-двусубъектное, например, анализ предложения можно представить так:

Подлежащее	Предикат	Прямое дополнение	Косвенное дополнение
Каузатор	Процесс	Объект	Субъект
<i>Ме</i>	<i>дорёда</i>	<i>пурт</i>	<i>кузнечлы</i>
'Я кую нож через кузнеца'			

Каузативные глаголы образуются от переходных основ. В синтаксической конструкции центральное место занимает каузатор и субъект действия, который формально выражается словом в дательном или комитативном падеже в большинстве коми-зырянских диалектов (кроме лузско-летского); в творительном падеже в коми-пермяцких диалектах и лузско-летском диалекте. На поверхностном уровне эта конструкция с каузативным глаголом имеет субъект и два объекта, на глубинном уровне два субъекта и один объект. Как уже указывала Р. М. Баталова, подобные конструкции в коми-пермяцком языке встречаются крайне редко [КПЯ: 269]. Можно здесь дополнить, что и в коми-зырянском языке они бытуют редко лишь в диалектной речи лиц старшего возраста и в памятниках фольклора. В современном литературном языке подобные глаголоупотребления не встречаются.

Второе соответствие можно характеризовать как однообъектную двусубъектную с невыраженным субъектом действия, напр., в следующем предложении:

Подлежащее	Предикат	Прямое дополнение
Каузатор	Процесс	Объект
<i>Ваня</i>	<i>гижёдіс</i>	<i>письмё</i>
'Ваня заставил кого-то написать письмо = написал посредством кого-то письмо'		

На поверхностном уровне конструкция с каузативным глаголом имеет субъект и объект, на глубинном же уровне два субъекта и объект, причем каузируемый субъект формально не выражен, т. к. конкретное указание на него для говорящего не важно. В современном коми литературном языке в принципе характерны именно такие каузативные ситуации, где объектом переходно-

го/каузативного глагола является неодушевленный предмет, напр.: – *Быть колё гижёдны акт, – нёшта ётчыё шуис Геля да весиг йё-граыслысь кучиксё эз понды кульны* (Ю. Васютов). '– Обязательно необходимо написать посредством кого-то акт, – еще раз сказал Геля и даже не стал бить манси'. Несмотря на отсутствие эксплицитного субъекта, глагол подразумевает наличие двух действующих лиц: каузатора и субъекта, реального исполнителя действия. Каузативные глаголы в рассмотренных двух соответствиях образуются от переходных основ и являются как бы вдвойне переходными. Прямым объектом при каузативных глаголах является неодушевленный предмет.

Третье соответствие также можно характеризовать как одно-объектную двусубъектную, но это принципиально иное соотношение актантов и партиципантов, т. н. каузативные глаголы при этом образуются от непереходных основ, напр.:

Подлежащее	Предикат	Прямое дополнение
Каузатор	Процесс	Субъект
<i>Ваня</i>	<i>сёрнитёдйіс</i>	<i>Таняёс</i>
'Ваня заставлял разговаривать Таню'		

На поверхностном уровне есть также субъект и объект, на глубинном же уровне два субъекта (каузатор и реальный исполнитель действия) и объект. Причем прямое дополнение включает в себя реального исполнителя действия, т. е. объект и субъект слиты воедино. В рамках такого соответствия каузативный глагол несет также и функцию транзитиватора, т. е. он изменяет исходное значение глагольной основы на переходный. Причем каузативная сема явственно сохраняется лишь тогда, когда прямой объект при глаголах с суффиксом -ёд обозначает одушевленное лицо, персонаж, носитель волевого или активного начала, напр.: *И висьталіс сійё Иван Саревичлы, ме пё вёлі купеч ныв да пыш-йёдісны менё Гундырлияс квайт юра гундырлылы баба вылё* (из фольклора). 'И рассказала она Ивану Саревичу, я, мол, была купеческая дочь, и заставили меня убежать Гундырли, чтобы стать женой шестиглового дракона'.

Если же прямой объект обозначает неодушевленное, т. е. неактивное, неволевое начало (предмет, явление), то у глаголов кау-

зативная сема двусубъектности с выраженным значением понуждения исчезает. Это можно увидеть на примере следующего предложения:

Подлежащее	Предикат	Прямой объект
Субъект	Процесс	Объект пассивный (носитель действия)
<i>Ваня</i>	<i>поткодліс</i>	<i>пес</i>
'Ваня наколол дрова'		

На поверхностном уровне также наличествуют субъект и объект, но значение каузации и двусубъектности действия в данном случае исчезает. Подобных глаголуупотреблений в современном коми языке очень много; суффикс *-ӧд* в таких случаях несет лишь функцию транзитиватора, напр.: *шедӧдны съӧм* 'достать деньги', *бырӧдны тырмытӧмторъяс* 'изжить недостатки', *тшыкӧдны кабала* 'испортить бумагу' и т. д.

В заключение можно сформулировать некоторые результаты рассмотрения глаголов с суффиксом *-ӧд*:

1) статус каузативных глаголов в коми языке необходимо корректировать в сторону их количественного уменьшения, т. к. далеко не все глаголуупотребления с суффиксом *-ӧд* несут каузативную сему;

2) в современном коми языке каузативная сема реализуется в рамках 3 выделенных соответствий, причем двусубъектная двуобъектная понудительная конструкция типа *Ваня вурӧдӧ дӧрӧм вурьсылы* 'Ваня шьет рубашку у портного' вышла из активного употребления и сместилась на периферию;

3) глагольный суффикс *-ӧд* активно выступает зачастую уже как показатель переходности, образуя глаголы со значением прямого воздействия, напр.: *пуӧдны* 'кипятить', *кыпӧдны* 'поднять', *вӧрӧдны* 'трогать' и т. д. Релевантным признаком в определении каузативной семы в рамках выделенного здесь 3-го соответствия является принцип одушевленность = активность / неодушевленность = неактивность прямого дополнения, для сравнения: *Петыр сувтӧдіс Ваняос видзны зӧр* 'Петр поставил Ваню охранять овес'; *Карса йӧз сувтӧдісны памятник* 'Горожане установили памятник'

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962.

СКЯ – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар, 1955.

Типология 1969 – Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград, 1969.

А. Ф. Шутов (Ижевск)

**Некоторые переходные случаи выражения гипотаксиса
в удмуртском языке**

В узком понимании гипотаксис – это подчинение предложений [Ахманова 1969: 100; Розенталь, Теленкова 1985: 51]. Результатом выражения гипотаксиса, кроме сложноподчиненных предложений, являются предложения с инфинитными глагольными и прочими конструкциями, которые функционально соответствуют сложноподчиненным предложениям. К гипотактическим конструкциям, например, относят предложения с “дательным самостоятельным”, которые так широко употреблялись в древнерусском языке в функции сложноподчиненных предложений с обстоятельственными, изъяснительными и определительными придаточными предложениями. В “Исторической грамматике русского языка” [1978: 423] отмечается, что “на протяжении длительного времени дательный самостоятельный служил одним из важнейших средств выражения гипотактических отношений в русском языке”.

Основным результатом развития гипотактических отношений в удмуртском языке являются: 1) сложноподчиненные предложения с союзным (с помощью подчинительных союзов) и относительным (с помощью союзных слов) подчинением; 2) предложения с деепричастными, причастными, отглагольно-именными и другими конструкциями (как моносубъектными, так и немоносубъектными), являющиеся семантическими аналогами сложноподчиненных предложений.

Кроме указанных основных форм выражения гипотаксиса, в удмуртском языке имеют место некоторые переходные случаи и аномальные явления, которые мы приводим ниже (графика и пунктуация оригиналов примеров по возможности соблюдена, за исключением тех случаев, когда нет соответствующего изображения букв).

1. Общепризнанным является тот факт, что примыкание – наиболее древний способ связи простых предложений. В рамках примыкаемых простых предложений могут быть переданы не только сочинительные, но и подчинительные отношения (см. об этом: [Гаджиева, Серебренников 1986: 102]). В удмуртском языке нередки реликты того, когда в рамках двух примыкаемых предложений выражаются объектные отношения. Такие случаи возможны с глаголами типа *кожаны* 'думать', *малпаны* 'думать', *шуыны* 'говорить', *потыны* 'казаться' и другими. Не достигшая совершенства древняя гипотактическая конструкция возникла из двух предложений путем вклинивания потенциально возможного придаточного предложения в потенциально возможное главное предложение (согласно порядку слов "определение + определяемое" перед сказуемым второго предложения). Условно этот процесс можно выразить в виде следующей схемы: *Он придет + Я думал* = *Я он придет думал*.

Славянъёс каждой журтын журткузё вань кожало выльэм (Удмурт, 5). 'Славяне думали, что в каждом доме есть домовый (букв. Славяне в каждом доме домовый есть думали)'. *Мон тй выжытэм быремын кожасько вал* (Молот. 1938. № 1, 30). 'Я думал, что ваш род поголовно исчез'. *Тима кыдёкысен кутскиз, Микта Иванэз чылкак вунэтэм кожалоод*. 'Тима начал издалека, можно подумать, что про Ивана Никитича он совершенно забыл'. *Собере [гондыр] гижыосыныз конгыртйз но, дйсьме чаж-чаж кесяса, лобак жутйз. Бырьськиз, малпасько* (Петров, 88). 'Потом медведь ковырнул когтями, разорвал мою одежду, легко забросил ее вверх. Пропал я, думаю'. *Сьолыктэм адямиез великтэм уин кылчинъёс уин инме тубто шуо вал* (К. Митрей, 11). 'Говорили, что в ночь на пасху безгрешных людей ангелы поднимали в небо'. *Кышъяны кор овёл шуо бере, выльзэ ку ай пуктод?* (Кенеш. 1998. № 6, 7). 'Когда еще построишь новое (здание), раз говорят, что для латания бревен нет'. *Короленкоен Баранов шоры ваньзы ик бадъым оскон мылкыдэн учко, та кык муртъёс соослзсь атай-*

ёссэс одно ик мозмытозы *понтэ соослы* (Петров, 284). 'Все с большой верой смотрят на Короленко и Баранова: им кажется, что эти двое обязательно освободят их отцов'. *Аслам йырым малпаса, аслам кыным заявление гождтй. Аслэсьтым будэтэм-вордэм тиме войнае келяй луэ* (Грязев, 35). 'Подумав своей головой, сам своей рукой написал заявление. Получается, что своего сына сам отправил на войну'.

2. Подлежащее потенциально возможного придаточного придаточного предложения принимает суффикс винительного падежа, т. е. происходит незначительное совершенствование подчинительной техники, указанной в пункте 1: *Он придет + Я думаю = Я его придет думаю*. В результате такого процесса бывшее подлежащее становится соотнесенным с обоими предложениями.

Перунэз соёс урод инмар шуллям (Удмурт, 5). 'Они считали, что Перун – плохой бог (букв. Перуна они плохой бог сказали)'. *Нош Кони сое огшоры гинэ паймиз кожсаз* (Петров, 306) 'А Кони подумал, что он просто удивился'. *Нош сое бригадасытызы бигер пиен Сабитэн кушласькем шуо* (Красильников, 85). 'А про нее говорят, что она дружит с татаринном Сабитом из своей бригады'. *Вырись ымдурьёссэ адзыса, Соняез пияш зэмен ик маскаръяське кожсаз* (Волков, 69). 'Увидев ее подвижные губы, парень подумал, что Соня на самом деле шутит'.

3. Вышеуказанная трансформация подлежащего в винительном падеже в некоторых случаях произошла в придаточном предложении и смешанной прямо-косвенной речи.

Ми сое Израил калыкез мозмытоз шўса оскимы вал (Бадзым, 48). 'Мы верили, что он освободит народ Израиля'. *Пуп лыктыса пырэм но сое кышно мурт шўиса солис луам: картэд кытын? шўэм* (Гаврилов, 68). 'Поп вошел и, думая, что это женщина, спросил: Где твой муж?' *Купес верам: "Тй монэ чурят мурт шуса – эн малпалэ"* (Яковлев, 28). 'Купец сказал: "Вы не подумайте, что я скупой"'. *Полинаез тон вож кофтаен кошкиз шуыса гождтэмед допросын* (Самсонов, 138). 'На допросе ты написал, что Полина ушла в зеленой кофте'.

4. Смешение прямой и косвенной речи – явление исторически характерное для многих языков. Суть этого явления заключается в том, что косвенная передача чьей-то речи от прямой речи отличается лишь наличием подчинительного союза (в удмурт-

ском языке наличием постпозитивного союза *шуыса* 'что'), а 1-е и 2-е лицо при передаче чужой речи 3-им лицом не заменяется.

Солис тубемзэ аджыса гондыр, монэ сйыны тубэ шуиса курдаменыз кыз жылисен текчем но кулэм (Гаврилов, 57). 'Увидев, что он [кот] поднимается, медведь, испугавшись, что он поднимается, чтобы его [медведя] съесть (букв. меня съесть), прыгнул с вершины ели и сдох'. *Соёс "жыт милемыз жэтйсь уз лу ни" шуса малпало* (Яковлев, 56). 'Они [насекомые] думают, что вечером их никто не будет трогать'. *Владимир сыёе куриськыса ассэ улй карисько шуса малтам* (Удмурт, 15). 'Владимир подумал, что такой просьбой сам себя унижает'. *Шумпотэ Кельго: пййшур куосыз вузаса жеч пычал басьто шуса малпа* (Ошмес, 27). 'Радуется Кельго: думает, что, продав шкуры зверей, купит хорошее ружье'. *Зояен Макар котьмамы асьмелэн мед луоз шуыса тыршизы* (Красильников, 18). 'Зоя с Макаром старались, чтобы все у них было свое собственное'.

5. В удмуртском языке можно встретить гипотактические конструкции с плеонастическими оборотами, в которых имеется двойное (излишнее) обозначение субъекта действия – с помощью подлежащего и притяжательного суффикса при стержневом слове оборота.

Со вераськыкыз, тани вуе Іуда (Ев. 1847, 212). 'Еще какъ говорил Онъ, приходить Іуда'. *Сое ныр вылаз сюрес ваньысьтыз озьы нималлям* (Яковлев, 13). 'Его [носорога] назвали так оттого, что на носу у него имеется рог'. *Куке эксэймы Петр Великий шведъёсын жугиськыкуз, шведъёс сое юн жугыльлям* (Войнаысь ивор. 1917. 26 январь, 2). 'Когда наш царь Петр Великий воевал со шведами, шведы его сильно побили'. *Собере картэз умме усем бераз, азбаре потэм но бам кышетэныз сзъялтэм* (Сказка, 19). 'Потом, когда ее муж заснул, она вышла во двор и взмахнула носовым платком'. *Ма, тани ук, Нина Васильевналэсь скалъёссэ но, ачиз пенсие потэмез бере, кенэз утялтэ* (Удмурт дунне. 1996. 9 ноябрь, 4). 'Вот ведь и за коровами Нины Васильевны, когда она вышла на пенсию, ухаживает ее сноха'. *Мон нырысь урокме сётыкум, тй, Анастасия Леонидовна, сизьым шур йылын вал ай* (Молот. 1974. № 3, 22) 'Когда я давал первый урок, вас, Анастасия Леонидовна еще не было'.

6. Явление плеоназма в условиях активного русско-удмуртского двуязычия весьма характерно для удмуртской разговорной

речи. Так, например, оно проявляется в использовании двойных средств связи (союзов) в сложноподчиненном предложении, в начале придаточного предложения ставится русский союз, а в конце – постпозитивный удмуртский союз: *если – ке, хотя – ке но, раз – бере, что – шуыса* и т. п. Такие примеры можно встретить и в художественных произведениях, особенно в изданиях 40–50-х годов, в которых часто использовались русские синтаксические конструкции.

Нош маин кизёмы, ежели колхозэ пырымтэос вань ошъёсты вандылъзы ке (Шолохов, 88). 'А как будем сеять, ежели те, кто в колхоз не вступил, зарежут всех быков'. *Мон но Георгий Мелуа верамы, что раз губернатор кыл сётъиз, со аслэсьтыз кылзэ возёз но ужасъёсты мозмытоз шуыса* (Молот. 1938. № 1, 44) 'Я и Георгий Мелуа сказали, что раз губернатор дал слово, – он сдержит своё слово и освободит рабочих'. *Нош мон ... раз мон кебитэн азмын но быгатъсько бере, мон котьку, туннэ кадь ик – колхозник, вань сюлмыным...* (Шолохов, 149). 'А я ... раз я заражен кузницей и умею, я всегда, как и сегодня – колхозник, всем сердцем...' *Хотя мон сое каяться кариськыны трос пол лопкытъяллай ке но, санэ өз басьты [Данё]* (Волков, 99). 'Хотя я ему много раз предлагал покаяться, он [Данё] не послушался'.

7. В удмуртском языке имеются случаи, когда изъяснительные придаточные предложения присоединяются к главному с помощью союзного слова и союза *шуыса* 'что'.

Пырыса-но гидэ, пуксиз варъюсынь цякляны, маинъ та бырозъ шуыса (Ев. 1847, 214). 'И войдя во дворъ, сѣлъ со служителями, чтобъ видѣть, чѣмъ это кончится'. *Со пор разбойникъосыз аджыса шып улэм, мар ужалозы шуса тэк ускъса пукэм* (Гаврилов, 60). Этотъ черемисинь, увидевъ разбойниковъ, притаился и смотрелъ, что они будутъ делать'. *Вылъ коньдон ке́че потоз шуыса, вань Россіяысь калыкез адратэ* (Войнаысь ивор. 1917. 20 апрель, 8). 'Какими будут новые деньги, волнует весь российский народ'. *Соку тодэм ини, кинэ сётоно шуыса* (Сказка, 46). 'Тогда уже узнал, кого надо отдать [водяному]'. *Кытчы мыныса, кытысь сое шедьтом шуыса, мар сюлмаськонэз сюлмаськи* (Волков, 22). 'Как я беспокоилась, куда пойти и где его найти'.

8. В близкородственном коми языке русскому союзу *чтобы* функционально соответствуют союзы *мед, медым*, возникшие из

частицы со значением 'пусть'. *Висьталіс гораа, мед ставныс кылісны* [Манова 1994: 169]. 'Он сказал громко, чтобы все слышали'. *Волісны, медым сёрнитны мекöд* (Там же, 169). 'Они приходили, чтобы поговорить со мной'. В удмуртском языке соответствующие вышеуказанным частица *мед* 'пусть', и отрицательные вспомогательные глаголы *медаз*, *медам* 'пусть не' также могут иногда употребляться в функции союза *чтобы*.

Озіень тельмыре арань кузіолы медъ лезіозъ арасіосызъ арань-вылазь (Ев. 1847, 62). 'Итакъ молитѣ Господина жатвы, чтобы выслать жнецовъ на жатву'. *Танъ кусо азьъ виро сетскомъ пурьсь тага. Уажскалаесь энъ вождэсь вае. Кусмыно медамъ жадылэ, кимы, пыдмы медамъ чогыськы* (Первухин, 24). 'Вотъ мы предъ сѣнокосомъ приносимъ кровавою жертвою сѣраго барана. Предки наши! не питайте гнѣва противъ насъ. Чтобы наши поясницы не уставали, руки-ноги намъ чтобы не обрѣзать'. *Тани ваньмыз пырозы но, нэнэе, чугунэз жэсутыса, картошка люкылоз...* *Со котьку умой чакла: быдѣалазыя но огмындагес мед луозы, нокин жэсже медаз усъы* (Яшина, 75). 'Вот все зайдут, и мать, сняв [с плиты] чугуна, распределит картошку. Она всегда хорошо следит, чтобы по величине они были одинаковы, чтоб никто не обиделся'. *Озыы ке но, дасяськон ужрадьёс лушкеменгес лэсьтійсько. Трос синъёс медаз адъе, трос пельёс медаз кылэ* (Удмурт дунне. 1996. 9 ноябрь, 4). 'Как бы то ни было, подготовительные мероприятия проводятся тайком. Чтob много глаз не видело, чтob много ушей не слышало'.

Следует отметить, что в современном удмуртском языке русский союз *чтобы* более аутентично выражается постпозитивным союзом *шуыса* в сочетании с указанными словами *мед*, *медаз*, *медам* (Последние, т. е. частицы, в "Грамматике современного удмуртского языка" [1974] в качестве отдельных союзов не зафиксированы).

9. В удмуртском языке на стыке двух предложений, прерванных пунктуационно точкой, встречаются своеобразные средства связи – слово *озыы* 'так' + постпозитивный союз *ке но* 'хотя', *бере* 'раз, коли', *ке* 'если'. Такие сжатые, редуцированные конструкции можно назвать микропридаточными предложениями, которые логически соотнесены с предыдущим предложением: *Окыльналэсь отіе ветлэмзэ тодісь ой лась. Озыы ке но, Окыльналэн мылдыз туж урод* (Ломагин, 223). 'О по-

хождениях Акулины никто не знал. Несмотря на это (букв. хотя так), настроение у Акулины очень плохое'. Редуцированную конструкцию (микропридаточное предложение) путем добавления к первому предложению союза *ке но* можно заменить без ущерба для содержания двух соотнесенных предложений полноценным придаточным предложением, ср.: *Окыльналэсь отиё ветлэмзэ тодйсь ой лась ке но, Окыльналэн мылкыдыз туж урод*. 'Хотя о похождениях Акулины никто не знал, настроение у Акулины очень плохое'.

Уно солдат кулйз, бырыз... Озы ке но, арми вормиз съод кый кадь дышмонъёсыз, эрказ кариз бусыосыз (Герд, 68). 'Много солдат погибло, полегло... Несмотря на это, армия победила врага, подобного черной змее, сделала вольными поля'. *Бусэн чоктам шур ярдурын мон ёсокамон куректйсько. Озы ке но, котьку дырын тонэ гинэ яратйсько* (Байтеряков, 105). 'На туманном берегу реки я до удушья страдаю. Несмотря на это, всегда только тебя я люблю'. *А мар-о, кужымыз вань на, дырыз вань на. Озы бере, номыр шуыса но уз чигна со* (Перевошиков, 71). 'А что, силы у него есть, время еще есть. Коли так, он ни в коем случае не будет отступать'. *Нёжсто вань улонэз озы ортчиз? Озы ке, соку ма кароно солы?* (Перевошиков, 70). 'Неужели вся жизнь его прошла так? Если так, тогда что делать ему?'

Приведенные выше конструкции могут употребляться на стыке предложений внутри сложного предложения: в этом случае микропридаточное предложение, как бы "перерождаясь", преобразуется в средство связи (данный случай аналогичен в удмуртском языке с историей причинного союза *малы ке шуоно* 'потому что', возникшего из вводной конструкции).

Ислентьевлэн учебникъёсыз устоесь вал, озы ке но, соос уже кутйськылйзы Удмурт шаерлэн лымышор пал школаосаз гинэ (Уваров, 27). 'Учебники Ислентьева были отличные, несмотря на это, они применялись только в школах южной части удмуртской земли'. *Астэ валад, астэ тодйд тон, озы бере, бадзым луид тон!* (Яшина, 28). 'Себя познал, себя узнал ты, раз так, стал ты взрослым'. *Пиньёстэ куртчиськод, синъёсысьтыд тылгизыос пазьгисько, озы ке но, вормон сяресь малпаськиськод* (Грязев, 8). 'Стискиваешь зубы, из глаз сыплются искры, несмотря на это, ты думаешь о победе'. *Удмурт Республикаысь парламент кыл кутэ политикаез быдэсьян амальёслэн законъёслы тупамтэзы*

понна, *озы бере*, соосты право ласянь гинэ öвöл, адямиез гажан ласянь но дунья (Удмурт дунне. 1996. 9 ноябрь, 2). 'Парламент Удмуртской Республики несет ответственность за несоответствие средств реализации политики законам, раз так, то дает оценку им не только с правовой стороны, но и с точки зрения уважения человека'.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что в процессе развития гипотактических отношений в удмуртском языке выделились различные переходные явления:

1) выявилась тенденция к совершенствованию подчинительных средств (двойные средства связи – 7-й п., перерождение конструкции – 9-й п.);

2) некоторые стадии переходных явлений имеют в современном удмуртском языке реликтовый характер (примыкаемые предложения – 1-й п., частица *мед* в союзной функции – 8-й п.);

3) различные аномальные процессы (плеоназм – 5-й и 6-й п., смешение прямой и косвенной речи – 4-й п.).

Некоторые из указанных явлений, особенно последнее (3), в какой-то мере можно объяснить слабостью синтаксических норм в удмуртском литературном языке.

Условные сокращения источников:

Бадзым – Бадзым пражникйос. Казань, 1874; *Байтеряков* – Н. Байтеряков. Кикьен вераськон. Ижевск, 1978; *Войнаысь ивор* (газета); *Волков* – А. Волков. Кунай Олэк. Ижевск, 1984; *Гаврилов* – Б. Гаврилов. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880; *Герд* – К. Герд. Гажан эше. Ижевск, 1978; *Грязев* – Г. Грязев. Кирень куректон. Ижевск, 1996; *Ев. 1847* – Господа нашего Иисуса Христа евангелие отъ св. евангелиста Матфея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847; *Кенеш* (журнал); *К. Митрей* – К. Митрей. Вужгурт. Ижевск, 1926; *Красильников* – Г. Красильников. Вуж юрт. Ижевск, 1976; *Ломагин* – К. Ломагин. Котьку сюлэмын. Ижевск, 1993; *Молот* (журнал); *Ошмес* – К. Ошмес. Съöd нюлэсьёс палан. Ижкар, 1933; *Первухин* – Н. Первухин. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка, 1888; *Перевозицков* – Г. Перевозицков. Тулкымлы пумит. Ижевск, 1981; *Петров* – М. Петров. Вуж Мултан. Ижевск, 1954; *Самсонов* – С. Самсонов. Вужер. Ижевск, 1989; *Сказка* – Удмурт калык сказкаос. Ижевск, 1940; *Уваров* – А. Уваров. Югдытйсьёс. Ижевск, 1994; *Удмурт* – Удмурт кылын календарь. Казань, 1907; *Удмурт дунне* (газета); *Шолохов* – М. Шолохов. Жутэм выльвыл. Ижевск, 1941; *Яковлев* – И. В. Яковлев.

Вторая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1908; Яшина – Р. Яшина. Улон азинске. Жизнь продолжается. Ижевск, 1997.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.: Наука, 1986. 285 с.

Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск, 1974. 168 с.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Простое предложение. М.: Наука, 1978. 448 с.

Манова Н. Д. Учимся говорить по-коми. Сыктывкар, 1994. 264 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ, РЕЦЕНЗИИ

К 110-летию со дня рождения

Д. В. Бубрих

К вопросу о пермском вокализме^{*13}

(Из сообщения в Литературно-Лингвистической Секции
16.XI.1929)

Вопрос о взаимоотношениях коми и удмуртского языков в области вокализма первого слога слова обсуждался Y. Wichmann'ом в его книге *Zur Geschichte der Vokalismus des ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische* (Гельсингфорс, 1897). Это выступление не может считаться удовлетворяющим. Y. Wichmann исходит из убеждения, что коми *a* закономерно соответствует удмуртскому *a*, коми *o* – удмуртскому *o*, коми *y* – удмуртскому *y* и т. д. Остальное строится на основе этого необоснованного убеждения.

Необходимо обратить внимание на следующее.

1. Коми *o* закономерно соответствует удмуртскому *y*: *олны* – *улыны* 'жить', *воны* – *вуыны* 'приходить', *кок* – *кук* 'нога' и т. п. Таких случаев можно насчитать до 130. Случаев же, когда коми *o* соответствует удмуртскому *o*, можно насчитать едва 15.

2. Удмуртское *o* закономерно соответствует коми *ö* или *e*: *октыны* – *öктыны* 'собирать', *ош* – *öш* 'бык', *горд* – *görd* 'красный' и т. д.; *кор* – *кер* 'бревно', *борд* – *берд* 'стена', *вордыны* – *вердны* 'вскармливать' и т. д. Таких случаев можно насчитать одних до 40 и других до 40. Случаев же, когда удмуртское *o* соответствует коми *o*, можно насчитать (см. выше) едва 15.

* Впервые опубликовано в: Бюллетень ЛОИКФУН. Вып. 4. Ленинград, 1929. С. 18–19.

¹³ Для передачи пермских звуков пользуюсь буквами гражданского удмуртского алфавита. Буква *ö*, согласно этому, обозначает гласный задний среднего подъема нелабиализованный (Примечание Д. В. Бубриха).

Кстати сказать, тем же коми *ö* или *e* закономерно соответствует удмуртское *e*.

В общем соответствия получаются следующие:

	Удм.	Коми
1.	<i>a</i>	<i>a</i>
2.	} <i>y</i>	<i>o</i>
3.		<i>y</i>
4.	<i>ö</i>	<i>ö</i>
5.	<i>ы</i>	<i>ы</i>
6.	<i>o</i>	} <i>ö, e</i>
7.	<i>e</i>	
8.	<i>и</i>	<i>и</i>

Есть основания предполагать, что еще сравнительно недавно удмуртский вокализм первого слога слова был ближе, чем ныне, к коми. Ряд турецких заимствований и такие русские заимствования, как *кусо* 'коса', свидетельствуют, что на удмуртской почве сравнительно недавно произошел переход *o* > *y*. На месте теперешнего *o* тогда не могло быть *o*, так как иначе это *o* тоже перешло бы в *y*. На месте теперешнего *o* был какой-то другой гласный. Таким гласным не могло быть *ö* — ведь *ö* сохраняется неизменным. Таким гласным не могло быть и *e* — ведь *e* сохраняется неизменным. Таким гласным был, очевидно, некий *икс*, являвшийся восьмым в системе удмуртских гласных. Быть может, *икс* был гласным передним средне-го подъема лабиализованным.

Для сравнительно недавнего времени соответствия получаются несколько иные, чем для нашего времени. Таким образом:

	Удм. стар.	Удм. нов.	Коми
1.	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
2.	<i>o</i>	} <i>y</i>	<i>o</i>
3.	<i>y</i>		<i>y</i>
4.	<i>ö</i>	<i>ö</i>	<i>ö</i>
5.	<i>ы</i>	<i>ы</i>	<i>ы</i>
6.	<i>икс</i>	<i>o</i>	} <i>ö, e</i>
7.	<i>e</i>	<i>e</i>	
8.	<i>и</i>	<i>и</i>	<i>и</i>

Программные тезисы Д. В. Бубриха по истории пермских языков

Более семи десятилетий назад основатель советской школы финно-угроведения Д. В. Бубрих опубликовал статью [Бубрих 1929], представляющую собой своеобразный отзыв на докторскую диссертацию Ю. Вихманна [Wichmann 1915]. Эта небольшая по объему работа (всего 1,5 с.) имела программный характер для дальнейшего развития исторической пермистики во многих отношениях.

Во-первых, Д. В. Бубрих, подвергнув совершенно справедливому сомнению реконструкцию Ю. Вихманном праудмуртского вокализма в 7 единиц, т. е. инвариантное количество гласных фонем основных удмуртских диалектов¹⁴, спровоцировал

¹⁴ Правда, касаясь в более поздней работе состава гласных фонем прапермского языка, Д. В. Бубрих [1948: 33] и сам использовал ту же самую логику, что имплицитно содержалась также и в вышеупомянутой работе Ю. Вихманна: "Нет надежных оснований думать, что в древнее пермское время в первом слоге слова употреблялось больше семи гласных, т. е. больше, чем в удмуртском и коми языках в большинстве их диалектов. ... Не отрицая возможности, что в древней пермской речи было больше семи гласных первого слога слова, мы все же, пока что, будем держаться семи: у, о, а, ы, ё, і, э".

Что же касается специфических диалектных гласных удмуртского и коми языков, то у Д. В. Бубриха было весьма скептическое отношение к ним как к возможным рефлексам более ранних фонем. Так, фонему *й* (в его записи *у_ы*), встречающуюся в периферийно-южных говорах удмуртского языка, Д. В. Бубрих вслед за Т. Г. Аминоффом и Ю. Вихманном считал поздней инновацией, ибо "это диалектное *у_ы* не имеет никакой поддержки в коми языке", что впоследствии не нашло поддержки в исторической пермистике (подробнее об этом см.: [Кельмаков 1975: 97]).

Сомнения высказывал Д. В. Бубрих и относительно коми закрытых *о*, *о̄* и *э*, "прекрасно выявленных в трудах В. И. Лыткина": "Как будто похоже на то, что эти три особых гласных звука имеют корни в древней пермской речи. И все же приходится констатировать, что они не имеют никакой поддержки в удмуртском языке. Поэтому отнюдь не отпадает возможность, что они возникли, хотя и в невыясненных условиях, в ходе обособленного развития коми языка".

последующих исследователей на поиски иных подходов при решении данного вопроса. Он обратил внимание на то, что в относительно недавнее время в истории удмуртского вокализма произошел переход более раннего *o* (~ коми *o*) в *y*, охвативший как исконный, так и заимствованные пласты лексем (по Бубриху, около 130 слов), в то время как в другой группе слов и в настоящее время встречается гласный *o* (~ коми *ö* и *э*). Исходя из этого факта, Д. В. Бубрих пришел к единственно верному в методическом отношении заключению: "На месте теперешнего *o* тогда не могло быть *o*, так как иначе это *o* тоже перешло бы в *y*. На месте теперешнего *o* был какой-то другой гласный" [Бубрих 1929: 19]. Так Д. В. Бубрих доказал, что в праудмуртском (в другой работе – в прапермском) была еще и 8-я фонологическая единица – *икс*. Правда, в разных своих работах он давал различный набор дифференциальных признаков этого искомого гласного:

1) *x*, возможно, "был гласным передним среднего подъема лабиализованным" [Бубрих 1929: 19], т. е. *x* = **ö* или **δ*. Впоследствии эта гипотеза была принята на вооружение некоторыми финно-угроведами, напр., К. Редей [Rédei 1982];

2) или, переводя этот *x* в прапермскую плоскость, уточняет: "Вполне ясно только то, что он был гласный среднего подъема" [Бубрих 1948: 33], а возникший на его базе праудмуртский *o* имел, по его мнению, открытый характер [Бубрих 1948: 46]. Исходя из этих уточнений, современные исследователи реконструировали *x* то как **ɔ* [Hagms 1967], то в виде **ɛ* [Кельмаков 1978]. Последняя реконструкция была подкреплена еще и материалом удмуртско-марийского языкового взаимодействия [Кельмаков 1993].

Во-вторых, в этой работе Д. В. Бубрих продемонстрировал метод комплексного использования таких источников изучения истории фонетической системы удмуртского языка, как материалы заимствований и показания родственных языков. При отсутствии ранних письменных памятников¹⁵ и крайней неразработанности к тому времени удмуртских диалектов – важнейших источников изу-

¹⁵ Как известно, наиболее ранние письменные памятники удмуртского языка (по меткой характеристике Д. В. Бубриха [1948: 28], "свидетельства наблюдателей") восходят к I половине XVIII века, когда важнейшие фонетические процессы праудмуртского периода были уже завершены; и они отражают преимущественно современный этап развития фонетической системы и грамматического строя удмуртского языка.

чения истории языка — Д. В. Бубрих вынужден был довольствоваться лишь вспомогательными источниками и выжать из них максимум возможного: ему удалось не только определить направление фонетического изменения (не в коми языке произошло расширение более раннего *у* в *о*, а, напротив, в удмуртском состоялось сужение **о* в *у*), но и примерное время протекания этого процесса: “Ряд турецких заимствований и такие русские заимствования, как *кусо* ‘коса’, свидетельствуют, что на удмуртской почве сравнительно недавно произошел переход *о* > *у*” [Бубрих 1929: 18].

Еще более яркий образец комплексного использования различных источников для решения определенной лингвистической задачи Д. В. Бубрих сознательно дает в “Исторической фонетике удмуртского языка...”. Анализируя с использованием доступных для него источников (материалы современного удмуртского языка, коми соответствия и следы влияния соседних языков на удмуртский) историю анлаутного **r*- в удмуртском языке, где в настоящее время вместо него употребляются *ж*- (удм. *ж*сог ‘скорый’ — к. *рзгыд* ‘скоро’, удм. *ж*омыт ‘сумерки’ — к. *рõмыд*, удм. *ж*уй ‘мох’ — к. *рой* и др.) или *з*- (удм. *з*’из’эг, сокращенно *з*’эг ‘рожь’ — к. *руз*’ог, удм. *з*’ич’ы ‘лиса’ — к. *руч*’, удм. *з*’уч ‘лиса’ — к. *роч*’ и т. д.), Д. В. Бубрих делает умозаключения о:

1) направлении и способе протекания фонетического изменения, касающегося анлаутного *r*-: “в некий исторический момент на удмуртской почве произошел переход *r* в начале слова в *ж*, а если в коренной части слова дальше было *з*’ или *ч*’, то в *з*” [Бубрих 1948: 29];

2) предполагаемой причине его: “этот звукопереход отражает своеобразное вторжение в удмуртскую речь тюркских звуковых установок: в тюркских языках *r* в начале слова неизвестно” [Бубрих 1948: 29];

3) приблизительном времени рассматриваемого звукоперехода. Учитывая то, что: с одной стороны, звукопереход состоялся в слове *руч*’ > *з*’уч, попавшем в удмуртский язык “через коми посредство не раньше, чем на перевале между I и II тысячелетиями”, с другой стороны, русские заимствования, которые “могли начать входить прямо из русского языка в удмуртский не раньше середины II тысячелетия”, “не обнаруживают указанного звукоперехода”, Д. В. Бубрих приходит к выводу: “В общем указанный звукопереход приходится к первой половине II тысячелетия” [Бу-

брих 1948: 29–30]. Этот вывод в целом находит поддержку и в более позднем исследовании, где звукопереход праудм. *r- > удм. ѝ- или ѣ- хронологически очерчен рамками раннего праудмуртского периода – пределами X–XIV веков [Кельмаков 1976: 286].

В-третьих, Д. В. Бубрихом именно в этой работе была сделана первая попытка периодизации истории удмуртского языка – он выделил в ней два этапа: “Удм. стар.” и “Удм. нов.” [Бубрих 1929: 19], т. е. *старый удмуртский язык* с 8-гласным вокализмом (до перехода *o > y) и *новый удмуртский язык* с современным 7-гласным вокализмом. В более поздней работе – в книге “Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)” – он противопоставляет “пермский период..., когда звучала еще древняя пермская речь”, нашим дням, “когда звучит современная удмуртская речь”¹⁶. И эти положения Д. В. Бубриха оказались в исторической пермистике весьма перспективными и получили в исследованиях современных специалистов определенное уточнение и неоднозначную разработку [Кельмаков 1976; Csúcs 1983; Чуч 1992]. Тем не менее однозначно выделяются в истории удмуртского языка *прапермский период* и различные этапы *праудмуртского*, о чем Д. В. Бубрих впервые заговорил – хотя и не совсем последовательно и полно – еще в работе 1929 года.

Библиографический список

Бубрих Д. В. К вопросу о пермском вокализме // Бюллетень Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Л., 1929. № 4. С. 18–19.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.

Кельмаков В. К. Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах // СФУ. 1975. № 2 (XI). С. 96–104.

¹⁶ “В данной книге мы к сравнению с удмуртским языком привлекаем только язык, объединяемый с удмуртским в так называемых пермских рамках, – коми язык. В этих рамках сравнение позволяет выяснить историю удмуртского языка в течение так называемого пермского периода – от древнего пермского времени, когда звучала еще древняя пермская речь до наших дней, когда звучит современная удмуртская речь. Древнее пермское время, а с ним и древняя пермская речь уходят в глубину I тысячелетия нашей эры” [Бубрих 1948: 28].

Кельмаков В. К. К вопросу о периодизации истории удмуртского языка: На материале исторической фонетики // СФУ. 1976. № 4 (XII). С. 283–288.

Кельмаков В. К. К вопросу о “двух о” в праудмуртском языке // СФУ. 1978. № 1 (XIX). С. 20–40.

Кельмаков В. К. Еще раз о качестве “восьмой” праудмуртской гласной фонемы // Hajdú Péter 70 éves. Budapest, 1993. С. 159–163.

Чуч Ш. Периодизация истории удмуртского языка // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 29–47.

Csúcs S. A votják nyelvtörténet korszakai // Urálistikai tanulmányok. Budapest, 1983. 85–94 old.

Harms R. T. Split, Shift and Merger in the Permian Vowels // UAJb. (Wiesbaden) 1967. № 3–4 (39). P. 163–198.

Rédei K. Szófejtések // NyK. 84 (1982). 221–228 old.

Wichmann Y. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsinki, 1915.

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)

Финно-угроведение как учебная дисциплина в Удмуртском государственном университете

0. В истории преподавания (или, скорее, подхода к преподаванию) дисциплин так называемого финно-угроведческого цикла в вузах Удмуртской Республики можно выделить ориентировочно следующие периоды:

- 1) начало и середина 20-х гг.;
- 2) конец 20 – начало 70-х гг.;
- 3) 1972–1993 гг. и
- 4) с 1994 г.

Каждый из названных периодов имеет свои особенности и сложности развития, однако некоторые из трудностей являются общими для ряда периодов.

1.0. **Первый период** (начало и середина 20-х гг.). Интерес небольшой удмуртской интеллигенции 2-го и 3-го поколения к финно-угроведению как науке и как учебной дисциплине непосредственно после Октябрьской революции и гражданской войны в 20-е годы появился и развивался с помощью и при поддержке

центральных вузов Советского Союза – в первую очередь, Ленинграда и Москвы, где обучались удмуртские студенты или аспиранты. Там же они имели возможность устанавливать непосредственные контакты с представителями интеллигенции почти всех финно-угорских народов, проживавших как в России, так за ее пределами, познакомиться с финно-угроведческой литературой, изданной не только в России, но и в Венгрии, Финляндии, Эстонии и Германии. Ярким проявлением потенциальных возможностей финно-угроведения в Удмуртии является книга Кузеева Герда “Человек и его рождение у восточных финнов”, завершенная в конце 20-х годов и чудом сохранившаяся в Финляндии (издана в 1993 году Финно-угорским обществом).

Однако этому вполне безобидному научному интересу к своим финно-угорским истокам и к современным родственным народам и их языкам был придан сугубо политический характер, и деятельность зачинателей финно-угроведения у восточнофинских народов была насильственно и весьма жестоким образом прервана началом первого всплеска сталинских репрессий с конца 20-х годов под самыми различными предлогами. Так, в Удмуртии была выявлена сфабрикованная ОГПУ антисоветская организация “СОФИН” (“Союз борьбы за освобождение финских народов”) во главе с Кузеевым Гердом, конечной задачей которой являлось якобы объединение всех восточнофинских народов (удмуртов, мордвы, коми, марийцев), отторжение их от Советской России и присоединение к “буржуазной” Финляндии. В результате зарождающаяся немногочисленная, но довольно интересная и перспективная интеллигенция (следует заметить, не только филологическая) была почти полностью уничтожена. Так первая яркая вспышка интереса удмуртской интеллигенции к своим древним истокам, интереса к родству современных финно-угорских народов во всех отношениях – языковом, этнографическом, фольклорном и т. д. – была грубо погашена на долгие годы, а люди за излишнюю свою любознательность заплатились собственной жизнью.

2.0. Второй – весьма длительный – период (конец 20 – начало 70-х гг.) ознаменовался тем, что в республике были созданы весьма важные очаги для развития национальной культуры и науки о ней: в 1931 году были открыты Удмуртский государственный педагогический институт (первый вуз в республике) и Удмуртский научно-исследовательский институт, основными задачами которых в удмуртоведческом направлении были изучение языка, истории и

культуры удмуртского народа, с одной стороны, и подготовка молодых специалистов для его осуществления и пропаганды через школьную сеть, с другой. Однако ни исследование общих проблем финно-угроведения, ни преподавание дисциплин финно-угроведческого цикла, ни обучение – хотя бы даже ознакомительное – другим родственным языкам за весь этот длительный период в республике не проводились. Препятствием тому явился комплекс причин, причем в каждом из этапов этого 2-го периода ведущими ставились различные причины. Назову основные из них.

2.1. Самой важной среди них явилась политическая причина. Продолжались – то затихая, то вновь обостряясь – гонения на национальную интеллигенцию, в том числе на ту, которая смогла бы развивать в республике определенные направления финно-угроведения. Причем, эти гонения принимали самые различные виды и формы, напр.: борьба против антипартийного троцкистско-зиновьевского блока (в 30-е годы произведены массовые аресты среди интеллигенции), объявление марризма марксистским направлением в советском языкознании и квалификация сравнительно-исторического метода в языкознании – в том числе и в финно-угроведении – буржуазным и антисоветским (30–50 гг.), установление сталинского культа личности в языкознании (начало 50-х гг.) и т. д. Одним из прискорбных результатов этих кампаний явилась, в частности, преждевременная смерть признанного главы советского сравнительно-исторического финно-угроведения Д. В. Бубриха. Заниматься финно-угроведением было небезопасно в советской стране также и в этот период, в особенности в начальные его этапы. Правда, политическая обстановка в стране несколько улучшилась в 50–70-е годы, после XX съезда КПСС, частично развенчавшего культ личности Сталина, пока его культ в стране в целом и в идеологии и науке в частности не заменялся культом других личностей и неличностей. Однако и в этот период частичной оттепели на арену выступали другие причины, в определенной степени обусловленные этой первой, которые препятствовали нормальному развитию финно-угроведения в республике.

2.2. Острая нехватка высокообразованных лингвистов со знанием основ финно-угроведения и владеющих как финно-угорскими, так и другими западноевропейскими языками. Страна, отгородившаяся от всего мира “железным занавесом”, не нуждалась в нормальном обучении иностранным языкам, а в конкретном

преломлении на интересующую нас область это обернулось тем, что удмуртским лингвистам из-за языкового барьера абсолютно не была доступна классическая финно-угроведческая литература, существовавшая в то время преимущественно на иностранных (немецком, венгерском, финском и др.) языках.

2.3. Еще и другая причина мешала полнокровному использованию достижений зарубежной финно-угристики удмуртскими языковедами – это полное отсутствие (вплоть до конца 60-х гг.) исследований венгерских, финских, эстонских, немецких ученых не только по общим вопросам финно-угроведения, но и в области удмуртского языкознания как в общественных (республиканской, институтских) библиотеках Удмуртии, так и в личных собраниях специалистов.

2.4. Закрытость республики до конца 80-х годов, волею судеб оказавшейся в Уральской зоне производства оружия, создала дополнительные трудности и для личного общения удмуртских ученых со своими зарубежными коллегами, ибо были весьма затруднены как выезд из республики в страны Западной Европы, так и – в особенности – въезд представителей западного финно-угроведения в Удмуртию. Так, венгерские удмуртоведы Ш. Чуч и Э. Сий смогли посетить Удмуртию в научных целях лишь в 1987 году, т. е. спустя 102 года после Б. Мункачи; несколько позднее – в 1989 году – вновь после Ю. Вихманна (1890–1891 и 1894 гг.) открыла дорогу к удмуртам финский лингвист П. Суйхконен.

2.5. Перед удмуртскими языковедами, начиная с 20-х годов вплоть до начала 70-х, в качестве основной стояла задача подготовки учебников и учебных пособий для школ различных ступеней. При этом, политика Коммунистической партии и Советского Правительства в отношении народного образования постоянно менялась, что приводило к необходимости существенного пересмотра и обновления программ и учебников школьного преподавания удмуртского языка и литературы почти через каждые десять лет. Это, естественно, отвлекало силы немногочисленных удмуртских лингвистов от занятий теоретическими проблемами удмуртского и финно-угорского языкознания.

2.6. В республике полностью отсутствовал социальный заказ на специалиста, имеющего финно-угроведческое образование. В удмуртских школьных курсах удмуртского языка и литературы даже не упоминались финно-угорские языки, не говоря уже об ознакомительном их изучении. Поэтому Удмуртский пединсти-

тут готовил для массовой школы учителей удмуртского языка и литературы, русского языка и литературы – естественно, без всякого представления о языке и культуре финно-угорских народов и вне всякой связи с языком и культурой последних.

2.7. В учебных планах для филологов во все эти годы (до конца 80-х) безраздельно господствовали так называемые общественные дисциплины: история КПСС, политэкономия капитализма и социализма, марксистско-ленинская философия с ее разделами диалектического и исторического материализма и – позднее – научного коммунизма; причем, нередко эти дисциплины по многим разделам дублировали друг друга. Естественно, при таком раскладе учебных дисциплин на цикл специальных предметов оставалось значительно меньше времени, чем это требовалось на самом деле; а если учитывать еще и двухпрофильную подготовку молодых специалистов, то на дисциплины историко-лингвистического и финно-угроведческого циклов времени и вовсе не оставалось.

3.1. Возможности углубления филологического образования будущих удмуртоведов несколько расширились в **третий период**, с начала 70-х годов. Дело в том, что в 1972 году Удмуртский государственный педагогический институт был преобразован в университет, что вызвало существенные изменения в учебных планах и в модели будущего специалиста. Значительно больше внимания стали уделять на общетеоретическую подготовку будущих филологов-удмуртоведов. В этой связи впервые в истории высшего гуманитарного образования Удмуртии в таком объеме были введены в учебные планы удмуртского отделения (ныне факультета удмуртской филологии) такие теоретические дисциплины, как: “Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию” (30 ч. – I курс), “История изучения удмуртского языка” (36 ч. – II курс), “Удмуртская диалектология” (30 ч. – II курс), “Историческая грамматика удмуртского языка” (50 ч. – III курс). Естественно, эти дисциплины были направлены в первую очередь на более углубленное изучение удмуртского языка, но тем не менее в них давались определенные сведения и о финно-угорских народах и их языках (курс “Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию”), о финно-угроведах и удмуртоведах России и зарубежья (Ф. Й. Видеманн, Т. Г. Аминофф, Б. Мункачи, Ю. Вихманн, Д. В. Бубрих, Э. Итконен, В. И. Лыткин, Д. Лако, П. Н. Перевощиков, Б. А. Серебренников, В. И. Алатырев, Т. И. Тепляши-

на, К. Редей, М. Корхонен, Ш. Чуч и др.) и об их вкладе в удмуртское языкознание (курс “История изучения удмуртского языка”), а также варьирование фонетической системы и грамматического строя удмуртского языка в пространстве (“Удмуртская диалектология”) и времени – от финно-угорского периода через общепермское состояние вплоть до современности (“Историческая грамматика удмуртского языка”).

Общие же вопросы финно-угроведения в более концентрированном и систематизированном виде стали преподноситься лишь студентам, специализирующимся в области удмуртского языкознания – “Сравнительная грамматика пермских языков” и “Сравнительная грамматика финно-угорских языков” (IV–V курсы, в общей сложности около 60–70 часов); они же получили возможность слушать практические курсы коми и венгерского языков. Для специализирующихся в области удмуртского литературоведения был введен спецкурс “Фольклор финно-угорских народов”. Эти общие дисциплины и специальные курсы с некоторыми уточнениями состава слушателей (курс) и количества отведенных для них часов читаются вплоть до настоящего времени на некоторых отделениях факультета удмуртской филологии: удмуртско-русском, удмуртско-английском и удмуртско-немецком.

3.2. Однако даже эти весьма скромные наши нововведения натолкнулись на определенные – в большинстве своем, традиционные – трудности:

1) отсутствие социального заказа: модель выпускника удмуртского отделения (“учитель удмуртского языка и литературы, русского языка и литературы”) не предусматривала знаний в области финно-угроведения; да и сами эти знания вплоть до последнего времени оставались в массовой школе невостребованными. К тому же перегруженность учебного плана так называемыми общественными дисциплинами (см. 2.7) не давала возможности усилить финно-угроведческую специализацию будущих удмуртоведов;

2) отсутствие в республике высококвалифицированных специалистов, способных вести на должном теоретическом уровне не только учебную нагрузку, но и научно-исследовательскую работу в области финно-угроведения, и владеющих к тому же в соответствующей степени как финно-угорскими, так и другими иностранными языками;

3) отсутствие учебников и учебных материалов. Правда, в последние десятилетия в Советском Союзе был издан ряд обобщающих работ, напр.: "Финно-угорские и самодийские языки"¹⁷, "Основы финно-угорского языкознания" в трех томах¹⁸, "Уральские языки"¹⁹, осуществлен перевод трудов П. Хайду под названием "Уральские языки и народы"²⁰ (М., 1985), однако тиражи этих книг были значительно ниже потребности в них, и выпущенные книги оказались в библиотеке Удмуртского университета в совершенно недостаточном количестве. К тому же они не являются, собственно говоря, вузовскими учебниками, а представляют собой академическое исследование, и они теоретически не всегда доступны студентам, весьма поверхностно знакомящимся с проблемами финно-угроведения. Кроме того, университетская библиотека не получает большинства периодических и серийных изданий по уралоистике, издаваемых за рубежом; к сожалению, в последние годы мы перестали получать исключительно важный для нас журнал "Советское финно-угроведение"/"Linguistica Uralica" (Таллинн, Эстония).

4. Начало четвертого периода ознаменовалось двумя важными для нас событиями:

1) в 1994 году в Удмуртском государственном университете впервые в истории высшего образования в республике был открыт лекторат финского и венгерского языков; и с этого года венгерский и финский языки преподаются нашим студентам носите-

¹⁷ Языки народов СССР / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме "Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций". Ин-т языкозн. М.: Наука, 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. 464 с.

¹⁸ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1974. 484 с.; Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1975. 348 с.; Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. 466 с.

¹⁹ Языки мира: Уральские языки / РАН. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1993. 398 с.

²⁰ П. Хайду. Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. акад. Б. А. Серебренникова. М., Прогресс, 1985. 432 с.

лями этих языков – лекторами Сегедского университета Венгрии Иштваном Козмачем и Туркусского университета Финляндии Са-рой Хяникяйнен;

2) с сентября 1995 года на факультете удмуртской филологии было открыто финно-угорское отделение, которое предусматривает давать своим выпускникам специальность “удмуртский язык и литература, финский язык с финно-угроведением” и “удмуртский язык и литература, венгерский язык с финно-угроведением”. В настоящее время на этом отделении обучаются по 10 студентов на I и II курсах, в дальнейшем также планируется ежегодное пополнение в количестве 10–12 человек.

Открытие финно-угорского отделения на факультете удмуртской филологии вызвано тем, что в республике в последнее время появился социальный заказ на его выпускников, которые смогли бы работать:

1) в гимназиях, лицеях и школах с лицейскими классами с гуманитарным уклоном обучения, где ведется или планируется преподавание венгерского и финского языков и элементов финно-угроведения (в качестве преподавателя);

2) в правительственных органах, различных обществах, переводческих бюро заводов и коммерческих предприятий (в качестве переводчика);

3) в средствах массовой информации: радио, телевидении, редакциях газет и журналов, издательствах (в качестве переводчика);

4) из этого контингента выпускников в первую очередь предполагается в дальнейшем подготовка через аспирантуру будущих исследователей удмуртского и финно-угорских языков, фольклора и литератур, а также вузовских преподавателей финно-угроведческих дисциплин.

4.1. Для улучшения работы финно-угорского отделения, которое в ближайшем будущем должно иметь также и специализацию “удмуртский язык и литература, эстонский язык”, а также эффективного включения историко-лингвистических и финно-угроведческих дисциплин в учебные планы других отделений факультета удмуртской филологии необходимо, помимо решения весьма важных и очень сложных финансовых проблем, еще и следующее:

1) усовершенствовать учебные планы как финно-угорского отделения (это в первую очередь), так и других отделений факультета;

2) формировать кадровый состав преподавателей, способных вести на должном теоретическом уровне вновь вводимые учебные дисциплины и

3) снабдить факультет соответствующим набором и в достаточном количестве учебной и научной литературы.

А все это требует времени и больших усилий как со стороны филологов факультета и республики, так и руководства университета.

4.2. В заключение, пользуясь случаем, хотелось бы от имени кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета обратиться с просьбой и предложениями к представителям других центров финно-угорской науки России и зарубежья:

1) организовать составление весьма компактных учебных пособий по финскому, венгерскому и эстонскому языкам для ведения ознакомительных занятий на тех отделениях факультета, где на изучение этих языков из-за лимита времени не может быть отведено значительное время (возможно, не более 50–80 часов). В этих учебниках должны найти отражение большой историко-культурологический материал и значительный финно-угорский фонд лексики и грамматики соответствующих языков;

2) аналогичные ознакомительные учебники нужны для финно-угорских отделений и по другим языкам: мордовским, коми, марийским, удмуртскому, обско-угорским, некоторым самодийским и др.;

3) факультет удмуртской филологии нуждается в сравнительно-историческом и типолого-сопоставительном грамматиках трех пермских языков и книгах для чтения по этим языкам;

4) необходимо издать специализированные краткие учебные пособия и хрестоматии по финской, венгерской и эстонской литературе;

5) для финно-угорского отделения крайне необходимы достаточно репрезентативные учебные хрестоматии с солидным теоретическим введением по фольклору венгерского, финского и эстонского народов;

6) хотелось бы иметь краткие варианты историко-этнографических пособий по Венгрии, Финляндии и Эстонии;

7) для ведения небольшого ознакомительного курса “Фольклор финно-угорских народов”, читаемого в Удмуртском государ-

ственном университете и, возможно, и других финно-угорских вузах Российской Федерации, мы все нуждаемся также в двуязычных хрестоматиях удмуртского, коми, мордовского, марийского фольклора с приложением большой теоретической и справочной литературы.

Большинство этих учебных пособий могли бы быть изданы на русском языке, а хрестоматии литературных произведений и фольклорных текстов – на языке оригинала с параллельным переводом на русский (и, возможно, другие финно-угорские) языки, чтобы они при необходимости могли быть использованы одновременно во многих вузах России, где ведется преподавание дисциплин финно-угроведческого цикла.

Решение этих и подобных задач возможно лишь при интеграции усилий специалистов различных центров финно-угроведения России, Венгрии, Финляндии и Эстонии.

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)

Вклад преподавателей кафедры удмуртского языка и литературы* в развитие удмуртского языкознания

В деле подготовки удмуртских национальных кадров по гуманитарным наукам начало было положено Инородческой учительской семинарией, открытой в Казани в 1872 году. Из стен ее вышли первые учителя по удмуртскому языку и литературе, переводчики церковной литературы на удмуртский язык и ряд просветителей удмуртского народа – авторы первых учебных и на-

* Кафедра, существовавшая с самого начала до 1983 г. под таким названием, была разделена на две кафедры: удмуртского и финно-угорского языкознания и удмуртской литературы и литературы народов СССР; из языковой кафедры в 1989 году отпочковались две самостоятельные: кафедра общего и финно-угорского языкознания и кафедра удмуртского языка и методики его преподавания.

В данной статье сделана попытка дать краткий обзор научных работ и учебных пособий, которые были написаны/составлены работниками кафедр, занимавшихся/занимающихся проблемами удмуртского и финно-угорского языкознания – независимо от того, как они назывались – со времен организации пединститута (и университета) вплоть до наших дней.

глядных пособий для школ. Среди них наиболее известны имена Кузьмы Андреева, Николая Иванова, Иоанна и Петра Васильевых, В. К. Кузьмина, И. С. Михеева, И. В. Яковлева, Г. Прокопьева, М. Ильина, Е. Алпутовой, В. Крылова и других [Уваров 1994: 10–11]. В 20–30-е гг. XX века подготовка национальных кадров осуществлялась при Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. Из выпускников данного вуза наибольшей популярностью пользовались ученые-лингвисты П. Н. Перевощиков, В. И. Алатырев, А. А. Поздеева, М. Н. Булычев, А. И. Малых, Т. И. Тепляшина и другие.

С организацией Удмуртского государственного педагогического института в 1931 г. (преобразованного в 1972 г. в университет) центром подготовки учительских кадров по удмуртскому языку и литературе стала кафедра удмуртского языка и литературы.

В организации всего учебного процесса на удмуртском отделении, в подготовке учебных программ и учебно-методических пособий для массовых школ и вузов большую работу провели преподаватели кафедры и ее заведующие, работавшие в различные годы существования пединститута и университета.

В первые годы организации кафедры удмуртского языка и литературы, проявляя большую активность и энтузиазм, работал С. П. Жуйков, только что вернувшийся тогда из аспирантуры Института языка и мышления АН СССР (Ленинград). Будучи первым заведующим кафедрой и, совмещая преподавательскую работу с исследовательской в Удмуртском НИИ, за краткий срок своей деятельности – с 1931 по 1937 гг. – он написал и опубликовал 47 названий научных работ (включая рукописные и газетные статьи); ему приходилось составлять программы учебных курсов по удмуртскому и русскому языкам и создавать учебники, двуязычные и орфографические словари, этнографические, диалектологические и экономические карты, получившие одобрение Комиссии по изучению племенного состава страны (КИПС) при АН СССР.

Из лексикографических работ С. П. Жуйкова наиболее значительным был “Практический вотско-русский словарь” (Ижевск: Удкнига, 1930. 115 с.). Он содержит около 2640 слов. Словарь предназначен для русских читателей, желающих изучить удмуртский язык. Цель издания его – помочь русским товарищам познакомиться с наиболее употребительным удмуртским лексиконом и

практически изучить его, так как в то время ставился вопрос о переходе в масштабе республики на удмуртское делопроизводство. Словарь составлен в алфавитном порядке. В левой колонке страницы помещены удмуртские слова, в правой даются их русские эквиваленты. Семантика удмуртских слов раскрыта лишь в основных значениях вне учета переносных значений слов. К отдельным словарным единицам через запятую или в скобках даются их диалектные, синонимические и фонетические варианты: *педлон* (*кырын*) 'на улице (во дворе)', *паляка* (*бодено*) 'перепелка', *пельтон* (*корык*) 'баллон, кузнечный мех', *санапал* (*пычал*) 'ружьё', *та учыре* (*та дыре*) 'в это время', *чакланы* (*малпаны*) 'думать', *тырос* (*трос*) 'побольше', *ниртыны* (*ньиртыны*) 'мазнуть'.

В предисловии дается описание принципов составления удмуртской части словаря и объяснение, как пользоваться словарем, приводится алфавитный порядок удмуртских букв. К словарю прилагается краткий грамматический очерк удмуртского языка в сравнении с русским. Словарь завершается небольшим списком канцелярской терминологии в алфавитном порядке и образцами форм деловых бумаг, написанных на удмуртском и русском языках, таких как: *оскытон* 'удостоверение', *оскон* 'доверенность', *гожскон* 'расписка', *куриськон* 'заявление', *ваньбурез* *басьтон сярысь* 'акт', *ялон* 'объявление', *протокол* 'протокол собрания'.

Следует отметить, что данный словарь, несмотря на небольшой объём и в какой-то мере примитивность раскрытия лексических значений слов, был первым учебным пособием для русских людей, изучающих удмуртский язык. Им руководствовались также издательские работники, журналисты. Грамматический очерк, данный в виде приложения к словарю дал возможность читателям знакомиться с особенностями грамматического строя удмуртского языка, хотя и характеризовался он неполнотой изложения многих грамматических категорий и определенной противоречивостью и ошибочностью их толкования.

В 1931 году данный словарь был переиздан с некоторыми исправлениями под названием "Удмуртско-русский словарь" (Ижевск: Удкнига, 1931. 106 с.).

Третий по счету словарь С. П. Жуйкова был опубликован под названием "Удмурт орфографической словарь" (Ижевск:

УдГИЗ, 1936. 264 б.). Он содержит более 11.600 слов и словоформ. Данный словарь по сути дела первый по счету специальный словарь с чисто орфографическим назначением. В начале словаря помещены правила правописания удмуртского языка (пятьдесят параграфов), утвержденные Президиумом ЦИК УАССР 20 апреля 1936 г. В приложении к словарю приводятся латинский и греческий алфавиты и русские названия букв. Данным словарем и уточненными в 1937 году орфографическими правилами пользовались практики вплоть до 1957 года.

С. П. Жуikov известен еще и как автор школьных учебников. В соавторстве с А. А. Поздеевой он опубликовал учебник русского языка для удмуртской средней школы (Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. 136 с.). Учебник предназначен для 5–6 годов обучения.

Структурно учебник состоит как бы из 3-х частей: “Предложения”, т. е. синтаксиса и “Слова”, т. е. лексикологии и морфологии. Первые два раздела составлены С. П. Жуиковым, третий раздел “Морфология” – А. А. Поздеевой. Исторические сведения о происхождении предложения, слова (в целом о происхождении языка – И. В.) и отдельных грамматических категориях и частях речи также написаны С. П. Жуиковым. Они освещаются в свете нового учения о языке академика Н. Я. Марра, а потому не являются уже приемлемыми в настоящее время. В таком же ключе анализированы им вопросы удмуртского синтаксиса и морфологии в работе “Основы грамматики удмуртского языка: Тезисы к первой республиканской конференции” (Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 48 с.).

Другой учебник С. П. Жуикова под названием “Русский язык: Синтаксис” (Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938) предназначен для учащихся удмуртских неполных средних школ. Составлен он в соответствии с программой Наркомпроса РСФСР по русскому языку для нерусских школ.

В отличие от других синтаксисов по русскому языку в учебнике даны, кроме упражнений, материалы для написания сочинений по картинкам, проведения словарной работы, а также повторяются и некоторые морфологические правила.

Последняя по счету работа доцента С. П. Жуикова, которая была написана в период его пребывания в Удмуртии, носит название “Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ” (Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933). Композиционно он состоит из

разделов “Синтаксис”, “Слово” (т. е. “Лексикология”), “Состав слова”, “Морфология”. Положительным в данной работе является то, что весь учебный материал изучается системно с использованием лингвистической терминологии удмуртского языка, которая впоследствии была заменена словами-терминами русского происхождения.

С. П. Жуikov уделял большое внимание методам обучения родному и русскому языкам в удмуртской школе. Основные принципы обучения русскому языку удмуртских детей нашли свое отражение в методическом пособии “Обучение русскому языку в вотской школе 1-й ступени” (// Просвещение удмуртов. Ижевск: Удкнига, 1929. № 6).

Кафедрой удмуртского языка и литературы после доцента С. П. Жуикова долгое время (более 10 лет с небольшими перерывами) заведовал доцент А. С. Бабинцев. Так же, как и свой предшественник, он работал над созданием учебников для массовых школ. В частности, им написаны два учебника по удмуртскому языку для учащихся 3-го и 4-го классов (обе книги изданы в 1933 году), 3 учебника по русскому языку (в соавторстве) для учащихся 2–3-го, 7-го и 9-го классов. Кроме того, он опубликовал тезисы по удмуртской орфографии и одну статью по удмуртской морфологии (Морфология сярысь // Удмурт кыл ужпумъёс сярысь материалъёс: Удмурт республикаысь нырысетй кыл конференция азелы. Ижевск: Удмуртгиз, 1937. 27–29-тй б.).

На кафедре удмуртского языка и литературы в 1938–1942 гг проработал М. Н. Булычев, занимая различные должности – старшего преподавателя, заведующего кафедрой и декана факультета. Из научных работ он оставил лишь одну, опубликованную под названием “Порядок слов в удмуртском простом предложении” (Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947), являющейся его кандидатской диссертацией. Он составил также программу по курсу современного русского языка для переводческих курсов, вопросник-программу для сбора диалектологического материала по удмуртскому языку, в архиве УИИЯЛ УрО РАН хранятся собранные им материалы в экспедициях 1936, 1945, 1947 гг., а также подготовленные к печати рукописные статьи “Сравнительное описание некоторых говоров южного диалекта удмуртского языка (по материалам экспедиции 1945 года)” (33 с.) и “Фонетико-морфологические и синтагмо-лексические материалы по удмуртскому языку” (1947. 75 с).

У истоков высшего образования в Удмуртии стояла и доцент А. А. Поздеева, проработавшая в Удмуртском пединституте 35 лет и заведовавшая кафедрой удмуртского языка и литературы почти 15 лет. Вместе с коллегами ей приходилось также составлять программы учебных курсов, собирать и систематизировать к ним материалы, создавать учебники и учебные пособия. Ее учебник “Удмурт грамматика. 1-тй люкетз” (“Фонетика но морфология”) с 1934 по 1972 год переиздавался 14 раз. Она работала также над созданием учебника удмуртского языка для русских (в соавторстве с С. П. Жуйковым), который вышел из печати в 1933 году. В соавторстве с С. П. Жуйковым (в 1933 году), а также с А. С. Бабинцевым и А. И. Малых она написала и издала два учебника по русскому языку для учащихся удмуртов (1939, 1940 гг.) Определенную работу она провела и по созданию наглядных пособий по орфографии удмуртского языка. В частности, ею опубликованы сборник упражнений и таблицы по правописанию отдельных частей речи: “Удмурт орфография упражненииослы сборник” (Ижевск, 1948 – в соавторстве), “Удмурт кылья орфографической таблицаос (22 таблица)” (Ижевск, 1969).

В 1960–1970-е годы А. А. Поздеева принимала активное участие в написании разделов научной грамматики (Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология, 1962; Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения, 1970) под названиями “Имя существительное”, “Однородные члены предложения”.

Теоретических работ у А. А. Поздеевой было немного. Наиболее значительными из них являются статьи “Глагол”, “Деепричастие”, “Послелогъёс” (// Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросъёс: 1-тй сб. Ижевск, 1938), кандидатская диссертация и тезисы автореферата “Синтаксические функции именной формы на -эз и -ыс в пермских языках” (Ижевск, 1948), “Значение и функции суффикса -ськ и его вариантов в удмуртском языке” (// Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. Ижевск, 1978. Вып. 3).

Из старшего поколения преподавателей следует вспомнить фамилию А. И. Малых, опубликовавшей сборник диктантов для 5–8 классов (“Удмурт кылья диктантъёс: 5–8-тй классъёслы”. Ижевск, 1944) и тезисы по теме “Методика преподавания наречий удмуртского языка в школе” (// Тезисы к докладам на 1-ой лингвистической конференции УГПИ. Ижевск, 1944).

В 60–70-е годы на кафедру пришло новое поколение преподавателей – языковедов и методистов: Г. Н. Никольская, И. В. Тараканов, Р. И. Яшина, В. К. Кельмаков, чуть позднее – С. В. Соколов, Г. А. Ушаков, А. Ф. Шутов, А. А. Алашеева и др. В эти годы, особенно в связи с преобразованием пединститута в университет, были обновлены учебные планы и программы, стали больше обращать внимание на преподавание лингвисторических дисциплин и финно-угроведения, знания студентов углублялись на занятиях спецкурсов и спецсеминаров, ежегодно стали проводиться фольклорно-диалектологические экспедиции. Таким образом, преподавание удмуртского языка было поставлено на твердую научную основу, преподаватели стали обращать внимание на создание учебников и учебно-методических пособий не только для учащихся массовых школ, как это было в 30–60-е годы, но и для студентов высших учебных заведений.

В обновлении старых, составлении новых учебных планов, программ и в ведении научно-исследовательской работы так же как и раньше, большую работу проводили заведующие кафедрами И. В. Тараканов (заведует с 1967 года по настоящее время с перерывами в 1972–1974, 1984–1989 гг.), В. К. Кельмаков (заведует в 1972–1974 гг., 1984–1989 гг. и с 1997 года по настоящее время), Г. А. Ушаков (заведовал с 1989 по 1994 гг.). В частности, за годы работы на кафедрах заведующими опубликованы: И. В. Таракановым – 158 названий работ²¹, В. К. Кельмаковым – 178, Г. А. Ушаковым – 95, тем самым они обеспечили студентов учебными программами, учебными пособиями по нормативной и исторической лексикологии, диалектологии и исторической фонетике удмуртского языка, сопоставительной грамматике русского и удмуртского языков и методике преподавания.

В целом силами преподавателей языковых кафедр в последние 40 лет были написаны и изданы около 500 наименований работ: библиографический справочник *Кельмаков 1988* содержит 259 работ членов кафедры; в справочнике *Кельмаков 1990* нашла упоминание 71 работа; в библиографии *Кельмаков 1995* приведена 141 публикация членов кафедр. Работы, написанные и опубликованные членами языковых кафедр, касаются самых различных вопросов словарного состава, грамматического строя, фонетики и

²¹ В этот состав включены также и около пяти десятков газетных публикаций (*Примечание редактора*)

методики преподавания удмуртского языка; сюда же относятся также учебники и учебные пособия для массовых школ и высших учебных заведений республики. Среди них наиболее значительными являются работы монографического характера, такие как:

“Удмурт кыллы дышетон методика: Фонетика но морфология” (Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 204 б.) – автор Г. Н. Никольская;

“Удмурт лексикая очеркъёс” (Ижевск: Удмуртия, 1971. 96 б.), “Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учебн. пос. по лексикол. удм. яз. для студентов высш. учебн. завед.” (Ижевск, 1981. 105 с.), “Займствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты” (Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.), “Лексикология современного удмуртского языка: Учебн. пос. для учителей и студентов вузов Удм. Респ.” (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1982. 140 с.), “Удмурт фонетикая но лексикая ужъёс” (Устинов, 1986. 34 б.), “Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь” (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 172 с.), “Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пос. для высш. учебн. завед.” (Ижевск: Удмуртия, 1998. 484 с.) – автор И. В. Тараканов;

“Сравнительные конструкции в удмуртском языке” (Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 92 с.), “Удмурт кылья внеклассной ужъёс: Дышетйсьёслы юрттэт” (Ижевск, 1989. 162 б.), “Удмурт стилистикая очеркъёс” (Ижевск: Удмуртия, 1990. 145 б.) – автор Р. И. Яшина;

“Удмурт кыллэн исторической грамматикаез: Филол. факультетын дышеткисьёслы программа” (Ижевск, 1976. 36 б.), “Образцы удмуртской речи [1]: Северное наречие и срединные говоры” (Ижевск: Удмуртия, 1981), “Удмурт диалектология: Юанъёс но ужъёс I” (Устинов, 1986. 42 б.), “Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры” (Ижевск, 1990. 368 с.), ““Кырзаса лэзем али...”: Кырзанъёс но такмакъёс” (Ижевск, 1990. 48 б.), “Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах” (= Удмурт вераськетъёс 1) (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 176 с.), “Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт” (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 58 с.), “Udmurtin murteet”/“Удмурт диалектъёс” (= Удмурт вераськетъёс 2) (Turku – Iževsk, 1994. 364 s.), “Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию: Мате-

риалы по спецкурсам” (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 59 с.), “Удмурт диалектология: Методической юрттэт / 4-тйез, тупать-яса, выльдыса но ватсаса поттэмез” (Ижкар, 1998. 78 б.), “Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Тексты. Библиография” (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.), “Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы к спецкурсу” (Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 1999. 59 с.), “Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс” (Ижевск: “Удм. ун-т” книга поттон корка, 1999. 60 б.), “Udmurtin kielioppia ja harjoituksia (= Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XIV)” (Helsinki, 1999. 319 s.), “Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт” (Ижевск, 2000. 72 с.) – автор В. К. Кельмаков;

“Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков” (Ижевск: Удмуртия, 1982. 144 с.), “Сложноподчинённой предложениос но соослэн синонимъёссы” (Ижевск: Удмуртия, 1977. 80 б.), “Удмурт кылья диктантъёс: 4–8-тй классъёслы: Дышетцсьёслы пособие” (Ижевск: Удмуртия, 1986. 200 б.) – автор Г. А. Ушаков;

С. В. Соколовым (в соавторстве с В. В. Туганаевым) издан “Словарь биологических терминов” (Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.), печатается краткий этимологический словарь удмуртского языка и др.;

“Пермь но финно-угорской кыльёслэн ёошатон грамматика-зы: Филол. факультетын дышетцисьёслы программа” (Устинов, 1985. 21 б.), “Гипотаксис в удмуртском языке: Пособие для студентов по синтаксису” (Ижевск: Издат. дом “Удм. ун-т”, 1999. 101с.) – автор А. Ф. Шутов.

В 1981 г. кафедра удмуртского языка и литературы совместно с кафедрой коми языка и литературы Сыктывкарского университета издала сборник статей “Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка” (Ижевск, 1981. 165 с.).

Члены языковых кафедр УдГУ являются также активными участниками проводимых в различных столичных городах и странах финно-угорских народов всесоюзных/всероссийских научных конференций и международных конгрессов финно-угроведов. В свою очередь факультет удмуртской филологии и сам не раз выступал как организатор научных совещаний по языкознанию. Так, например, в 1985 году в рамках итоговой научной конфе-

ренции совместно с языковедами Удмуртского НИИ был проведен симпозиум по теме “Венгерские ученые и пермская филология” с последующим изданием его материалов под таким же названием.

Кафедра удмуртского и финно-угорского языкознания также была инициатором регулярно проводимых зональных симпозиумов под общей темой “Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками”. Первый такой симпозиум был проведен в 1986 году, и с тех пор он проводится через каждые два года в Ижевске или Сыктывкаре. Материалы симпозиума печатаются как сериал под общим названием “Пермистика”. Опубликовано уже 5 сборников из этой серии, нынче планируется издание еще 2 выпусков – 5–6-го номеров.

Лингвисты факультета удмуртской филологии в 1991 году провели также зональный научно-методический симпозиум “Удмуртский язык: Теория и методика преподавания”. Доклады, прочитанные на этом симпозиуме были опубликованы в журналах “Вестник УдГУ” (1993, № 6) и “Вордскем кыл”.

С начала 90-х годов усилился интерес ученых и широкой общественности к проблемам современного состояния литературных языков финно-угорских народов. Ученые языковых кафедр и в этом вопросе не остались в стороне. На 1-ом зональном симпозиуме, проведенном в Саранске, выступили с докладами 3 человека, 2-ю (1990) и 3-ю (1998) зональную конференцию по проблемам литературных языков финно-угорских народов члены языковых кафедр провели в Ижевске. Материалы 2-ой зональной научной конференции печатались в “Вестнике УдГУ”, а материалы 3-й конференции готовятся к печати (подробнее о последней см.: [Кельмаков 1998: 33–55; 1999]).

С 1992 года на факультете удмуртской филологии УдГУ стал функционировать Ученый Совет по защите кандидатских диссертаций. За 9 лет работы на совете проведена защита 9 аспирантов и соискателей, в том числе 2-х аспирантов по коми-пермяцкому языку (Аксенова О. П., Гагарина О. А.), 1 – по коми-зырянскому языку (Е. П. Шеболкина) и 1 – по мордовскому языку (П. В. Каштанова). С 2000 года Ученому Совету УдГУ разрешено проводить защиты кандидатских диссертаций и по русскому языку.

Таковы в целом успехи и достижения преподавателей языковых кафедр УдГУ в области учебно-методической и научно-исследовательской работы.

Библиографический список

[Кельмаков В. К.] Библиография научных трудов кафедры удмуртского и финно-угорского языкознания / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1988. 30 с.

Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание между VI и VII Международными конгрессами финно-угроведов: Краткий очерк / Удм. гос. ун-т; АН СССР. УрО РАН. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1990. 45 с.

Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание между VII и VIII Международными конгрессами финно-угроведов: Библиография / Удм. гос. ун-т. Каф. общего и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. 58 с.

Кельмаков В. К. Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию: Материалы по спецкурсам. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 59 с.

Кельмаков В. К. III Международный симпозиум "Пути и способы совершенствования и развития финно-угорских литературных языков", посвященный 100-летию со дня рождения Кузеева Герда // LU. 1999. № 4 (XXXV). С. 311–316.

Уваров А. Н. Югдытсьёс: Удмурт литературалэн кылдэмез сярсьыс очерксьёс. Ижевск: Тодон, 1994.

И. В. Тараканов, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)

Т. И. Тепляшиналы – 75 арес

1999-тй арын 9-тй мартэ тырмиз 75 арес финн-угор дуннеын тодмо луись удмурт нылкышнолы, трос аръёс ёже кылтодон бордын ужам тодосчи, филологи наукаосъя кандидатлы, Удмурт Элькунлэн наука удысысь дано ужасезлы, ожысь но ужысь ветеранлы Тамара Ивановна Тепляшиналы.

Вордскиз Т. И. Тепляшина Дэбес ёросысь Пичи Кизьна (Малая Кизня) гуртысь огшоры крестьян семьяын. Дэбесысь шоръёзо школаез йылпумъяса, 1942-тй арлэн толсур толзёзяз ужаз та ёросысь ик Медлодур (Заречная Медла) гуртысь начальной школаын дышетись луыса. Нош 1942-тй арын толсур толзе дас тямь аресъем егит нылаш фронтэ кошкиз. Карелиысь фронтын но Кыдёк Востокын секыт тылжуз потыса, 1945-тй арын дораз берытскиз. 1946-тй арлэн кутсконаз ик партилэн Дэбес райкомез сое Ижысь областной партшколае дышетскыны келяз. Сое йылпумъямез бере, тодон-валанзэ будэтйз Ленинград университетлэн Чукпал кыльёсья факультетаз. Татысен ик со тунсыкъяськыны кутскиз пöртэм кыльёсын. Ас улонзэ но герзаны малпаз та ужен. Озы егит тодосчи

1950-тй арын ужаны кутскиз Удмурт научно-исследовательской институтлэн кылъя сектораз. 1953-тй арын сйзыл СССР-ысь Тодосьёся Академилэн Кылтодонъя институтэзлэн аспирантураз пыриз но Василий Ильич Лыткинлэн кивалтэмез улсын тодматскыны кутскиз удмурт вераськетъёсын но соослэн пöртэмлыкёсынызы. Ита шур котырысь удмуртъёслэсь вераськемзэс пыр-поч эскерыса, Тамара Ивановна 1955-тй арын удмурт кылтодонын нырысьсэ удмурт вераськетъёслы сйзем “Тыловайский диалект удмуртского языка” нимо кандидат диссертацизэ утиз.

Собере улон сое вуттйз Рязаньысь пединститутэ. 1956–1959-тй арьёсы ужаз отысь жуч кылъя кафедраын ассистент луыса. 1959-тй арын сйзыл выльысь вуиз Москвае но СССР-ысь Тодосьёся Академилэн Кылтодонъя институтысьтыз финн-угор кылъёся сектораз ужаны кутскиз. Отйяз, пенсие потытояз, вань ужан сюресэз герзаськемын вал та институтэн.

Т. И. Тепляшиналэн ужъёсаз удмурт кылтодонысь трос пöртэм ужпумъёс сэрттйсько-пертчйсько. Тодосчи луыса, ас улонзэ кутскиз со удмурт вераськетъёсты эскерон бордысен. Соосты жеч-жеч дышетон но тодон понна, кытчы гинэ öз вуылы – Удмуртилэн уйпал, лымшор но шор ёросъёсаз, озыы ик Удмуртилэн палэназ улысь удмуртъёс доры но. Трос гинэ ужъёсыз сйземын та удысэз азинтонлы. Тодмо луо тодосчилэн таёе ужъёсыз “Фонетическая характеристика тыловайского говора” (1957), “Некоторые особенности глазовского диалекта” (1959 – В. И. Лыткинэн чöш), “Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка” (1961), “Удмуртский язык (образцы диалектных текстов)” (1962), “О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах” (1965), “Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах” (1966), “Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия” (1970), “Заметки по верхнеижским говорам” (1973), “Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах” (1975). “Язык бесермян” книгаез (1970) тужгес но баджымез луэ. Та ужаз но “Этноним *бесермяне*” (1970), “Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян” (1975) но куд-ог мукет статьяосаз со нырысьсэ пыр-поч эскере бесермянёслэсь кылзэс, чöшатэ сое мукет удмурт вераськетъёсын но тюрк кылъёсын. Ас сяменыз валэктыны тырше бесермянёслэн вашкала историенызы но кылдэменызы герзаськем ужпумъёсты.

Туж жалыса верано луз: одйгез, “Ареальные исследования в восточных финно-угорских языках (Удмуртский ареал)” нимо бад-
жым ужез (со гождэмын 80-тй арьёсы) али но поттытэк кылле. Та
книгалы академик Б. А. Серебrenников ас дыраз баджым дунъет
сётйз вал. Оскомы, удмурт тодосчиос та тырмымтэез матысь дыре
палэнтозы но, лыдзисьёс кие вуоз Т. И. Тепляшиналэн та туж кулэ
но тунсыко ужез.

Тодосчи баджым саклык висъя вашкала гождям синпель-
метъёсты (письменной памятникъёсты) эскеронлы. Москваысь, Ле-
нинградысь (али Санкт-Петербург), Кировысь архивъёсын ужаса,
со трос гинэ шедьтйз удмурт кылья XVIII дауре дасям синпель-
метъёсты.

Бöрысь “Рукописный удмуртско-коми-пермяцко-русский
словарь XIX века” (1969), “Об удмуртско-русском словаре Заха-
рия Кротова” (1971), “Морфологические диалектизмы в словаре
З. Кротова” (1973) статьяос но “Памятники удмуртской письмен-
ности XVIII века” (1970) нимо книга поттйз. Берпуметйяз баджым
ужаз со пыр-поч валэктйз дас пумо гождям синпельметъёслэсь
(кыллюкамъёслэсь, грамматикаослэсь) пуштроссэс но аспöртэм-
лыксэс. Т. И. Тепляшиналэн та баджым кутскем ужез берло арь-
ёсы эшшо но азылантьйськиз туалы тодосчиосын. 1995-тй арын
Россиысь Тодосъёсы академилэн Урал ёзэзлэн История, кылья
но литература Удмурт институтэз Захарий Кротовлэсь кыллю-
камзэ поттйз. 1998-тй арын тодосчиос но студентъёс кие вуиз
Михаил Могилинлэн 1786 арын кигожтэм грамматикаез. Таёе лу-
онлык кылдйз, Т. И. Тепляшиналэн гождям синпельметъёслы ко-
пиос лэсьтэмезлы луыса. Соин ик солы асьмеос музеймозь йы-
бырттыны но баджым тау карыны кулэ.

60-тй арьёсы быдэс асьме кунын ономастикая (аснимъёсты
дышетонъя) пöртэм уждрадъёс быдэсыськыны кутскизы. Тамара
Ивановна удмурт тодосчиос пöлысь нырысьсэ мылысь-кыдысь
басьтйськиз та тема борды. Ог ньыльдон пала ужзэ сйзиз адями-
ослэсь нимъёссэс, фамилиоссэс, кушем нимъёссэс, озыы ик инты
нимъёсты эскеронлы. Огъя вераса, Т. И. Тепляшина кылдыгтйз ту-
ала удмурт антропонимикалэсь но топонимикалэсь, адями но инты
нимъёсыз эскерон амальёслэсь инъетсэс. Татын пусйыны луоз таёе
ужъёссэ: “Материалы по бесермянской топонимике” (1964), “Си-
стема гидронимии Удмуртской АССР, ее состав и особенности”
(1965), “О названиях населенных пунктов Удмуртии в бассейне р.

Чепцы" (1965), "О способах образования топонимов бассейна реки Чепцы" (1967), "Специфика удмуртской топонимии" (1968), "Русская адаптация удмуртских топонимов" (1969), "Основные типы топонимии юга Удмуртии" (1969), "О древнеудмуртских личных именах" (1969), "Двойные имена удмуртов" (1970), "Названия возвышенных мест Удмуртии" (1970), "Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян" (1975). Нош "Антропонимические модели пермских языков" книгаз (1978) рос-прос сэрттэ-пертче, удмуртьёслэсь сяна, коми калыкъёслэсь но адями нимъёссэс, валктэ соослэсь ку но кызы кылдэмзэс.

Озы ик палэнэ өз кыле бускель калыкъёслэн этнонимъёссы но удмуртьёслэн чыжы-выжы нимъёссы. Соос сярэсь со гожтыз "О терминах родства у бесермян" (1963), "Удмуртские термины родства" (1965), "К вопросу об этнониме *пор*" (1967), "Загадочные термины родства в удмуртском языке" (1968), "Термины *бесермяне* и *чуваши* в письменных источниках" (1968), "Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии" (1969), "Этноним *бесермяне*" (1970) ужёсаз.

Т. И. Тепляшина озы ик монографиос но вузьёслы учебникъёс дасян бордын но сюлмо тыршиз. В. И. Лыткин кузпалыныз чёш гожтыз "Грамматика современного удмуртского языка" книгаысь (1962) "Фонетика" люкетсэ, "Основы финно-угорского языкознания" бадзым ужысь перм (удмурт, коми-зырян но коми-пермяк) кыльёсья йыретсэ. Перм кыльёсын вашкала финн-угор кылдйнылэн азинскемез пыр-поч эскеремын Т. И. Тепляшинаен "Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам" (1978) нимо мукет тодосчиосын чёш гожтэм ужын. В. М. Вахрушевен чёш тыршиз 1983-тй арын поттэм удмурт-зуч кыллюкаме дасян бордын но.

Удмурт кылтодонъя пöртэм ужпумъёсты эскерем сяна, тодосчи тунсыкъясъиз чыжы-выжы луись но удмуртьёслы кыдёкын луйсь кыльёсын но. Со сярэсь верало солэн таёе ужёсыз "О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка" (1965), "Н. И. Ашмарин и вопросы финно-угроведения" (1971), "Из патронимии каринских татар" (1972), "О происхождении марийского слова *когыльо* 'пирог'" (1973). Т. И. Тепляшина котьку ик мыльсь-кыдысь пырыськылз трос пумо конференциослэн но симпозиумёслэн, финно-угроведения калыкуспо конгрессъёсылэн ужазы.

Т. И. Тепляшина лэн нимыз асьме шаерын гинэ тодмо өвёл, сое тодо кунгож съёрын но. Со лы сётэмын Удмурт Элькунлэн наука удысысь дано ужасез ним. 1973-тй арын луиз Хельсинкиысь Финн-угор огазеяськонлэн кунсьөр ёзчиез.

Пенсие потыса но, Тамара Ивановна тэк пукыны уг чида. Жадёнэз валатэк пырыське пöртэм ужрадъёсы. Шумпотэ, удмурт тодосчиослэн лыдзы будэ шуыса. Али но со котьку дась соослы юрттыны, кулэ визь-кенеш но дуньет сётыны. Котьку сюлмаське ветеранъёслэн кенешазы ужез умойгес радъян сярись. Мылыськыдысь пырыське “Удмурт кенешлэн” Москваысь ёзэзлэн ужаз.

Тамара Ивановна – яратись анай но песянай. Кузпалыныз, быдэс дуннелы тодмо луись тодосчиен но коми кылбурчиен В. И. Лыткинэн, ёош будэтйзы кык нылзэс. Али нылъёссылэн но ньыль пиналзы будэ ни.

Тамара Ивановна, вань удмурт калыклэн но тодосчиослэн нимынызы ёечкыласьком Тйледыз 75 арес тырмеменыды. Сйзиськом юн тазалык, бадъым шуд, задор мылкыд но ужады азиньконъёс.

Л. Е. Кириллова, кылосбур тодосъёсы кандидат, Россиысь Тодосъёсы академилэн Урал ёзлюкетэзлэн История, кылья но литературая удмурт институтысьтыз кылтодонъя ёзэн кивалтйсь (*Ижевск*)

П. И. Воронцов. Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 1999. 160 + [Приложение] 69 с.

На заседании Диссертационного совета К 064.47.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Удмуртском государственном университете 22 декабря 1999 г. Петр Иванович Воронцов успешно защитил диссертацию “Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении)”, выполненную под руководством доктора филологических наук, профессора И. В. Тараканова.

Диссертационное исследование П. И. Воронцова посвящено одному из интереснейших аспектов языкознания – диалектологии. Используя электроакустический метод исследования, дис-

сертант дает детальное сопоставительное описание вокалических систем северных, южных, периферийно-южных, бесермянских и срединных говоров удмуртского языка.

Структурно работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В конце работы приводятся списки сокращений и использованной литературы, а также дается приложение.

Во введении излагается материал и методика исследования, приводятся данные об используемой транскрипции. Следует отметить, что успех научного исследования во многом определяется тем, насколько удачно и точно передан материал исследования. В данном конкретном случае все работает на диссертанта. Нельзя представить себе более четкого и точного распределения материала исследования и определения методов исследования, которые, кстати сказать, не просто перечислены, а действительно работают.

Первая глава исследования посвящена истории инструментального анализа удмуртских гласных. Диссертант достаточно успешно определяет и показывает реальный прогресс научного исследования в области удмуртского языкознания и то, что фонетические исследования носят все более объективный, достоверный характер, обогащая при этом удмуртское языкознание новой терминологией и новыми приемами и методами исследования.

Вторая глава посвящена анализу гласных удмуртских диалектов с точки зрения их акустического аспекта. При исследовании акустических характеристик звуков главное внимание обращено на их формантную структуру. Формантная структура гласных изучается на основе анализа сонограмм, полученных методом широкополосной спектрографии*, применяемой в удмуртском языкознании диссертантом впервые. Диссертант достаточно четко обосновывает причину выбора изучения в основном формантной структуры гласных (хотя, при исследовании акустических характеристик гласных изучают и частоту основного тона, интенсивность и длительность), а также поясняет, что, главным образом для исследования берется стационарный участок гласного, тогда как его переходные участки изучаются для уточнения некоторых данных. Результаты анализа сонограмм гласных отражены в таблицах и многочисленных схемах, приведенных во второй главе исследования.

* Экспериментальные данные получены в фонетической лаборатории Туркуского университета (Финляндия) под руководством профессора Калеви Виика

Глава чисто экспериментальная, достаточно подробная и в полной мере отражает все объективно полученные результаты, соответственно и выводы, полученные в ходе исследования, не вызывают сомнений. Гласные удмуртских диалектов имеют свою четко выраженную формантную структуру. По расположению первой форманты гласные верхнего подъема характеризуются низкой локализацией F_I, тогда как гласные нижнего подъема имеют высокую F_I; гласным среднего подъема соответствует среднерасположенная F_I со средними частотами. По местоположению второй форманты заднерядные гласные имеют низкую F_{II}, высокую F_{II} имеют гласные переднего ряда, и средняя F_{II} характерна для гласных среднего ряда. По расположению в спектре звука третьей форманты диссертант выделяет продвинутые гласные самой высокой F_{III}.

Третья глава диссертационного исследования посвящена описанию и обобщению данных, полученных в результате анализа дифференциальных признаков удмуртских гласных по отношениям их формант друг другу, т. е. диссертант анализирует отношения формант между собой, которые характеризуют, в какой части спектра звука сосредоточена основная энергия. Для этого диссертант, исходя из артикуляционных признаков гласных, отбирает пять дифференциальных признаков гласных удмуртских диалектов таким образом, что с артикуляционным признаком ряда коррелируют акустические признаки тональности и дизности, с подъемом — компактность и напряженность, а с огубленностью — бемольность. Расчет ведется по относительным показателям. При изучении признака гравис/акут было выявлено, что основная масса энергии наиболее сосредоточена на участке переднеязычных гласных, а при изучении признака дизный/простой оказалось, что наиболее сильный участок энергии приходится на заднеязычные гласные. По признаку компактный/диффузный гласные верхнего подъема являются диффузными, они менее компактны по сравнению с гласными нижнего подъема и артикуляторным коррелятом здесь является подъем гласного. По признаку бемольный/простой бемольные гласные удмуртских диалектов обладают малой суммой частот формант, в отличие от простых гласных; что касается гласной ы, то ее варианты нельзя отнести к бемольным только лишь из-за уменьшения частот формант на их участке, т. к., по мнению диссертанта, скорее всего на уменьшение частот формант для вариантов ы повлиял несколько веляризованный характер артикуляции. Относи-

тельно рассматриваемого признака напряженный/ненапряженный диссертант делает вывод, что ненапряженными являются шесть гласных удмуртских диалектов, более относящихся к среднему ряду среднего подъема, а десять гласных характеризуются как напряженные. Признак напряженный/ненапряженный определяется диссертантом по степени удаления формант того или иного гласного по сравнению с положением формант “нейтрального” гласного. В конце главы диссертант дает детальное описание акустических характеристик семнадцати исследуемых гласных на основе полученных коэффициентов ДП.

Глава четвертая – одна из самых обширных глав в предпринятом исследовании. Она посвящена определению и рассмотрению акустико-артикуляционной квалификации гласных удмуртских диалектов, при этом диссертант отдельно анализирует усредненные и диалектные варианты гласных, а также их ударные и безударные аллофоны. Данные об акустических свойствах гласных, полученные диссертантом в ходе исследования, позволяют уточнить артикуляционные характеристики отдельных гласных и дать более точную и полную артикуляционную классификацию гласных удмуртских диалектов. Кроме того, диссертант делает вывод относительно качественной редукции звуков, полагая, что поскольку нет существенной разницы в изменении формантной структуры при произношении как ударного, так и безударного гласного, то нет и оснований говорить о наличии качественной редукции в удмуртском языке.

“Заключение” содержит выводы и обобщения по предмету исследования, а приложение более чем достаточно отражает вполне объективные результаты исследования и тот огромный практический материал, который был проанализирован диссертантом. Список использованной литературы включает 181 источник на русском и удмуртском языках и 20 источников на иностранных языках.

Анализируя предпринятое диссертационное исследование П. И. Воронцова, в целом следует отметить, что работа выполнена на высочайшем научном уровне, о чем свидетельствует весь ход исследования и полученные объективные данные, а также корректно проведенный инструментальный анализ. Достоверность полученных данных обеспечивается представительным набором примеров, которые были детально проанализированы как с артикуляци-

онной, так и с акустической точки зрения. Диссертант в своем исследовании отразил весь свой теоретический уровень подготовки в разных областях языкознания: диалектологии, исторической фонетики удмуртского языка, теоретической и инструментальной фонетики, о чем свидетельствуют частые ссылки на тех или иных авторов, а также критический анализ тех или иных теоретических положений. Данное исследование является хорошим подтверждением того, что статистика играет не последнюю роль в фонетических исследованиях, о чем свидетельствует огромное количество таблиц, вынесенных как в текст диссертации, так и в приложение. Тем более, что в таком инструментальном аспекте, а именно при использовании метода широкополосной спектрографии, гласные удмуртских диалектов не изучались вообще, что является несомненной новизной данного исследования. На основе проведенного инструментального анализа диссертант выстраивает 28 диаграмм акустической квалификации гласных, а также дает подробную и оригинальную классификацию гласных удмуртских диалектов. Структура работы, логичная и компактная, свидетельствует о том, насколько четко и хорошо представляет диссертант цели и задачи исследования и как он в какой-то мере прогнозирует результаты своего исследования. Полученные результаты не вызывают сомнений и вносят весомый вклад в развитие финно-угроведения, а также в изучение диалектологии и теоретической и исторической фонетики удмуртского языка.

Однако, вместе с тем, диссертанту не удалось избежать некоторых неточностей в своем исследовании.

1. На с. 34 дано нечеткое обозначение частоты основного тона как F_0 , вместо F_0 .

2. На с. 35 дается английский термин *F-pattern*, хотя он тут же объясняется как *F-картина*, что в какой-то степени засоряет научный стиль языка.

3. На с. 78, 81 речь идет о концентрации энергии на участке исследуемых гласных и даются обозначения R_1 и R_2 , но они не очень четко объясняются диссертатом, что затрудняет их восприятие.

4. И, наконец, жаль, что в список литературы не было включено такое фундаментальное исследование П. Ладефогед как "Гласные языков мира" (*P. Ladefoged & I. Maddieson. Vowels of the World's Languages. 1990*). Кроме того, поскольку диссертант

работал в университете г. Турку (Финляндия), интересной была бы работа профессора Антти Иивонена "Некоторые объяснения качественных изменений гласных финского языка", написанная совместно с Анне-Марией Лаукканен (*A. Iivonen & Anne-Maria Laukkanen Explanations for the Qualitative Variations of Finnish Vowels*. 1993).

Однако, перечисленные выше неточности никак не умаляют явных достоинств диссертационного исследования.

Т. А. Краснова, канд. филол. наук, доцент УдГУ (Ижевск)

Е. А. Изушев. Стилистика морфологических категорий коми языка: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Сыктывкар, 1990. 310 с.

Синтаксис и стилистика являются одним из слабоизученных вопросов не только в коми, и в других финно-угорских языках. Достаточно, например, сказать, что ни один из родственных финно-угорских языков Поволжья и Прикамья не располагает какими-либо исследованиями, посвященными рассмотрению вопросов стилистики речи, не говоря уже об обобщающих учебных пособиях по данной проблематике. Отсутствием теоретических работ по стилистике и обусловлен выбор темы данной диссертации. В ней не рассматриваются функциональные стили современного коми языка и не исследуется стиль художественной литературы. Тема диссертации значительно шире – изучение проблем грамматической стилистики – выявление выразительных возможностей морфологических категорий коми языка.

Это тема не только актуальна, она крайне необходима в современных условиях, когда национальные языки не только малых народов России, но и тех, кто насчитывает сотни тысяч носителей, отнесены на своей исторической родине в разряд необязательных, на них не только не ведётся документация в государственных учреждениях, но и не ведётся обучение подрастающего поколения ни в одном учебном заведении, включая детские сады.

В таких национальных языках, как коми, вследствие бесконтрольного притока русизмов и транспозиции грамматических конструкций русского языка на коми разговорную речь, а также на язык средств массовой информации, национальный язык теря-

ет свою выразительность, что, несомненно, ведёт к утрате авторитета литературной формы языка.

В диссертации Е. А. Игушева поставлены конкретные цели, и автор их последовательно разрешает. На большом фактическом материале, собранном из произведений оригинальной художественной литературы, а также из фольклорных и диалектологических источников, диссертант прослеживает эмоционально-экспрессивный потенциал морфологических категорий коми языка, с помощью которого успешно выражается отношение говорящего к высказываемой мысли.

Композиция диссертации соответствует поставленным задачам. Она логична и в общем целесообразна. Основная проблематика рассматривается в 5 отдельных главах. Теоретическая часть излагается во введении, где даётся понятие о стилистике, описываются функциональные стили коми языка. Однако эту часть диссертации автору можно было немного расширить, поскольку данная работа является первой по счету теоретической работой по стилистике коми языка. Говоря об отсутствии в современном коми языке официально-деловой, учебно-научной терминологии, автор ограничивается лишь констатацией того факта, что созданная в 20–30 годы терминология деловой речи в последние годы полностью русифицирована. Нам кажется, что в условиях демократизации общества и гласности, когда коми и другие малочисленные народности объявили свои языки государственными и происходит расширение их общественной функции, автору диссертации следовало бы дать конкретные рекомендации по восстановлению ранее созданных, но ныне забытых, научно-технических, научно-методических, учебных и общественно-политических терминов. В ряде языков такая работа уже проводится весьма успешно, в частности, в чувашском, татарском, мордовских и удмуртском. В последнем, например, восстановлены исконные названия дней недели, древние названия месяцев, отдельные слова и словосочетания русского происхождения также успешно передаются внутренними словообразовательными средствами родного языка, такие как *Верховный Совет, застойный период, заграница, космос, собрание, призывы, столовая* и др.

В первой главе автор рассматривает стилистику грамматических категорий именных частей речи. Особенно тщательно анализу подвергается категория падежа. Впервые в коми языкознании выявлены синонимичные формы падежей, употребление

одной падежной формы в роли другой, использование послеложной конструкции в роли падежной формы, что имеет место как в родственном удмуртском, так и в других финно-угорских языках.

В том же разделе удачно рассмотрены случаи использования форм множественного числа имени в роли единственного для выражения эмотивности, а также употребление формы единственного числа вместо множественного для сообщения высказыванию коннотации лаконичности, абстрагирования.

Автор внимательно прослеживает детерминированное употребление посессивных аффиксов, выполняющих специфическую уточняющую, выделительную, артиклевую функцию. Неоправданный пропуск их под влиянием законов русской грамматики, не имеющей данной грамматической категории, приводит к стилистическим ошибкам.

В разделе "Стилистика имен прилагательных" автор выявляет грамматические варианты прилагательных и убедительно доказывает, что форманты с суффиксом *-ыд*, как архаичные, придают высказыванию экспрессивную коннотацию.

Такую же стилистическую роль играют деривационные морфемы имен *-а*, *-тӧм*, используемые для образования производных прилагательных из непроеизводных основ прилагательных.

Автор прослеживает с точки зрения выразительности синонимичные формы компаратива и приходит к выводу о том, что архаичные аналитические конструкции, представляющие собой сочетание имени прилагательного в позитиве с именем в элативе, как менее употребительные более выразительны привычной синтетической формы компаратива на *-джык*.

В разделе, посвященном анализу стилистических свойств имен числительных, удачно прослеживаются грамматические варианты и грамматические синонимы нумералов. Убедительно доказано, что имена числительные, выступающие в роли наречий меры и степени, являются стилистически выразительными. Данные разделы богато иллюстрированы примерами, взятыми из художественных и фольклорных текстов. Они дают читателю возможность наглядно представить все те эмоциональные и экспрессивные оттенки их грамматических значений, которые заложены в соответствующих синонимических грамматических формах.

Большую ценность представляют также таблицы, приложенные в конце диссертации. Однако эти таблицы целесообразнее

было бы привести после выводов к каждому разделу главы, как это делается в автореферате.

При анализе стилистических свойств различных форм имен прилагательных автор оперирует терминами качественные и относительные прилагательные. Нам кажется, что деление прилагательных на качественные и относительные в пермских языках нецелесообразно, так как они не являются строго прикреплёнными к своим лексико-семантическим разрядам (см. об этом: Г. А. Ушаков. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск. 1984. с. 14–15), ср. также *из корка* 'каменный дом', *из сюлэм* 'черствый, жестокий' (букв. 'каменное сердце')

Вызывает большой интерес материал, расположенный в главе "Местоимения", где автор исследует использование местоимений одного разряда в значении прономенов другого разряда для выражения отношения к предмету речи.

В разделе "Глагол" привлекает внимание использование глаголов одного вида, залога, наклонения в функции глаголов другого вида, залога, наклонения.

При анализе грамматических вариантов партиципов на *-ан/-ана*, *-ом/-ома*, *-том/-тома* автор убедительно доказывает, что данные грамматические формы не являются абсолютными синонимами, а партиципы с формантами, имеющими ауслаутную огласовку, стилистически выразительнее: ими подчеркивается отношение говорящего в высказываемой мысли.

В разделе "Наречие" обращает на себя внимание исторический экскурс автора в этимологию форманта на *-ко*, употребление которого при адвербиальных словах придаёт сообщению коннотацию экспрессивности.

В диссертации весьма детальному анализу подвергнута синонимика служебных слов. Автор подробно рассматривает также случаи использования знаменательных слов в функции релятивных, избыточное употребление послелогов или их пропуск при именах, содержащих темпоральную семантику, что содействует приданию высказыванию лаконичности и выразительности. При этом автор показывает, как в целях выделения мысли релятивные слова принимают суффиксы, в частности, показатели пассивности, диминутивности и др.

Положительным в диссертации является и то, что выявляя внутренние стилистические возможности морфологических средств коми языка, автор наглядно показывает порочность механического калькирования русских деривационных моделей и синтаксических конструкций, а также бесконтрольный приток русизмов, препятствующих развитию выразительных возможностей коми языка.

В целом следует отметить, что детальный анализ материала, содержащегося в трудоемкой диссертации Е. А. Игушева, оставляет хорошее впечатление. В ней содержится большой теоретический и фактический материал по стилистике морфологии коми языка. Подобной теоретической работой пока не располагает не только коми языкознание, но и другие родственные восточные финно-угорские языки. Результаты исследования имеют большое теоретическое и прикладное значение и могут быть использованы при составлении учебника по стилистике коми языка для вузов и при написании нормативной грамматики современного коми языка, при чтении спецкурсов для студентов. Данная работа может служить образцом для создания подобных исследований по стилистике и по другим финно-угорским языкам.

Диссертантом проделана огромная работа по выявлению стилистических возможностей в грамматических категориях морфологии, но как всегда бывает в подобных работах, есть и некоторые недочеты, особенно это касается оформления диссертации и использования грамматической терминологии¹ в коми языке. Например, рассматривая залоговые формы с суффиксом *-сь-* (*вотасьны* 'видеть сон', *узьсьны* 'спать, спаться') автор называет их глаголами пассивно-страдательного залога. Нам кажется, что в пермских языках нет целесообразности выделить особый страдательный залог, поскольку он не имеет специальную форму. Формы с суффиксами *-сь-* в примерах, подобных *вотасьны*, следует назвать лишь страдательным значением возвратного залога (с. 40). По нашему мнению в пермских языках имеются лишь две соотносительные залоговые формы: возвратные и невозвратные, понудительные и непонудительные.

Второе наше замечание касается аффикса многократного действия *-л* (с. 148). По традиции автор диссертации в состав аффикса многократного действия не включает гласный элемент, но нам кажется, что глаголы многократного действия в пермских

языках образуются с помощью суффикса *-лы*, ср.: *сылывыны* 'таять, растаять', *кылывыны* 'слышаться, доноситься', удм. *ветлылыны* 'ходить, ездить (многократно)', *кутылыны* 'держат, хватать, шупать, ошупывать'.

В разделе "Имя прилагательное" в таких примерах, как *лѳза-гѳрда карандаш* 'карандаш с синим и красным графитом' суффикс *-а* автор считает архаическим суффиксом двойственного числа, который встречается в подобных же сочетаниях *ая-тия* 'отец с сыном' (с. 83). На наш взгляд, суффикс *-а* является тем же самым посессивным суффиксом, который выражает обладание каким-либо качеством или свойством. Он не имеет никакого отношения к двойственному числу. Подобные примеры встречаются и в удмуртском языке, ср. *анае-атае нылпи* 'ребёнок, имеющий родителей (букв. мать и отец)'.

Автор диссертации иногда допускает непоследовательность в употреблении лингвистической терминологии. Например, частица *-мед* в одном и том же предложении называется и приставкой и частицей (с. 88).

Чувствуется, что в оформлении диссертации автор проявил поспешность: примеры, данные в финно-угорской транскрипции, не откорректированы. Поэтому иногда трудно определить фонетический облик коми слова и его грамматического форманта. Например, русское заимствованное *что* зафиксировано как *iste* (с. 263), вм. *ištò, ki pir verdni* вместо *ki pir verdni* (с. 40). Не выправленными остались опечатки машинистки на с. 39, 53, 55, 59, 36, 81, 84 и др., не дописаны латинским шрифтом отдельные примеры, грамматические форманты (с. 75, 103, 152 и др.). Встречаются также некоторые погрешности стилистического порядка (см. с. 55, 56, 138, 139, 104).

Следует сказать, что отмеченные в рецензируемой диссертации недочеты не носят принципиального характера, они касаются частных вопросов, поэтому ничуть не снижают её научной ценности, тем более, что они могут быть легко устранены. В целом же рецензируемая работа представляет собою законченное исследование и является несомненно новым крупным вкладом не только в коми, но в пермское языкознание в целом.

И. В. Тараканов, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)

В. К. Кельмаков. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / РАН. Ин-т языкозн. М., 1993. 57 с.

В. К. Кельмаков в современной уралистике пользуется большим авторитетом как лингвист широкого диапазона не только в области описательной и исторической фонетики удмуртского языка, но и других областей исторического языкознания – диахронической морфологии, этимологии и исторической лексикологии, ономастики и т. д. – пермских народов. Его работы не ограничиваются исследованиями каких-то узких вопросов пермистики, а посвящены, как правило, изысканиям сложных историко-лингвистических проблем финно-угорских языков.

Изучением современного состояния и путей формирования фонетической системы удмуртских диалектов В. К. Кельмаков занимается с 60-х годов. Многие разработанные им положения все-сторонне апробированы и внедрены в практику вузовского преподавания (см.: с. 48–57).

Научный доклад, таким образом, является итогом многолетних и кропотливых изысканий и, несомненно, отражает достижения современной финно-угристики и уралистики. Исследования В. К. Кельмакова проводились на добротном материале, включающем лингвистические данные почти всех говоров современного удмуртского языка, а также многих диалектов родственных и неродственных языков, анализ которых опирается как на традиции исторической компаративистики, так и на достижения современной контактологии. При необходимости и по возможности автором применялись элементы методов внутренней реконструкции, а также типологического и статистического анализов. Это позволило автору впервые поставить или впервые разрешить ряд узловых, а также и побочных проблем. Так, впервые в удмуртском языкознании реконструирован праудмуртский вокализм первого и непервого слогов и выявлены основные тенденции его эволюции в современных диалектах; восстановлена парадигматика и выявлены некоторые особенности синтагматики праудмуртского консонантизма. При этом охарактеризованы пути преобразования отдельных звеньев и элементов консонантизма в современных удмуртских диалектах. Следует, впрочем, заметить, что обобщающие выводы, касающиеся эволюции фонетической системы уд-

муртских диалектов, получены в результате глубоких исследований, поэтому они достаточно убедительны и в большинстве случаев бесспорны, а некоторые спорные моменты, имеющиеся в отдельных работах, могут стать лишь импульсами для их исследования под другим углом зрения.

Так, демонстрируя совокупную картину фонетического развития удмуртского языка, В. К. Кельмаков совершенно правильно заключает, что движущей силой в цепи непрерывных изменений, преобразований и сдвигов в фонемной парадигматике и синтагматике удмуртских диалектов выступала и выступает совокупность факторов как интра-, так и экстралингвистического порядка. Вместе с тем, на основе тщательных изысканий он отмечает, что в одних случаях ведущими оказались внутренние предпосылки, тенденции и импульсы (напр.: падение среднерядных огубленных гласных **o* и **y*; распространение лабиализованных гласных *o* и *u* в непервых слогах непроизводного слова; репласация ударения и пр.), в других случаях основной причиной возникновения фонетической инновации явилось влияние контактирующего языка (в частности, татарского — возникновение деканья, появление фонемы *ä*, формирование гармонии гласных в отдельных диалектах и др.), в третьих же случаях выявление ведущих факторов звукоизменений на данном этапе значительно затруднено (падение аффрикат, фонологизация *ь*, возникновение гортанного смычного согласного и т. д.) (с. 47).

Проделана также большая работа по критическому переосмыслению вопросов исторической фонетики прапермского периода. Исследования данного направления проводились до сих пор с преимущественным вниманием на коми диалектные материалы, что существенно искажало достоверность получаемых результатов. Поэтому в исследованиях В. К. Кельмакова особый интерес представляет выявление и описание важнейших тенденций прапермского этапа развития удмуртского и коми языков, приведших к возникновению мощного общепермского пласта в удмуртской (геср. коми) диалектной фонетике.

Достаточно глубокая изученность объекта исследования позволила автору произвести диахронное описание современной удмуртской акцентуации как органическое развитие в изменившихся условиях финно-угорской и прапермской акцентуационных систем.

Из вышесказанного следует, что в исследованиях В. К. Кельмакова поставлены и решены важные вопросы сравнительно-исторической фонетики, поэтому ее результаты способствуют ликвидации наиболее крупных пробелов в диахронической фонетике удмуртского языка и представляют большую ценность для финно-угорского языкознания и уралистики.

Научный доклад производит хорошее впечатление, он находится в логическом соответствии с развитием основных положений и состоит из введения, описания вопросов описательной и исторической фонетики удмуртских диалектов, заключения и списка публикаций. Вместе с тем сочтено целесообразным ввести в композицию второй части доклада отдельные рубрики для более полной характеристики этапов исследования и изложения его результатов.

Все теоретические положения и выводы автора аргументированы, научно обоснованы и не вызывают возражений. Автор отлично разбирается как в материалах, так и лингвистических методах исследования.

Обобщая вышеизложенное, следует констатировать, что исследование формирования и развития фонетики удмуртских диалектов на фоне языковых данных родственных и неродственных контактирующих языков с применением проспективных и ретроспективных методов, заслуживает самой высокой оценки и позволяет квалифицировать его как достижение в современной уралистике.

А. Н. Куклин, доктор филол. наук, профессор МГПИ (Иошкар-Ола)

Учебно-методический комплект по удмуртской диалектологии, составленный **В. К. Кельмаковым** (1974–1998)

В летопись факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета вписана яркая страница – впервые за весь период существования факультета создан учебно-методический комплект.

Учебно-методический комплект по удмуртской диалектологии написан професором университета, одним из ведущих финно-угроведов республики, крупнейшим специалистом по пермским языкам В. К. Кельмаковым. Длительное время обучение диалек-

тологии на факультете удмуртской филологии осуществлялось по материалам лекций преподавателя, что осложняло учебный процесс, отрицательно сказывалось на усвоении учебного материала студентами; учителями школ отмечалось отсутствие научно-методической литературы, отражающей современное состояние удмуртской диалектологии.

Учебно-методический комплект (УМК) составлен на основе многолетнего опыта преподавания удмуртской диалектологии в УдГУ, ведения занятий по удмуртской диалектологии и исторической фонетике удмуртского языка в Хельсинкском и Туркуском университетах Финляндии. Кроме того, В. К. Кельмаковым опубликовано более 70 работ по вопросам диалектологии и исторической фонетики удмуртского языка, издан ряд книг: “Образцы удмуртской речи [1]: Северное наречие и срединные говоры” (Ижевск, 1981. 299 с.), “Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры” (Ижевск, 1990. 368 с.), “Проблемы удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах” (= “Удмурт вераськетъёс 1”. Ижевск, 1992. 176 с.), “Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт” (Ижевск, 1993. 60 с.), “Udmurtin murteet” (Turku – Iževsk, 1994. 368 s.), получивших высокую оценку ученых как в Удмуртской Республике, так и широкого круга мировой финно-угорской общественности.

Изучение диалектов имеет большое научное и практическое значение. Многие явления современного удмуртского литературного языка могут быть объяснены только при помощи диалектологии; роскошная крона национального удмуртского литературного языка сохраняется, обогащается и развивается за счет диалектов; знание диалектов помогает студентам избежать речевых ошибок, обогатить свою речь диалектизмами, умело и обоснованно использованными в письменной и устной речи. Знание диалектов своего родного языка необходимо каждому удмурту в плане сохранения нравственно-этического, духовного наследия удмуртского народа, отраженного в близком и понятном каждому с детства языке.

В учебно-методический комплект входят: программы (“Университетсь филология факультетлы программаос: Удмурт диалектология” и “Удмурт диалектология: Ужан программа”), сборник упражнений и вопросов по материалу курса (“Удмурт диалектология: Юанъёс но ужъёс”), методические рекомендации для студентов (“Удмурт диалектология: Методичекой юрттэт”),

учебное пособие с хрестоматией (“Краткий курс удмуртской диалектологии”).

Программа “Университетская филология факультета программы: Удмурт диалектология” (Ижевск, 1992. 38 б. – первый пробный вариант под названием “Удмурт диалектология курса программа” вышел в 1974 г.) состоит из объяснительной записки и семи разделов.

В объяснительной записке обоснована актуальность изучения курса диалектологии, отражена его научная и практическая значимость, определен точно очерченный круг систематизированных знаний, умений и навыков, которые должны быть усвоены обучающимися по предмету. Студенты должны уметь: анализировать диалектные тексты с точки зрения их лексики, фонетики и морфологии и синтаксиса; записывать правильно и быстро диалектный текст, произнесенный (прочитанный) информантом; находить особенности различных диалектных текстов в художественных произведениях; пользоваться различными программами для накопления диалектного материала; обсуждать в группе материалы, написанные по определенному диалекту.

Во введении студентам предложено объяснить актуальность изучения дисциплины, передать связь науки с другими науками (ономастикой, фольклористикой, литературоведением, этнографией и некоторыми другими), отмечается необходимость заботы об изучении, знании и сохранении диалектов как части духовного наследия народа.

Второй раздел программы “Удмурт диалектология и ее история” отведен на изучение истории науки об удмуртских диалектах, в которой выделяются три периода: с 1858 по 1928 г. – I этап (первые публикации об удмуртских диалектах Ф. Й. Видеманна, исследования Б. Гаврилова, Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна и др.; вклад в диалектологию удмуртских просветителей – Г. Е. Верещагина, И. С. Михеева, И. В. Яковлева и др.); с 1929 по 1954 г. – II этап (исследования Д. В. Бубриха, публикации Кедре Митрея, Т. К. Борисова, С. П. Жуйкова и др.); с 1955 г. по настоящее время – III этап (научные исследования в области удмуртской диалектологии В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, И. В. Тараканова, В. К. Кельмакова и других авторов). В разделе приводятся требования к знанию студентов современного состояния и перспектив развития удмуртской диалектологии.

В третьем разделе – “Транскрипция” – автор предусматривает ознакомление студентов со значением транскрипции, с отличием транскрипции от орфографии, с особенностями фонетической и фонематической транскрипции, с исторически сложившимися двумя системами фонетической транскрипции – на латинской графической основе и кириллице. Студенты должны иметь представление об особенностях транскрипционных систем Б. Гаврилова, Б. Мункачи, Ю. Вихманна, Д. Р. Фокош-Фукса, с одной стороны, и используемыми в изданиях по диалектологии в последние десятилетия как в нашей стране, так и за рубежом, с другой.

Раздел “Удмурт диалектьёслэн фонетической системазы, грамматической стройзы но лексической составзы” обращает внимание студентов на общее и различительное в фонетике, грамматике и лексике различных диалектов, подчеркивает общую основу удмуртских диалектов, отмечает их дифференциальные признаки.

Следующий раздел – “Удмурт кыллэн диалектьёслы ёзнаськемез” – предполагает раскрытие современных представлений о диалектном членении удмуртского языка. На основе анализа работ Ф. Й. Видеманна, Т. Г. Аминоффа, Ю. Вихманна, Т. К. Борисова, В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, Р. Ш. Насибуллина и др. профессор в удмуртском диалектном ландшафте ориентировочно выделяет четыре конститутивные единицы: северное, южное (с собственно-южным (или центральным) и периферийно-южным диалектами), бесермянское наречия и срединные говоры (промежуточные между северным и южным наречиями).

Раздел “Удмурт диалектьёс но литературной кыл” направлен на формирование представлений о взаимосвязи удмуртских диалектов с литературным языком, о месте и роли удмуртских диалектов и диалектизмов в современной литературе, в произведениях удмуртских писателей и поэтов (Кузубая Герда, Кедре Митрея, Г. Медведева, М. Коновалова, Г. Красильникова и др.). Рассматриваются вопросы развития современного литературного языка за счет диалектизмов, предлагается анализировать влияние литературного языка на диалекты, рассмотреть роль школы, радио, телевидения, театра в распространении и усвоении норм литературного языка.

В последнем разделе программы (“Диалектьёсыз эскерон амальёс”) отражены методы изучения диалектов: наблюдение, описание, анкетирование и некоторые другие.

Огромные возможности для расширения базы знаний, самостоятельной исследовательской деятельности обучающихся представляет богатый перечень произведений как отечественной, так и зарубежной научной литературы, что позволяет создать доминирование развивающих возможностей над репродуктивным усвоением учебного материала по курсу удмуртской диалектологии.

Программа обширна, и весь круг проблем, очерченный ею, разумеется, не может быть пройден на занятиях по курсу в объеме тех часов, которые отведены для этого предмета по учебному плану. С учетом этих возможностей составлена автором рабочая программа по курсу (Удмурт диалектология: Ужан программа. Ижевск, 1997. 24 б. – первое издание увидело свет в 1991 г.), определяющая круг тем и количество часов для аудиторных занятий. Знакомство же с остальным блоком проблем, включенных в общую программу по удмуртской диалектологии, проводится студентами под руководством преподавателя или самостоятельно в ходе выполнения ими контрольных работ по диалектологии, заданий полевой практики, курсовых и дипломных проектов на диалектологическую тему.

С целью оптимизации самостоятельной работы студентов очного и заочного обучения составлено профессором методическое пособие “Удмурт диалектология: Методической юрттэт / 4-тйез, тупатьяса, выльдыса но ватсаса поттэмез” (Ижевск, 1998. 78 б. – предыдущие издания вышли в 1985, 1990 и 1994 гг.), содержащее рекомендации к выполнению контрольных работ, заданий по полевой практике, советы по использованию кириллического и латинского шрифта в транскрипции, вопросы к зачету по курсу диалектологии.

Сборник заданий и контрольных работ по определению уровня знаний, умений, навыков обучающихся по материалу курса “Удмурт диалектология: Юаньёс но ужьёс” (Ижевск, 1986. 42 б.) состоит из введения, заданий по истории диалектологии, по транскрипции, фонетике (вокализму); в сборнике представлен также синонимический ряд диалектных слов и их форм. Сборник технологичен, обеспечивает сотрудничество преподавателя и студента, позволяет определить уровень знаний, умений, навыков студентов по материалу курса.

Учебно-методический комплект достойно завершает учебное пособие “Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фо-

нетика. Морфология. Тексты. Библиография” (Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.), которое, по мнению доктора философии Л. Л. Карповой, “представляет собой значительное явление в лингвистической науке. Оно является серьезным вкладом как в удмуртское языкознание, так и в пермистику в целом, поскольку это пока единственный обобщающий труд, посвященный системному описанию современного состояния удмуртских диалектов и вносящий много нового в освещение процессов их становления и развития” [LU. 1999. № 4 (XXXV). С. 303]. Содержание учебного материала пособия вызвало живой интерес и в Финляндии: в 1994 году Туркуским университетом выпущено удмуртско-финское совместное издание “Удмурт диалектьёс”/“Udmurtin murteet” в переводе профессора С. Сааринен на финский язык.

Композиционно учебное пособие включает следующие главы: “Введение”, “Фонетика”, “Морфология”, “Диалектные тексты”, “Примечания к диалектным текстам” и “Примечания”. Около половины объема занимает хрестоматийная часть учебного пособия (4-я глава) – транскрибированные диалектные тексты, репрезентирующие почти все единицы диалектного членения современного удмуртского языка. Для студентов, научных работников, всех тех, кто интересуется вопросами удмуртского и финно-угорского языкознания информационно насыщено не только содержание учебного пособия, но большую ценность представляет и заключительная глава пособия, где дается библиография по удмуртской диалектологии с XVIII века по 1997 год (568 печатных работ). Наряду с работами известных авторов перечислены рукописи дипломных работ студентов Удмуртского государственного университета, что является наглядным примером творческой деятельности студентов по курсу удмуртской диалектологии. Приложение, список литературы в приложении, материал учебника оставляют место для педагогического, методического творчества преподавателя, для его инновационной деятельности.

Следует отметить огромное воспитательное значение, тонкий психологический подход к подбору диалектных текстов: большая часть из них записана самими студентами; и участие студентов в научной работе такого высокого уровня – средство неназидательного приобщения учащихся к развитию, совершенствованию, сохранению родного языка. Создание УМК, на наш взгляд, было бы невозможно не только без огромной исследова-

тельской работы автора, но и без таланта руководителя, умелого координатора исследовательской деятельности студентов.

Методические рекомендации ясны и доступны. В них содержится четко определенная цель, указание способа исполнения учебного задания. Инструкции для студентов позволяют обеспечить правильное и эффективное выполнение работ, способствуют заинтересованности обучаемых в изучении одной из сложных учебных дисциплин – диалектологии.

Учебно-методический комплект соответствует современным концепциям, теориям лингвистики, педагогики, психологии. Высокий когнитивный уровень учебного материала (адаптированный условиям преподавания), обоснованность практических рекомендаций, наличие четких и ясных методических указаний для преподавателя, предоставление широких возможностей для самостоятельной исследовательской деятельности студентов, забота о сохранении и развитии современного удмуртского языка свидетельствуют о продуманности, эффективности УМК. Учебно-методический комплект представляет собой значительное явление в лингвистической науке, весомый вклад в практику преподавания одной из удмуртоведческих дисциплин в Удмуртском государственном университете и Глазовском государственном педагогическом институте.

Г. А. Турова, кандидат пед. наук, научный сотрудник НИИ национального образования Удмуртской Республики (Ижевск)

Славистические заметки о старинном удмуртско-русском словаре

(“Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ. 1785 года”)

В 80-х годах XVIII столетия священник из Глазовского уезда Вятской губернии Захарий Кротов составил удмуртско-русский словарь, а в 10-х годах XIX века – грамматику удмуртского языка. Рукопись грамматики утеряна, а рукопись словаря сохранилась в Государственной национальной публичной библиотеке в Петербурге (шифр: Эрм. 197 II, название: “Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту распо-

ложенный села Еловского Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ”), но долгое время не публиковалась. И лишь совсем недавно Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук опубликовал этот труд, несомненно, заслуживающий внимания широкого круга ученых.

Издание включает в себя краткое редакторское предисловие, написанное кандидатом филологических наук Л. Е. Кирилловой (с. V–VI), статью кандидата филологических наук Т. И. Тепляшиной “Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова” (с. VII–XX) и фототипической воспроизведенные рукописи словаря (с. 1–287).

Почерк, которым написан словарь, представляет собой типичную гражданскую скоропись конца XVIII века и достаточно четок, так что специалист, имевший дело с русскими рукописными документами соответствующей эпохи, прочтает его без особого труда. Однако тому, кто не имеет практики чтения подобных текстов, придется прежде ознакомиться с особенностями данного типа скорописи, существенно отличающейся от современных рукописных шрифтов, т. к. воспроизведения словаря в современной графике издание не включает.

“По своему объему, – пишет Т. И. Тепляшина, – этот словарь является самым большим из сохранившихся памятников удмуртской письменности XVIII века: он содержит свыше 5000 слов и выражений (словосочетаний)”²². Ясно, что такой источник является неоценимым для специалистов по исторической лексикологии удмуртского языка. Кроме того, словарь содержит и важные сведения по удмуртской исторической фонетике.

Однако словарь З. Кротова не безынтересен и для слависта.

Во-первых, русские заимствования в контактирующих языках не могут не интересовать специалистов по исторической лексикологии также и русского языка, и в этом смысле рассматриваемый словарь содержит хотя и не очень обильный, но определенно заслуживающий внимания материал. Так, слово *борозда* заимствовано староудмуртским только со значением ‘борозда на пашне’. Зато слово *плешь* кроме исходного русского развило еще и значение ‘лысый’. Подобные факты бытования заимствованного слова на чужой почве всегда интересны не только в конкретно-

²² Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995 С VII

историческом, но и в общетеоретическом плане, в плане осмысления семантической структуры слова и факторов ее изменений во времени и пространстве.

Во-вторых, по крайней мере один любопытный факт содержит словарь и для специалистов по славянской исторической фонетике. Известно, что на определенном этапе истории славянских языков, в позднюю праславянскую эпоху, произошла рецессия ударения с конечных редуцированных на предшествующий слог, в результате чего имена мужского рода, принадлежавшие к окситонированной парадигме (то есть имевшие окончное ударение), в именительном падеже единственного числа получили после падения редуцированных вместо огласовки *столó*, *дворó*, *постó* и т. п. огласовку вида *стóл*, *двóр*, *пóст* и т. п. Можно думать однако, что это правило, как и большинство правил языка, не обошлось без исключений. Так, народная огласовка окситонированного имени собственного *Петръ* – *Петрó* свидетельствует, по видимому, об отсутствии рецессии в данном слове. То же самое, видимо, и в украинских *Павлó* (*Павлá*, *Павлу́* и т. д.), *Дніпрó* (*Дніпрá*, *Дніпру́* и т. д.). Правда, все эти слова в славянских языках заимствованные, но заимствования древние, имевшие место еще до падения редуцированных. *и*

В связи с этим сюжетом в словаре З. Кротова нельзя не обратить внимания на одно русское заимствование в староудмуртском языке: на с. 46 рукописи встречаем слово *двойнико́* 'близнец'. Заподозрить в оформлении финали какое-либо удмуртское влияние невозможно: удмуртские существительные могут иметь самые разные финалы, в том числе и *-ó*, но также и *-к*. В современных русских говорах в значении 'близнец' широко известно слово *двойник*, подравнявшееся под обычную огласовку существительных мужского рода. Но отголосок древней формы, сохраненный старым удмуртским словарем, является фактом любопытным и во всяком случае достойным внимания славистов: он наталкивает на вопрос о том, столь ли уж редкими были случаи сохранения ударности на конечных редуцированных. Обратный словарь современного русского языка фиксирует свыше 300 производных лексем с суффиксальным *-ик*, изменяющихся по окситонной акцентной парадигме²³. Среди них, конечно, есть и новообразования вроде *кранов-*

²³ Обратный словарь русского языка. М., 1974. С. 403–432.

щик, но много и древних по происхождению. Не сохраняла ли наконец ударение на -ъ хотя бы какая-то часть этих образований, кроме зафиксированного в староудмуртском языке русского заимствования? Нет ли каких-то других фактов подобного характера – в частности, в языках, контактировавших с древнерусским и старорусским? Таковы вопросы, на которые наталкивает слависта рассматриваемое издание наших удмуртских коллег

Итак, удмуртские языковеды подготовили интересное и полезное издание. И все-таки нельзя не сказать и о его недостатках. Если воспроизведение текста в современной графике, о желательности которого сказано выше, потребовало бы значительного увеличения книги, а значит, и ее удорожания (что существенно для современного ученого читателя, не имеющего средств порой и на приобретение самых дешевых изданий), то ограничиваться сноской о том, что члены редколлегии согласны не со всеми положениями Т. И. Тепляшиной, все-таки, наверное, не стоило. Думается, редакторское предисловие могло быть более обширным, и в нем можно было сжато рассмотреть или хотя бы перечислить те возражения, которые возникли у издателей в связи с указанной статьей. Едва ли это потребовало бы сколько-нибудь значительного увеличения предисловия, а увеличение объема на 10–15 страниц не повлекло бы существенного изменения цены в денежном выражении, но очень повысило бы ценность книги в научном смысле.

При всем том работа издателей, безусловно, заслуживает благодарности специалистов и должна быть соответствующим образом оценена в научных кругах как финно-угроведов, так и славистов.

Б. И. Осипов, доктор филол. наук, профессор (Омск)

Т. Г. Миннихметова. Календарные обряды закамских удмуртов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Уфа, 1996. 20 с.

29 июня 1996 года на заседании Диссертационного совета К 002.57.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Отделе народов Урала с Музеем археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН состоялась защита сотрудником вышеназванного Отдела Татья-

ной Гильнияхметовой Миннияхметовой кандидатской диссертации на тему “Календарные обряды закамских удмуртов”, выполненной под руководством заслуженного деятеля науки РФ и РБ, чл -корр. РАН, академика АН РБ, доктора исторических наук профессора Р. Г. Кузеева. Официальные оппоненты – доктор исторических наук профессор В. Е. Владыкин (Удмуртский университет), доктор исторических наук В. В. Напольских (Удмуртский ин-т ИЯЛ УрО РАН) и кандидат исторических наук М. Г. Муллагулов (ИИЯЛ УНЦ РАН); ведущая организация – Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Следовательно, этнографическая наука об удмуртах обогатилась еще одним исследованием – в этот раз рукописной монографией Т. Г. Миннияхметовой “Календарные обряды закамских удмуртов”. Актуальность данной темы, о чем диссертант пишет в автореферате (с. 2), не подлежит сомнению, но наряду с этим хотелось бы подчеркнуть еще один немаловажный момент, на что автор не сочла нужным обратить особого внимания: весьма удачно выбран объект для наблюдения и сбора материала по указанной теме – закамские удмурты. Это весьма благодатно в двух отношениях: во-первых, закамские удмурты, находясь на периферии удмуртской этнической территории в окружении других народов, наряду с иноэтническими заимствованиями, сохранили – хотя, разумеется, “не.. в равной степени” (с. 17) – многие традиционные календарные праздники, обычаи и обряды не только в виде музейных реликвий, но и как живую реальность; во-вторых, диссертант, будучи сама родом с территории проживания удмуртов Закамья, помнит и знает описываемые ею сюжеты не только по результатам многочисленных экспедиций к различным группам удмуртов и материалам, извлеченным из архивов и научной литературы (с. 4–5), но и по живой памяти детства и как факты своей личной биографии.

В результате исследование Т. Г. Миннияхметовой оказалось, судя по автореферату, весьма впечатляющим: в четырех главах диссертации подвергнуты анализу различные типы календарей, бытующие у закамских удмуртов, описан годовой цикл (“летний” и “зимний”) праздников, обычаев и обрядов, исследована терминология, употребляющаяся в речи закамских удмуртов для обозначения промежутков времени различной протяженности. Последнее представляет для меня, языковеда, особый интерес, хотя

ортодоксальному этнографу оно, возможно, покажется в данном случае излишним.

Эта работа, логически стройная и композиционно завершенная, выводит ее автора на широкий простор более глубоких обобщений или дальнейшего развития сюжетов:

во-первых, она может служить своеобразным трамплином для последующего комплексного изучения и описания материальной и духовной культуры весьма специфических и очень интересных этнографических групп закамских удмуртов;

во-вторых, на базе данного исследования и с использованием материалов и по другим регионам возможна реконструкция инвариантной системы удмуртского народного календаря;

в-третьих, появляется возможность и необходимость анализа наполненности удмуртских календарных праздников, обычаев и обрядов произведениями устной народной поэзии. И т. д.

Кстати, последний вопрос в диссертации, судя по автореферату, затрагивается лишь вскользь. Автор, в частности, пишет, что во время проведения праздника *ошорог* *Эуон* "...женщины и молодежь в ряженных костюмах ходили из дома в дом, издавая различные шумы, прыгали-плясали, распевали бессмысленные песни..." (с. 14). Проблема здесь в том, что многие календарные обряды у удмуртов – в отличие, скажем, от русских, мордовских и др., – имея свои особые песенные мелодии, порою варьирующие не только от округа к округе, но и от деревни к деревне (пасхальную, масленичную, троичную, катания с гор, качания на качелях и т. д.), все же не имеют развернутых текстов песен или их цикла, по крайней мере, они нигде в полном виде не зафиксированы. Исключение составляет лишь осенне-зимний праздник *пöртмаськон* (праздник ряженья) с развитым циклом песен в средне-западной части Удмуртской Республики (Вавожский, Увинский, Селтинский, Сюмсинский и др. районы). Чем это можно объяснить? По крайней мере, ни в публикациях этнографов, ни в исследованиях фольклористов мне еще не удалось найти ответа на этот интересующий меня (возможно, не только меня) вопрос.

Количество публикаций автора по теме диссертации должно, кажется, удовлетворить даже самого взыскательного оппонента: 13 опубликованных работ общим объемом свыше 10 п. л. Кстати, приведенный список (с. 20) диссертант по праву могла

бы дополнить статьей, появившейся в начале 1996 года в Финляндии в материалах VIII Международного конгресса финно-угроведов: “Малефиций в традиционных обрядах закамских удмуртов” [Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10.–15.8.1995. Jyväskylä, 1996. С. 258–262]. Однако мне хотелось бы видеть весь этот богатый и интересный материал, представленный в научно обработанном виде в данной диссертации, не только в разрозненных публикациях – статьях, тезисах докладов и др. (это, разумеется, тоже немаловажно), но и в издании монографического характера. Тем более, что подобных книг в этнографическом удмуртоведении нет.

Что же касается диссертации Т. Г. Миннихметовой “Календарные обряды закамских удмуртов”, то она, судя по автореферату, является серьезным вкладом в удмуртскую и финно-угорскую этнографию.

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)

Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателю – Л. Е. Кирилловой; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Коммент.: С. 121–191; Прил.: С. 192–201.

В серии “Памятники культуры: Лингвистическое наследие” (основанной в 1989 году) в конце 1998 года вышла книга М. Могилина “Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики”. Книга представляет собой один из ценных памятников удмуртской письменности XVIII века, который до настоящего времени не был доступен широкому кругу читателей.

Книгу открывает “Слово к читателю” (с. 5–6) ответственно-го редактора Л. Е. Кирилловой, где она вкратце знакомит нас со структурой данного издания.

В предисловии доктор исторических наук К. И. Куликов говорит о “Рукописи, полной тайн и загадок” (с. 7–13). Ссылаясь на различного рода архивные документы, ученый пытается разгадать, кто такой М. Могилин и в какие годы был написан этот труд, почему рукопись не была издана и является ли она единственным трудом автора... Отвечая на поставленные им вопросы,

он как бы не ставит точку, а “дает задание будущим исследователям” для раскрытия все новых и новых тайн истории, касающихся данного труда и не только.

Сам труд “Краткой отяцкія грамматики опытъ”, в котором содержится эскизное описание всех грамматических особенностей удмуртского языка, включает в себя сопроводительную записку от префекта и философии учителя Крестовоздвиженского игумена Адама: “Принадлежитъ къ числу книгъ библіотеки Семинаріи Вятской яко истинный плодъ семинаріи воспитанника вотяцескимъ новокрещеннымъ Се(?)кинъ села Укану священника Михаила Могилина Ч(исла): 21 октября 1780 (1786?) года”; специальное письмо (с. 15–19), в котором М. Могилин обращается к тому, “от которого, очевидно, зависела дальнейшая судьба рукописи – к Преосвященному Владыке” (Куликов, с. 10); обращение “Къ читателю” (с. 20–24) от самого автора, в которой М. Могилин говорит о пользе и необходимости такого рода изданий.

Во “Вступленіи или Предувѣдомленіи” (с. 25–26) М. Могилин кратко излагает суть работы и перечисляет какие “литеры” “для свойственнаго и яснѣйшаго нѣкоторыхъ отяцкихъ реченій выраженія заимствуются”, особо подчеркивает роль ударения.

По признанию самого М. Могилина, работа написана по принципу построения русско-латинской грамматики Г. Лебедева. В 13 разделах грамматики рассматриваются как знаменательные (имена существительные, прилагательные, числительные; местоимение, глагол, наречие), так и служебные (предлог, междометие, союз) части речи. Весь материал довольно четко систематизирован, сопоставлен, классифицирован по признакам, выведены общие и частные закономерности.

Первая и по объему самая большая глава грамматики – “О имени существителномъ” (с. 26–61). В 12 параграфах автор кратко (на четырех с половиной страницах рукописного текста) излагает суть имени существительного “отяцкого языка”. Имена существительные в основном односложные или двусложные, многосложных же мало; ударение почти все имеют на последнем слоге, имеют одно склонение, хотя могут иметь “весьма различные окончанія”, два числа: единственное и множественное; что “единъ сродственный” род; склоняются по следующим падежам:

Въ единств: числѣ.

Именит.	кто? или что? (“произно- сится естественно j про- сто”)	
Родит.	пріемлетъ слогъ	лень
Дат.		лы
Винит.		есь или се
Твор.		ень

Въ множеств: числѣ.

Именит.	употребляетъ слогъ	іосъ
Родит.		іосълѣнь
Дат.		іосълы
Винит.		іоссе
Творит.		іосъѣнь или іосъынъ

М. Могилин делит все существительные на 8 “Раздѣлений” по “примѣрамъ именъ кончащихся” на какую-нибудь гласную или согласную “литеры”. Например, “Раздѣленіе 1: примѣръ именъ кончащихся на гласную литеру *а* и *я*”:

Числа единств:

И.	<i>Папа</i>	птица
Р.	<i>папа-лѣнь</i>	птицыно
Д.	<i>папа-лы</i>	птицѣ
В.	<i>папа-ѣсь</i>	птицу
Т.	<i>папа-ѣнь</i>	птицею

Числа множеств:

И.	<i>папа-іосъ</i>	птицы
Р.	<i>папа-іослѣнь</i>	птицъ
Д.	<i>папа-іослы</i>	птицамъ
В.	<i>папа-іоссе</i>	птицъ
Т.	<i>папа-іосъынъ</i>	птицами

Далее автор замечает: “По сему примѣру склонятся могутъ слѣдующіе имена” – и приводит около 30 слов с переводом на русский язык с данным окончанием. По этому же принципу построены и следующие “Раздѣленія”.

В качестве дополнения к первой главе выступает вторая — “О именахъ сложныхъ” (с. 62–66). В 1-м параграфе автор перечисляет имена сложные “родства, должностей, времени, деревь и растѣній, зданій, странъ, монеть” и другихъ вещей, а во втором — перечисляет их производность “1) от глаголовъ: напр. *оско́нь*, *вѣра*, *упованіе* или *вѣрность*, от глагола *оскиско́* *вѣрю*, *надѣюсь* или *довѣряю*...; 2) от народовъ: напр. *Дзюць*, *Россіянинъ*...”.

В разделе “О именахъ прилагательныхъ” (с. 66–73) говорит, что “знаменованіемъ своимъ изъясняютъ существительное, склоняясь съ нимъ в обоихъ числахъ чрезъ падежи”. Но формы склонения не приводит, а лишь перечисляет наиболее распространенные прилагательные.

“Имена числительные” делит на “порядочные” (с. 73–74), т. е. современные количественные числительные в именительном падеже, и “склоняемые” (с. 74–75), когда они могут применять падежные окончания, приводит примеры склонения.

В главе “О склоненіи вмѣстоимѣній” (с. 76–80) приводит формы склонения как всех личных местоимений в единственном и множественном числах, так и некоторых других: усилительно-личных (*мон ацѣмъ* ‘я самъ’, *ми ацимѣзь* ‘мы сами’, *тон ацѣдъ* ‘ты самъ’, *ти ацидѣсь* ‘вы сами’), вопросительно-относительных (*кинъ* ‘кто’, *маръ* или *масъ* ‘что’, *кудызь* ‘который’, *кудыюсь* ‘которые’), притяжательных (*мына́мъ* ‘мое’, *мынамы́юсь* ‘мой’, *миля́мъ* ‘наше’, *милямы́юсь* ‘наши’), указательных (*та* ‘это’, *таюсь* ‘эти’).

Достаточно полно (в 3 главах) М. Могилин освещает часть речи глагол. В главе “О спряженіи глаголовъ” (с. 81–106), выделяя 2 спряжения, говорит о личных и безличных, определенных и неопределенных глаголах, что страдательного залога нет, а “только дѣйствительное знаменованіе”, имеются 4 наклонения: изъявительный, повелительный, сослагательный и неопределенный, “также причастія настоящаго и прошедшаго времени, супина (вид отглагольного существительного — действительное наклонение) и герундіи (деепричастия)”. В следующей главе перечисляет безличные глаголы (с. 107–108). А в главе “Недостаточный глагол: *увань*, *есмь*” (с. 108–110) приводятся все формы спряжения данного глагола как в единственном, так и во множественном числе, в настоящем, прошедшем и будущем времени изъявительного наклонения, также в повелительном, сослагательном и “неопредѣленномъ” наклонениях.

Говоря о наречии (с. 110–117) отмечает, что это “несклоняемая часть слова” и перечисляет известные ему наречия.

В главе “О предлогъ” (с. 118–120) автор перечисляет предлоги (в современном удмуртском языке – послелоги), приводит примеры, при этом подчеркивает, что они “полагаются послѣ своихъ падежей”, т. е. в конце слов.

М. Могилин также выделяет в удмуртском языке междометия и союзы (с. 121).

По содержанию далее идут подробные комментарии (с. 122–192) ко всей грамматике, необходимость которых Л. Е. Кириллова объясняет следующим образом, “чтоб как-то облегчить работу с этим интереснейшим материалом” (с. 5).

В качестве приложения составители сочли необходимым включить в данное издание часть работы Т. И. Тепляшиной из “Памятников удмуртской письменности XVIII века” (М., 1965), посвященной данному труду, притом в том же виде, что и в “Памятниках...”, но сохраняя во всех приведенных автором примерах, как в оригинале, так и расшифровке, буквы *i*, *ъ*, *ь*, *ль*, *з* (с. 193–202).

“Краткой отяцкія Грамматики опытъ” представляет большой интерес не только для специалистов по удмуртскому и другим финно-угорским языкам, но и для всех, кто интересуется вопросами удмуртского языкознания. По словам К. И. Куликова, “это кладезь для ученых-лингвистов, это богатейший материал для литераторов, создающих произведения по древним сюжетам”.

Е. Б. Белова, м. н. с. отдела языкознания Удм. ИИЯЛ УрО РАН
(Ижевск)

М. А. Самарова. Микротопонимия Верхней Чепцы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 1999.

22 декабря 1999 г. на заседании Диссертационного совета К 064.47.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Удмуртском государственном университете Мира Анатольевна Самарова защитила кандидатскую диссертацию “Микротопонимия Верхней Чепцы”, выполненную под руководством доктора филологических наук, профессора В. К. Кельмакова.

Топонимика – отрасль лингвистики, изучающая историю создания, преобразования и функционирования географических названий. Как нет на земле человека или народа без имени, так нет безымянных географических объектов будь то одинокий хутор или многомиллионный город, безбрежное море или родничок на берегу реки. Имя – это один из продуктов человеческой культуры. Каждый народ оставляет свои следы на историко-географической карте мира в виде уникальных, неповторимых географических названий на своем родном языке.

Описанию географических названий малых объектов Верхней Чепцы посвящена рецензируемая нами работа М. А. Самаровой. Диссертант считает, что одной из первых задач данного исследования является анализ историко-географических условий, на фоне которых складывается микротопонимическая система Верхней Чепцы. В задачу исследования входят также выявление лексических единиц, употребляющихся в качестве детерминанта; определение лексико-семантических групп микротопонимов; рассмотрение диалектных особенностей, характерных для названий географических объектов Верхней Чепцы; выявление структурных типов на основе структурно-семантического анализа микротопонимов рассматриваемого региона.

Актуальность темы не вызывает сомнения, ибо каждое название имеет определенный интерес для языка, а также для истории, культуры народа, особенно когда испытывается дефицит в древних письменных источниках. В результате грандиозных социально-экономических, демографических, политических преобразований на селе, начиная с 30-х годов и до сего времени, исчезли и исчезают сотни и тысячи населенных пунктов, а вместе с ними уходят в небытие сотни тысяч названий географических объектов. Об этом вкратце упоминает и диссертант.

В основу исследования легли полевые материалы, собранные диссертантом в течение 1994–1999 гг. на территории Игринского, Дебесского, северной части Шарканского и Якшур-Бодьинского районов, расположенных в бассейне верхнего течения р. Чепцы, самого крупного притока р. Вятки. Использовала и другие возможные источники, содержащие материалы по теме диссертации.

Комплексный подход к изучаемой теме потребовал также использования данных смежных наук, особенно истории, археологии, этнографии, фольклора, географии.

Научная новизна исследования заключается в том, что М. А. Самарова впервые подвергла подробному системному описанию в лексико-семантическом и структурно-словообразовательном отношении микротопонимию 208 населенных пунктов Верхней Чепцы. Сопоставление их с географическими названиями других удмуртских регионов позволяет выяснить наиболее характерные типы всей удмуртской микротопонимии, выявить общее и специфическое и т. д.

Практическая значимость данного исследования вне сомнения. Материалы диссертации будут использованы при составлении топонимических словарей, в научных работах, а также в лекциях по курсу ономастики, диалектологии, лексикологии. Данные этого исследования могут использовать историки, археологи, этнографы, фольклористы, географы.

Основные положения диссертации апробировались на международных симпозиумах, научно-практических конференциях. М. А. Самарова имеет 6 научных публикаций по теме диссертации, еще 2 работы находятся в печати.

Диссертация состоит из предисловия (с. 4–10), введения (с. 11–54), трех глав (с. 55–172), заключения (с. 173–175); даются схематические карты с указанием территории исследуемого региона по речным бассейнам (с. 176–180); приводится список использованной литературы (с. 181–200), список сокращений (с. 201–206). В приложении приводятся указатель апеллятивов (с. 208–211), список информантов (с. 212–228), список микротопонимов Верхней Чепцы (с. 229–297).

Во введении диссертант поднимает и анализирует такие вопросы, как методы топонимических исследований, история изучения топонимии Удмуртии, историко-географическая характеристика Верхней Чепцы, фонетико-морфологические особенности говоров данного региона. В целом вводная часть оставляет хорошее впечатление своей логической стройностью и целесообразностью. Но по этой части работы есть некоторые вопросы и замечания:

1) определение “Микротопонимика – это наука, изучающая микротопонию” (с. 18), звучит не совсем научно и не раскрывает сути рассматриваемого объекта;

2) опираясь на авторов книги “Теории и методики ономастических исследований” (М., 1986), диссертант говорит о 19 методах ономастических исследований, а в самой работе приводится только 9;

3) подробно, грамотно описаны фонетико-морфологические особенности говоров Верхней Чепцы, но следовало бы больше привести примеров по апеллятивной лексике, легшей в основу топонимов изучаемого региона.

В первой главе диссертант во всей полноте анализирует апеллятивную лексику, легшую в основу формирования микротопонимии Верхней Чепцы. Классификационная схема данной работы построена на интерпретации апеллятивов с точки зрения обозначения ими географических объектов. Диссертантом в исследуемом регионе выявлено 284 апеллятива-детерминанта (ср. 290 лексем в удмуртской топонимии бассейна р. Валы, по 150 апеллятивов выявлено в карельской и вепской топонимии). Исследователь подразделяет апеллятивы на гидрографические, геоботанические, локальные, ойкографические, экономико-географические и метафорические группы.

В данной главе наиболее интересны данные по количественному показателю распространенности апеллятивов в топонимии Верхней Чепцы. Самым распространенными продуктивным здесь оказался апеллятив *н'ук* 'лог' – встречается в 1395 названиях географических объектов, затем идут *ошмэс* 'родник, ключ' – в 408 названиях, *шур* 'река' (309), *луд* 'поле' (300), *с'ик* 'лес' (251), *гурэз'* 'гора' (240), *воз'* 'луг' (193), *выр* 'холм, возвышенность' (190) и др. Даже по этим названиям мы можем воссоздать физико-географический облик исследуемого региона, выяснить экономико-хозяйственную деятельность населения, создавшую своеобразную систему географических названий родного края.

Вторая глава диссертации М. А. Самаровой посвящена выявлению лексико-семантических типов микротопонимов Верхней Чепцы и их классификации по разным группам. С учетом лингвистических и экстралингвистических факторов микротопонимический материал диссертант подразделяет на две большие группы: 1) названия, образованные от нарицательной лексики (4411 названий – 56,2 %), 2) названия, образованные от собственных имен (3437 названий – 43,8 %). В свою очередь, внутри этих двух больших групп исследователь выявляет еще 18 мелких подгрупп. В этой классификации есть положительный, есть и отрицательный моменты. Читатель теряется в столь подробной классификации и не знает куда отнести тот или иной топоним. Одно и то же название можно включить и в ту, и в другую подгруппу.

Третья глава диссертации называется “Структурные типы микротопонимов”. Весь комплекс географических названий Верхней Чепцы диссертант подразделяет на три группы: простые (1293 названия – 16,5 %), сложные (6391 название – 81, 4 %) и составные (164 названия – 2,1 %). Прделана большая работа, но по этой главе есть замечания, предложения, вопросы:

1) к группе простых (односоставных – см. с. 147) отнесены такие названия, как *Ке́зытошмес* (‘холодный ключ’), *Ко́льыёшур* (‘галечная ~ гравийная река’), *Чуна́рпаса́ка* (‘Чунарева пасека’) и др. По этому случаю исследователь дает такое объяснение: “Несмотря на то, что большая часть микротопонимов данной группы как бы состоит из двух компонентов, но эти микротопонимы, по нашему мнению, относятся к простым названиям, потому что имядатель использовал готовую форму, причем не изменяя ее” (с. 150). Не убедительно. Подобные же названия на с. 155, как *Ва́раяг* (‘Варварин бор’), *Петы́рошмэс* (‘Петров родник’), *Заха́рбу́сы* (‘Захарино поле’) и др. отнесены к группе сложных названий;

2) сложные и составные названия трудно различить, нет убедительных доказательств соотнесения их в разные группы. Структуру отворшудных топонимов некогда и мне пришлось рассматривать [М. Г. Атаманов. Отражение микроэтнонимов в топонимии // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: Сб. статей. Ижевск, 1980: 67–88], но в работе диссертантки об этом нет упоминания;

3) приводятся примеры на разные случаи образования микротопонимов: существительное + причастие; прилагательное + существительное + причастие + существительное и др. варианты – все это хорошо, но нет переводов, поэтому данный труд ввести в научный оборот будет трудно ученым, не знающим удмуртского языка. Например: *Шабурдаллашоннюк*, *Вужкуяськоннюк*, *Уйваймыркоёшкыт* и другие – не только русскоязычному читателю, но и удмурту трудно понять смысл и перевести столь специфичные названия;

4) в диссертации нигде не указан национальный состав населенного пункта, где записан тот или иной микротопоним. Весьма сомнительно, чтоб в удмуртской деревне существовали такие чисто русские названия, как: *Раскорчёвка*, *Противопожарка*, *Саватеевка*, *Заголиха*, *Лежнёвка* и много-много других подобных топонимов. В 1982 г. с этнографической экспедицией я проехал

весь Верхнечепецкий регион, записывал топонимы, но ни в одной удмуртской деревне не удалось зафиксировать подобных названий. Важно отметить, от кого получена информация, кто информант – русский, удмурт или удмурт, не знающий родного языка, или переселенец из других краев.

5) в любом регионе, если он заселен с древних времен, каковым является и Верхняя Чепца, выделяется пласт географических названий, происхождение которых не устанавливается на основе современных языков, т. е. топонимы неизвестного происхождения. В работе диссертантки такого пласта не оказалось. Неужели все апеллятивы имеют прозрачную этимологию?

Основная часть диссертации завершается заключением.

В завершении хочется сказать, что диссертантом М. А. Самаровой проделана огромная работа по сбору фактического материала и по его введению в научный оборот. Добротнo проводится классификация собранного материала по разным тематическим группам, выявляются структурные типы микротопонимов на территории малоизученного региона и т. д. Основные цели и задачи исследования диссертант успешно выполнила. Те замечания, которые были сделаны мною в ходе разбора соответствующих глав, не носят принципиального характера и не снижают его общего высокого научного уровня.

М. Г. Атаманов, доктор филол. наук (Ижевск)

Подготовка сборника к изданию и издание осуществлены
на средства Комитета по науке, высшему и среднему
профессиональному образованию при Правительстве
Удмуртской Республики

ПЕРМИСТИКА 6:
Проблемы синхронии и диахронии
пермских языков и их диалектов:
Сборник статей

Лицензия № 020411 от 18.02.97 г.

Подписано в печать 5.05.2000. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,7.
Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 250 экз. Заказ № 54.

Издательский дом "Удмуртский университет"
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

